

КНИГА
ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ
Арабские сказки

Полное собрание сочинений (Эксмо)

Сборник

**Книга тысячи и одной
ночи. Арабские сказки**

«ЭКСМО»

XV–XVI век н.э.

УДК 398.21(=411.21)
ББК 82.3(0)-6

Сборник

Книга тысячи и одной ночи. Арабские сказки / Сборник —
«Эксмо», XV–XVI век н.э. — (Полное собрание сочинений
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-098602-6

Истории, входящие в «Книгу тысячи и одной ночи» и восходящие к арабскому, иранскому и индийскому фольклору, весьма разнородны по стилю и содержанию. Это калейдоскоп событий и образов давно минувшей эпохи с пестрым колоритом нравов и быта различных слоев во времена багдадского правителя Харун ар-Рашида. Связующим звеном всех сказок является мудрая и начитанная дочь визиря Шехерезада. Спасаясь от расправы Шахрияра, после измены ополчившегося на всех женщин, Шехерезада своими историями отвлекает тирана от мрачных мыслей, прерывая свой рассказ на самом интересном месте и разжигая его любопытство... Джинны и колдуны, запечатанные тайным словом сокровища, волшебные кольца и светильники, очарованные юноши и лукавые красавицы – таким открывается читателю причудливый, пестрый, загадочный мир арабских сказок.

УДК 398.21(=411.21)

ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-04-098602-6

© Сборник, XV–XVI век н.э.

© Эксмо, XV–XVI век н.э.

Содержание

Книга далекая и близкая	6
Книга тысячи и одной ночи	18
Рассказ о царе Шахрияре и его брате	18
Рассказ о быке с ослом	22
Сказка о купце и духе	24
Рассказ первого старца	25
Рассказ второго старца	27
Рассказ третьего старца	28
Сказка о рыбаке	30
Повесть о везире царя Юнана	34
Рассказ о царе Ас-Синдбаде	36
Сказка о коварном везире	37
Рассказ заколдованного юноши	44
Сказка о горбуне	50
Рассказ христианина	52
Рассказ надсмотрщика	59
Рассказ врача-еврея	65
Рассказ портного	71
Рассказ цирюльника о самом себе	79
Рассказ о первом брате цирюльника	80
Рассказ о втором брате цирюльника	83
Рассказ о третьем брате цирюльника	85
Рассказ о четвертом брате цирюльника	87
Рассказ о пятом брате цирюльника	88
Из «Рассказов о животных и птицах»	94
Рассказ о лисице и волке	94
Рассказ о Хатиме ат-Таи	102
Рассказ о халифе Хишаме и юноше	102
Рассказ о Харуне ар-Рашиде и Ситт-Зубейде	104
Рассказ о халифе, невольнице и Абу-Новасе	105
Рассказ о Хасибе и царице змей	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сборник Арабские сказки. Книга тысячи и одной ночи

© Салье М.А., перевод на русский язык. Наследники, 2019

© Самойлов Д., перевод стихов на русский язык. Наследники, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Книга далекая и близкая

Джинны и колдуны, запечатанные тайным словом сокровища, волшебные кольца и светильники, очарованные юноши и лукавые красавицы – таким открылся в начале XVIII века Европе причудливый, пестрый, загадочный мир арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

Богатство слова и воображения поразили европейского читателя нового времени не меньше, чем пестрота тканей, блеск хрустальных и стеклянных чаш, мерцание стали мусульманских клинков поражали средневековых рыцарей-крестоносцев. Могущественные великаны-ифриты и вылетающие из кувшина черным дымом мятежные духи затмили прозрачных эльфов и фей; герои рыцарских романов и древних легенд словно бы потускнели перед творениями фантазии народов Востока.

Герои сказок «Тысячи и одной ночи» живут не в мрачных замках, чьи замшелые камни сочатся сыростью, не бродят среди полей и дубрав – они нежатся в невиданной роскоши беломраморных дворцов, полы которых устланы бесценными коврами, а кровля облицована червонным золотом, скитаются по Камфарной земле, восходят на чудесную гору Каф, плывут по южным морям к таинственным островам, где зреют говорящие плоды, летят на волшебном коне из черного дерева...

В этой яркости и красочности «Тысячи и одной ночи» – секрет ее популярности в Западной Европе, где осуществлялся один перевод за другим, появлялись переделки и обработки отдельных ее сказок. Восток снова, как в Средние века, возбудил живой интерес. «Восточные мотивы» у Вольтера и Монтескье, «Западно-восточный диван» Гете, захваченного дивным величием Хафиза и Саади, Азра, умирающий от любви у Гейне, сказки на темы «Тысячи и одной ночи» Гауфа, «ориентализм» Байрона, поклоняющийся дьяволу халиф в «Ватеке», «арабской сказке» Бекфорда, утонченные андалусские рыцари Абенсераджи Шатобриана – вот лишь наиболее яркие проявления этого интереса, характерного почти для всех предромантиков и романтиков Западной Европы, прозаиков и поэтов.

Не миновала увлечения «восточными» темами и Россия.

И, может быть, лучшим из всех произведений европейских поэтов на «восточные темы» были «Подражания Корану» и «Пророк» Пушкина, сумевшего гениально передать и напряженную эмоциональность, и величавый пафос арабской поэтической образности.

Но «Тысяча и одна ночь», хотя она и была известна русским читателям по вольному переложению Сенковского и по французскому переводу Галлана, не пользовалась в России столь большой популярностью. Восток был близко, он вплотную соприкасался с Россией, был ее частью, внес немалую долю в создание русского фольклора, особенно легенды и сказки. Восток был лишен здесь ореола экзотики. Но, что весьма важно, русская культура тогда была обращена в основном к культуре западной, к передовой европейской философии, эстетике, литературе.

* * *

Что же такое «Тысяча и одна ночь»? Этот вопрос задает себе внимательный читатель, пытающийся разобраться в хитросплетении самых разнородных сюжетов, которые рождаются здесь друг из друга, перебивают друг друга, которые кончаются будто лишь для того, чтобы в несколько измененном виде встретиться в следующем повествовании. Что заключено в обширную рамку рассказа о находчивой Шахразаде и жестоком Шахрияре, мстящем за свою поруганную честь?

Бесконечно расширяясь, эта рамка включает в себе целый мир, живущий по своим законам, отражающий жизнь многих поколений разных народов, творчество которых на протяжении нескольких веков вливалось в общее течение великой арабо-мусульманской культуры, питало народную традицию Ирана, Ирака, Сирии и особенно Египта, где свод «Тысячи и одной ночи» получил окончательное оформление.

Попробуем проникнуть в этот мир изнутри, познать его закономерности, противоречия, неминуемые в столь сложном единстве.

Посмотрим сначала, что говорит сказочник об устройстве Земли. Земля – это плоский диск, находящийся на рыбе. Диск окружен великим горным хребтом Каф, за которым простирается Камфарная земля, где находится слияние соленых и пресных вод, разделяемых ангелами. Один из ангелов восседает на самой высокой вершине гор Каф, сжимает в руке жилы земли, и если он встряхнет их, случается землетрясение. Особый ангел ведает великой рекой – «благословенным Нилом». Он следит за тем, чтобы уровень Нила всегда был один и тот же, чтобы разлив его животворных вод приходился всегда на одно и то же время года. Истоки великой реки Нил находятся под хрустальным куполом у горы Каф, откуда вытекают также реки Евфрат, Джейхун (Аму-Дарья) и Сайхун (Сыр-Дарья).

Под диском земли находится огромная змея, проглотившая, по приказанию Аллаха, геенну огненную, и пасть этой змеи всегда открыта для грешников.

На вершине горы Каф живут многочисленные племена джиннов – существ, сотворенных из огня. Одни из них – неверные, другие – мусульмане, и «джинны-мусульмане» постоянно ведут священную войну со своими соседями-язычниками.

Напротив горы Каф, на другом конце мира (правда, мир круглый, но это не смущает сказителя), находится страна сокровищ, а еще дальше, за высокой стеной, обитают таинственные племена Яджудж и Маджудж, которые упоминались еще в Библии, как Гог и Магог.

В таком виде – продолжает сказочник – мир будет существовать до Судного дня, когда архангел вострубит в трубу и мертвые восстанут из могил. А что будет дальше – об этом слу-

шатель знает из священной книги – Корана. Конечно же, грешники – богатые, жадные, скупые – попадут в геенну огненную, а хорошие и добрые люди войдут в райские кущи.

Но тут со сказочником, рассказывающим о похождениях Булукии, вступает в спор ученая невольница Таваддуд, посрамившая знаниями и красноречием всех знаменитых ученых в присутствии самого халифа Харуна ар-Рашида. Нет – говорит она – мир устроен не совсем так. Он круглый, а над ним вращаются семь сфер, несущие семь планет.

Таваддуд не упоминает о горе Каф и о хрустальном источнике – она ведь училась географии и знает, что реки Сайхун и Джайхун, Евфрат и Нил находятся далеко друг от друга, она может даже начертить карту, где мы, правда, с трудом, узнаем контуры Средиземного моря, Аравийского полуострова, островов Индийского океана.

Таваддуд не скажет ни слова об островах Вак, где плоды, имеющие вид людей и животных, прославляют Аллаха, она будет утверждать, что это рассказы «невежественного простонародья». Она не будет подробно описывать строение ада, со средневековой «точностью» перечисляя семьдесят тысяч огненных долин, в каждой из которых семьдесят тысяч огненных городов, в каждом из которых семьдесят тысяч огненных крепостей, огненных лож, видов пыток – и все это только в верхнем слое ада!

Зато она педантично назовет имена каждого из семи кругов геенны огненной, известные богословам так же хорошо, как число букв в каждом стихе Корана. Но и Таваддуд согласится со сказителем, ведущим рассказ о Булукии, что на севере находится Море мрака, где жизнь невозможна. И хотя Таваддуд знает, как некоторые мусульманские ученые, что Земля имеет форму шара, но все же изобразит на своей карте «окружающее море» – омывающий обитаемую часть земли Мировой океан, заменивший горный хребет Каф.

Так сливаются в мире «Тысячи и одной ночи» средневековая ученая и народная традиции, так создается космогония, где сплелись народные мифологические представления о мире с научными, или близкими к научным, воззрениями мусульманских ученых, основывающиеся главным образом на системе Птолемея.

Сказки уносят нас то в Багдад, Басру, Дамаск, Каир, Андалусию, то в Медный город или во владения Синего царя джиннов. Но повсюду, идет ли речь о простых людях – ремесленниках, купцах, путешественниках либо о царях, везирах, волшебниках и чародеях, – перед нами люди одной эпохи, одного мировоззрения, одного общества.

Как большой портовый город, подобный Александрии, соединил пришельцев из разных стран, сплавил унаследованные им традиции древнеегипетской и эллинистической культур с арабо-мусульманской, так Шахразада соединила в своих рассказах разноплеменных героев – арабов и индийцев, персов и жителей Китая. О чем думают эти герои, как поступают, каковы их идеалы?

Желая наставить царя Шахрияра и вместе с ним читателя (вернее, слушателя) на путь истинной добродетели, Шахразада рассказывает сказки и притчи, в которых говорится о том, каким должно быть человеческое общество, каким должен быть человек. Этот вопрос не нов. Еще Платон нарисовал «идеальное общество» в виде гармонического единства, и арабо-мусульманская культура, наследница греческой, восприняла основные положения греческой и эллинистической этики, на которые наслоились элементы собственно мусульманские. В X веке аль-Фараби, называющий, вслед за Платоном, идеальное общество «идеальным городом», определяет основные «добродетели» людей – членов идеального общества, в XI веке Ибн Мискавейх пишет этические трактаты и «заветы», призывая своих современников к самосовершенствованию и «смягчению нравов».

«Тысяча и одна ночь» посвящает этому повествование о царе Азадбахте и его десяти везирах, рассказ о Джиллиаде и Шимасе, множество коротких притч о животных.

Каковы же те этические идеалы, которых должен придерживаться слушатель, привыкший к сочетанию занимательного с дидактическим? Лучшая из добродетелей – сдержанность и тер-

пение, говорит сказитель. Только единственно благодаря сдержанности не казнил царь Азад-бахт своего сына, не узнанного им, только благодаря терпению спасается человек, попавший в беду. Не менее важно и благоразумие, умение обуздать свои желания, стремление не быть рабом страстей. Так, царь Джиллиад, отличавшийся в детстве необычайным благоразумием, мудро правит государством. Но стоит ему изменить благоразумию, и подданные восстают против него, и лишь разум вновь выводит его «на путь добра». Сказитель призывает сильных мира сего: «Будьте справедливы, не притесняйте подданных, руководствуйтесь в своих поступках справедливостью и милосердием». Обычно справедливость в «Тысяче и одной ночи» торжествует, злые цари лишаются престола, злые жены умирают лютой смертью, лицемеры и клеветники бывают разоблачены.

Но всюду ли? Шахразада беспристрастна. Рассказав о посрамлении лживых старцев и о наказании, ниспосланном жестокому царю, она переходит к повествованию о хитрой Далиле и коварной Зейнаб, о «молодцах» – членах братства разбойников и грабителей Хасане-Шумане и Али-Зейбаке, юрком, словно ртуть, отчего и получил он свое имя.

И совсем другие добродетели ценятся в мире героев этих рассказов – не благоразумие, но хитрость, не сдержанность, но сила и напористость, не терпение, но безудержность желаний. В историях о «ловкачах» действие перехлестывает грани сказки, перенося нас в иной, реальный мир. Да разве похож халиф Харун ар-Рашид на «идеального» – мудрого и благоразумного правителя, пекущегося о благе своих подданных? Переодевшись, он ходит ночью по городу якобы для того, чтобы посмотреть, как живет народ, а на самом деле для того, чтобы удовлетворить свою необузданную и недостойную «повелителя правоверных» страсть к приключениям. А его могущественная супруга «госпожа Зубейда» нередко идет на преступление из ревности, проявляет неоправданную жестокость по отношению к своим невольницам, к Абу-Новасу, любимому поэту халифа.

Идеал не совпадает с действительностью, и Шахразада-сказочница, вернее, говорящий от ее имени сказитель не пытается примирить их, одно существует рядом с другим.

* * *

Но одна добродетель процветает везде, это – красноречие.

«В красноречивой речи – волшебство» – это изречение, взятое из Корана, было любимо арабскими средневековыми литераторами, утверждавшими, что «пророк» Мухаммед, основатель ислама, избран Богом главным образом из-за своего красноречия.

Ничем не гордились арабы так, как присущим им с древности даром слова. Опершись на посох, пастух-бедуин произносил вдохновенные стихи, прославляя свое племя; странствующий рапсод хранил в памяти сотни стихов из древних поэм, помнил все подвиги кочевых племен, а рассказчик «народных романов», таких как «Жизнеописание Антары», «Сказания о подвигах племени Бену Хилаль», «Жизнеописание царя Сейфа ибн Зу Язана», или вошедшие в сборник «Тысячи и одной ночи» «Повесть об Омаре ибн ан-Нумане», «Повесть об Аджибе и Гарибе», пользовались дошедшими до них издавна и освященными традицией формулами-описаниями. Сотни таких формул мы видим в повествованиях «Тысячи и одной ночи».

Слово здесь – могущественная стихия, оно подхватывает самые разнородные сюжеты, известные нам и распространенные в фольклоре других народов, – о волшебной одежде из перьев, чудесных предметах и превращениях, о злой жене и неверных братьях, – и облакает их в пестрый наряд, придающий им неповторимое своеобразие и отличающий от сказок других народов.

Где еще найдем мы подобное кружевное «плетение словес», орнамент синонимов и созвучий, мозаику рифмы, невымученной и естественной? Повествование льется легко и плавно, а

там, где сказителю нужна рифма, он не задумывается над ней – ему помогают и необыкновенное лексическое богатство арабского языка, и многовековая традиция, донесшая до него ряд рифмующихся слов – двух, трех, четырех и более.

«Тысяча и одна ночь» являет собой яркий пример декоративности, присущей всем видам арабо-мусульманского искусства. Словесное оформление сюжетов так же красочно, как сверкающий золотом и лазурью орнамент восточных рукописей, мечетей, ажурных светильников, а кажущаяся беспорядочность рассказов сплавлена чудесной гармонией «красноречивого слова», объединившей разнородные и часто противоречащие друг другу части этого грандиозного свода в единое целое. И если в древнеарабской поэзии стихотворение начинается с постоянного зачина-воспоминания о покинутом кочевье возлюбленной, то и здесь любовные эпизоды, описания красавицы, цветущего луга, роскошного дворца всегда традиционны. Но это не лаконичные сказочные формулы русских сказок, а сложный узор рифмованных периодов со своеобразным ритмом, нигде не сбивающимся на ритмы прозы.

Сила «Тысячи и одной ночи» – в ее традиционности, ведь вдохновение сказителя сливается с восторгом слушателя, который заранее ждет знакомые слова, знакомые образы, знакомые рифмы, – и тем больше радость узнавания!

Может быть, часто сказителю важен даже не сам сюжет, а именно его словесное оформление, всегда новое, несмотря на традиционность, – ведь традиционные формулы скомпонованы всякий раз по-новому, по-иному, как в калейдоскопе из нескольких кусочков разноцветного стекла создается неисчерпаемое богатство узоров. Красноречие сказителя и, соответственно, его героев – результат не изучения научных трудов по грамматике, логике, поэтическому и ораторскому искусству, это наследственное профессиональное мастерство, перешедшее к рассказчику от отца и деда. Сказитель нуждается в записи лишь для того, чтобы восстановить в памяти порядок сказок, эпизодов, стихов (которые могут варьироваться в разных сводах «Тысячи и одной ночи»), – традиция подсказывает ему оформление этих эпизодов, будь то сцены разлуки и свидания, битвы и пира, описания красавца, красавицы или цветущего луга.

А в сознании его слушателя слово становится делом. Слушатель как бы переносит себя в сказку, сопереживание становится переживанием. Недаром сложены рассказы о слушателях приключений Антары и Сейф аль-Мулука, которые, расставшись со сказителем, прервавшим повествование на самом интересном месте, не знали покоя и буйствовали всю ночь, пока разбуженный ими сказитель не досказывал эпизод до благополучного конца.

Красноречивый человек, кем бы он ни был – мудрецом-философом, юной рабыней, нищим бедуином или могущественным правителем, – неизменно вызывает уважение и восхищение. Красноречие ценится больше, чем богатство, чем деньги. Деньги можно быстро истратить, а красноречие остается навеки, деньги могут попасть в руки недостойному и невежественному человеку, красноречие – дар, достоящийся лишь немногим достойным.

Объединенные ярким искусством арабских народных сказителей, в «Тысяче и одной ночи» живут эмиры и султаны, ремесленники, купцы и «ловкачи». Каково же отношение к различным слоям общества, процветающего в мире этого грандиозного свода, кто его главный герой? Отвечая на этот вопрос, мы тем самым вернее всего определим, кем создана «Тысяча и одна ночь», кем выбраны из необозримого богатства средневековой арабской «ученой» и народной литературы отдельные повести и рассказы, вошедшие сюда, сказки, притчи и повествования о знаменитых людях арабской древности и Средневековья?

В Средние века в арабской письменной литературе были распространены книги типа «Зерцал», обращенные к царям и царедворцам, которым предписывался строгий этикет, давались рекомендации, как управлять подданными, как внушать уважение к власти. В эти книги включался также минимум сведений по основам всех известных в то время наук.

В «Тысячу и одну ночь» попало немало отрывков из «царских зеркал», в ее сказках и повестях действуют бесчисленные цари и султаны, правящие людьми и джиннами. Но все они

сведены к нескольким типам – либо это настоящие «сказочные» цари (Синий царь, Красный царь, правитель Камфарной земли и так далее), либо бледные и невыразительные персонажи дидактических повествований, трактующих о неминуемости смерти, о пользе благоразумия и вреде поспешности, либо своевольные тираны вроде халифа Харуна ар-Рашида. Нет, не цари и везири истинные герои сказок.

Кто же подлинный герой «Тысячи и одной ночи», пользующийся всеобщими симпатиями? Ну конечно, это предприимчивый и отважный купец, открыватель новых земель и морей, которого влечет в путь не столько жажда наживы, сколько неумная любознательность.

Во всех частях «населенного мира», как говорили средневековые арабские географы, – в Китае, Индии, Европе, на островах Индийского океана, – побывали великие арабские путешественники Ибн Баттута и Ибн Фадлан, оставив нам свои мемуары с описанием неведомых народов и земель, открытых ими для арабо-мусульманской науки.

А герой «Тысячи и одной ночи», неутомимый Синдбад, переживает приключение за приключением. Тягот первого его путешествия хватило бы иному на всю жизнь, но Синдбад вновь и вновь пускается в странствия. Он без страха грузит свои товары на корабль, хотя не раз становился жертвой кораблекрушения. Отправляясь в дорогу, Синдбад не думает об опасностях, несмотря на то что его никак нельзя назвать бесстрашным. Но любознательность перебивает страх, и Синдбад снова снаряжает корабли к таинственным островам, населенным гуляями-людоедами, гигантскими птицами, неведомыми народами со странными обычаями.

По опасным дорогам пустыни, где путнику угрожают не только голод и жажда, но и свирепые и безжалостные бедуины-разбойники, ведет караван со своими товарами египетский юноша Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат – «обладатель родинок». Правда, ему помогают святые-покровители, но в основном он надеется на себя – на свою ловкость, смекалку и удачу.

Сказитель не устает рассказывать нам о приключениях купцов. Они то приобретают сказочные богатства, добывая драгоценные камни невиданной величины, дорогие товары, серебро и золото, то оказываются нищими. Но они редко впадают в отчаяние, они борются до последнего. Из пещеры людоеда, мрачного подземного склепа, с затерянного в морях острова спасаются они благодаря своей поразительной жизненной силе и изворотливости. Все идет в ход – и хитрость, и обман, и убийство, – лишь бы выжить, сохранить свою жизнь для новых приключений. И сказитель восхищается этой неистребимой жизненной силой не меньше, чем красноречием, силой, идущей из народных глубин и вечной, как сам народ.

Не меньшей симпатией сказителя и, естественно, его слушателей пользуются ловкие и умелые ремесленники – башмачники, кожевники, цирюльники. Они не кажутся «маленькими людьми», в них нет никакой приниженности, угодливости, сознания своей незначительности. Мастер – почетное прозвище, и ремесленник гордится этим прозвищем и своим занятием не меньше, чем эмир своей властью.

«Ремесло угодно Богу и полезно людям» – так считали еще в IX веке арабские философы, называвшие себя «чистыми братьями». Не случайно поэтому, что в «Тысяче и одной ночи» постройка хорошей бани, изготовление удобного седла, окраска тканей в яркие цвета, неизвестные людям той страны, щедро вознаграждаются, а мастер становится приближенным царя.

И поэтому так восторженно описывает сказитель все перипетии «борьбы плутов» – Далилы и ее дочери Зейнаб и Хасана-Шумана и его ученика Али-Зейбака каирского.

С древности существовало на Ближнем Востоке своеобразное могущественное братство бродяг и плутов, которых насмешливо называли «сасанидами», по имени древней иранской династии Сасанидов, или «айярами» – бродягами. Это братство было одинаково сильно в Иране, Ираке и Египте, и народ рассматривал его членов как своих заступников, хотя нередко страдал от них. Далила, Зейнаб и Али превозносятся в «Тысяче и одной ночи» как «мастера хитрости и коварства», о их проделках рассказывается с упоением. Это настоящий апофеоз находчивости и хитроумия, жизненной, а не книжной «мудрости», умеющей извлечь для себя

пользу в самом, казалось бы, безвыходном положении. Далила, привязанная за волосы к кресту, не только спасается, но и отнимает коня у доверчивого и простоватого бедуина, приехавшего в город, чтобы поесть пирожков в меду! Здесь не до идеальных добродетелей, не приходится думать о сдержанности, терпении, верности. Но меткое и красноречивое слово ценится в любых обстоятельствах – предводитель багдадских «молодцов» вызывает к себе из Каира Али-Зейбака стихотворным посланием!

Зато к «профессиональным военным» отношение сказителя в высшей степени скептическое. Воинские подвиги воспеваются лишь в «народных романах» или «народных повестях», где они отличаются гиперболизированным, сказочным характером. «И сшиблись всадники, как сшибаются две скалы», – начинает сказочник описание сражения, а затем идут традиционные формулы, звучная рифмованная проза, повторяясь от одного эпизода к другому почти без изменений. Слишком долго страдал народ от притеснений дейлемских, сельджукских и прочих «мутагаллибов» – захватчиков, слишком ненавистными были для горожан военный кафтан, наглые ухватки халифских и эмирских гвардейцев, чтобы «аскари» – военный – стал героем какого-нибудь произведения «ученой» или народной литературы.

И если представители «феодальной интеллигенции» презирали людей, занимавшихся «военным ремеслом», как невежд и врагов всякой культуры, то крестьяне, купцы и ремесленники-горожане ненавидели воинов-чужеземцев, приносивших беду и разорение независимо от того, были ли они «друзьями» или врагами.

Без особого почтения относится сказитель и к представителям мусульманского духовенства – кадиям-судьям, имамам-проповедникам. Они часто оказываются корыстолюбцами и лжецами. Вместе с тем такие повести, как «Омар ибн ан-Нуман», «Мариам-кушачница», «Сейф аль-Мулук», «Хасиб и царица змей», насыщены мусульманской апологетикой. Но ислам здесь – «народная вера», противопоставляемая «чужеземной вере – поклонению кресту», которая в народном сознании отождествляется с опустошительными походами сначала византийцев, а потом – рыцарей-крестоносцев, а понятие «христианин» становится равнозначным представлению о враге-чужеземце, хотя в действительности среди коренных жителей Ирака, египтян, сирийцев, было немало христиан.

Мусульманин – это прежде всего «свой», христианин – «франк», чужак, враг. Ислам олицетворяет силы добра, а его противники, будь то язычники или христиане, – силы зла, и переход из одного лагеря в другой как бы автоматически перекрашивает героя или героиню из черного в белый цвет (христианка или язычница принимает ислам или христианин становится мусульманином). А уж среди мусульман есть люди получше и похуже, и отнюдь не всегда служители мусульманского культа оказываются лучшими. Они ведь богаты, а еще пророк сказал в одном из своих хадисов-изречений: «Я заглянул в рай и увидел, что большинство его обитателей – бедняки».

Вторая часть этого изречения пророка гласит: «Я заглянул в ад и увидел, что большинство его обитателей – женщины». Согласен ли сказитель с таким безоговорочным осуждением женщины? Более половины пестрого мира «Тысячи и одной ночи» – женщины, и женщине – Шахразаде – обязаны мы тем, что познакомились с этим миром.

И здесь также наше впечатление раздваивается. Мы видим страшное и уродливое рабство, делающее умную, образованную и прекрасную женщину товаром, правда, очень дорогим, приобрести который под силу только богатому человеку. Самое страшное то, что не только продавец и покупатель, но и сама девушка не относятся к рабству трагически, а воспринимают его как самый обычный факт, и невольница нередко даже предлагает своему владельцу и возлюбленному, оказавшемуся без гроша, продать ее.

Но с другой стороны, рабство и гаремная жизнь развили в женщине изворотливость, хитрость и силу, нужные ей для того, чтобы как-то сохранить свое человеческое достоинство. Очень часто женщина оказывается сильнее мужчины не только в обыденной жизни, но и в сра-

жении. Ярче всего это проявляется в повествованиях «Тысячи и одной ночи», связанных не с «ученой», а с фольклорной традицией. Героиням «народных романов», как принято называть повести, подобные «Омару ан-Нуману», «Хасибу», «Мариам-кушачнице», всегда принадлежит инициатива, они ведут за собой мужчин, которые нередко представлены слабovolными трусами, теряющими сознание при виде вражеских воинов.

Женщина, пробивающая себе путь иногда даже обманом и плутнями, как хитрая Зейнаб, оказывается в конце концов верной подругой, достойной женой и плодovитой матерью, что является, по понятиям мусульман, «благословением божиим».

А в роли обманутого простака, который становится жертвой хитрых горожан, чаще всего выступает бедуин, степняк-кочевник. Сказывается давняя вражда между «оседлыми и кочевыми арабами». Для горожан бедуин – чужой, и хотя они соглашаются признать бедуинское красноречие – недаром в «Тысяче и одной ночи» немало рассказов о красноречивых бедуинах, – но все же относятся к кочевникам свысока, высмеивая и их своеобразную речь (бедуины говорят о себе во множественном числе), и их характер, в котором жестокость и высокомерие уживаются с простотой и доверчивостью. Бедуин в их глазах – и носитель древних традиций гостеприимства, благородства, щедрости, красноречия, и вместе с тем нищий и невежественный разбойник, кичащийся своим «чисто арабским» происхождением.

Таковы социальные воззрения людей, живущих в обширном мире «Тысячи и одной ночи», отражающем реальный мир, ту среду, в которой складывался в окончательной форме этот свод – египетский город в эпоху позднего Средневековья.

Из «Тысячи и одной ночи» мы узнаем и о философских взглядах этого общества и в первую очередь об отношении к вопросу, который издавна занимал мусульманских философов и богословов, – вопросу о добре и зле, о наличии или отсутствии свободной воли у человека.

Если Бог милосерд, – спрашивали философы, – то зачем существует в мире зло, зачем люди совершают дурные поступки, за которые несут суровое наказание в загробной жизни? Если все поступки предопределены судьбой или Богом, за что тогда наказывать грешника – ведь он грешит не по своей воле, а по воле Бога. Не было числа спорам и диспутам на эту тему, она рассматривалась в десятках ученых трактатов, в споры были вовлечены широкие круги народа, и «Тысяча и одна ночь» не могла обойти его. Вот что говорится здесь: «Аллах дал человеку волю и сделал пять чувств, присущих ему, причиной его блаженства или адского огня» (рассказ о Джиллиаде и Шимасе).

То есть, утверждает безымянный автор этого повествования, воля человека свободна, он может избрать добрые поступки и будет вознагражден если не на этом, то на том свете, и может избрать дурные поступки и будет наказан. Человек – хозяин своей судьбы, хочет сказать этим сказитель, превозносящий не пассивного героя, покоряющегося судьбе, а деятельного, жизнеспособного человека, умеющего перехитрить самое судьбу.

Впрочем, герои «Тысячи и одной ночи» никогда не упускают случая признать силу и неотвратимость судьбы, но только на словах. Решив «покориться судьбе», они лихорадочно ищут выход и обычно находят его. На помощь героям «народных повестей» часто приходят заступники-духи, пророк Хидр, они пользуются волшебными предметами – заколдованным кольцом, шапкой-невидимкой, колдовскими травами, но ведь эти волшебные талисманы добыты ими силой или хитростью. Разум, находчивость заступают место неизбежной судьбы, а от пресловутого «восточного фатализма» ничего не остается. Нельзя назвать фаталистом ни Синдбада-морехода, ни ловкого Али-Зейбака, ни какого-либо иного героя сказок «Тысячи и одной ночи».

* * *

Сказок ли? Можно ли безоговорочно назвать части, из которых состоит «Тысяча и одна ночь», сказками? Если одни действительно ближе всего жанру волшебной или бытовой сказки, то другие никак не укладываются в рамки этого жанра. Все своеобразие «Тысячи и одной ночи», все противоречия этого сложного мира вызваны именно тем, что «Тысяча и одна ночь» состоит из повествований разных жанров, созданных в разных странах, в разное время и получивших общую редакцию.

Исследователи, специально занимавшиеся вопросами происхождения и состава «Тысячи и одной ночи», пришли к выводу, что основой этого свода были созданные в Индии фантастические сказки и дидактические повествования, относящиеся к так называемому «животному эпосу». Называют даже памятник индийской литературы, давший арабской литературе образец «обрамленной» композиции и послуживший сокровищницей сюжетов. Это «Панчатантра» – сборник дидактических притч о животных, в обилии снабженный стихотворными вставками, играющими важную роль в повествовании.

Кроме этих притч, к дидактическому жанру, богато представленному в «Тысяче и одной ночи», нужно отнести и те повествования, которые можно было бы назвать «приключенчески-дидактической повестью». Прежде всего это «Повесть о десяти везирах», все сложные перипетии которой служат иллюстрациями для доказательства определенных этических норм. «Поспешность вредна», – говорится в начале рассказа о безрассудном царе, и это положение доказывается не путем логических умозаключений, а с помощью увлекательного остросюжетного повествования. В следующей главе трактуется вопрос о пользе сдержанности и терпения – и необыкновенные приключения героев этой главы доказывают правильность этого тезиса.

Дидактические повести имеют ясно поставленную цель – воспитать человека, исправить его, если он ошибся, как это особенно бросается в глаза в рассказе о Джилиаде и Шимасе, своеобразном сплаве индийского и мусульманского дидактических направлений литературы.

Индийское происхождение этой повести бесспорно, особенно оно становится явственным, когда мы знакомимся с примерами, приводимыми в ней. Здесь мы встречаемся с излюбленными у индийских философов сравнениями Бога-Творца, создавшего мир, с гончаром, лепящим сосуд из глины. Философ говорит: «Ремесленники могут создать только из уже сотворенного», в противоположность Богу, – и эти слова взяты в неизменном виде из индийских философских сочинений.

Чисто мусульманскую дидактику видим мы в повествовании об ученой невольнице Таваддуд. Это повествование относится к жанру «зерцал», то есть средневековых энциклопедий, прочитав которые можно было получить представление об основах всех наук.

Еще более древняя дидактическая традиция, унаследованная от библейских и фараоновских времен, прослеживается в рассказах, говорящих о неизбежности смерти, о наказании за вероломство, о наградах за верность.

Естественно, что при такой разнородности происхождения этих повествований трудно ожидать их полного сходства, как идейного, так и стилистического. И если этические установки здесь в общем не особенно отличны, так как они продиктованы сходством индийского, греческого, древнеиранского и арабо-мусульманского этических учений, которые были взаимно обусловлены и развивались непрерывной цепью, то стиль этих повествований совершенно не схож.

Язык коротких притч предельно прост, они беспристрастно рассказывают о злоключениях людей, преступивших законы чести и верности, о неизбежном торжестве добра и посрамлении зла. Оживляющие рассказ стихотворные вставки придают ему большую живость и красочность, как бы компенсируя недостаток эмоциональности прозы.

Не таков стиль дидактических повестей, особенно «Рассказа о десяти везирах», представляющего собой свободный перевод средневекового персидского дидактического сочинения «Бахтияр-наме». Повесть состоит из длинных периодов, насыщенных синонимами, рассчитанных специально на то, чтобы заставить слушателя глубже усвоить провозглашаемые в повествовании этические идеалы. Мысль не просто высказывается, она обыгрывается, истолковывается, поясняется в разной форме.

Русскому читателю может показаться скучным это словесное изобилие, сложный рисунок фразы. Но арабский слушатель ценит именно эту сторону, наслаждаясь богатыми возможностями Слова, которым, как говорит мудрец из рассказа о Джиллиаде и Шимасе, «Аллах создал весь мир по своей воле».

Мы ценим в подобных повествованиях прежде всего занимательность сюжетов, их разнообразие, но для сказителей, как и для их слушателей, может быть, главенствующими были здесь и не сами приключения, хотя и они играли немаловажную роль, а именно скрытая за их переплетением дидактика, моральные и этические принципы, утверждаемые безымянным автором повествования.

Но есть в «Тысяче и одной ночи» жанры, где на первый план выступает приключение, реальное или фантастическое, воспеваемое как таковое. Это древние и постоянно обновляющиеся жанры «приключенческой» и «приключенческо-фантастической» повести. На дальних островах Индийского океана побывал капитан Бузург ибн Шахрияр, описавший свои впечатления от этих путешествий. Но в «Тысячу и одну ночь» попал Синдбад-мореход, чьи приключения представляют собой смесь путевого дневника с волшебной сказкой, многие сюжеты которой восходят к далеким временам «Одиссеи».

Если в рассказе о путешествии к островам Вак можно усмотреть отражение реального путешествия к какому-нибудь из островов Индийского океана, то в эпизодах с ослеплением людоеда, гигантской птицей рухх видно, как разнообразно могут преломиться сюжеты об обманутом чудовище (Полифем) и сказочной птице, не имеющей обычно имени в русских сказках, а в персидских носящей имя Симург.

Именно фантастическое повествование больше всего увлекало европейского читателя, не всегда способного вникнуть в кажущуюся ему наивной и скучной дидактику, не могущего в должной мере оценить «красноречие» стиля, к тому же достаточно измененного и обедненного при переводе. Поэтому самыми популярными из повествований «Тысячи и одной ночи» в Европе стали не дидактические повести, а волшебные сказки, подобные рассказам о купце и духе, об Ала ад-Дине и волшебном светильнике.

Но и «народные повести», или «народные романы», мы воспринимаем как волшебную сказку – так насыщены фантастикой «Повесть о Хасибе и царице змей», повести о приключениях Сейф аль-Мулука, Аджиба и Гариба, Мариам-кушачницы.

«Фантастические повести», так же как и сказки, рассказывают нам о чудесном рождении героя (его мать съедает волшебное яблоко или мясо змей), о любви героя к изображению девушки, на поиски которой он пускается. Обычно в арабских и персидских сказках это дочь императора Китая, но иногда «Тысяча и одна ночь» переносит действие в более близкую среду, и девушка оказывается жительницей Багдада.

Мы узнаем, как герой добывает себе волшебные талисманы, обычно шапку-невидимку и волшебную дубину, обманывая владельцев этих сокровищ, спорящих из-за них. В поисках любимой герой претерпевает множество бед – он едва не становится жертвой людоеда, которого ослепляет, напившись вином, сражается с чудовищем, повергая его одним ударом. «Не бей второй раз, не то чудовище воскреснет!» – предупреждают героя сказки «Тысячи и одной ночи», как и героев русских, турецких, персидских сказок. Трудно объяснить, почему нечистую силу нельзя бить второй раз, важно, что эта, казалось бы, мелочь подтверждает тесную

связь волшебных сказок ближневосточных народов, с одной стороны, и их близость к русскому фольклору, к русской сказке с другой стороны.

Кончив рассказ о приключениях одного из героев, сказитель возвращается к другим, намеренно оставленным им в критический момент: сражающимся с врагами, в темнице перед казнью, летящим на спине разгневанного джина. Рассказчик будто вяжет петлю за петлей, и нельзя выбросить ни одну из них, иначе прочная ткань повести распадется. Это сплетение разнообразных приключений напоминает нам эллинистический роман с его кораблекрушениями, разлуками, чудесными узнаваниями и встречами.

Приключенческая повесть «Тысячи и одной ночи» возрождает в несколько ином облике, на другом языке традиции эллинистического романа, чьи корни, в свою очередь, уходят в землю Древнего Востока, жанра, в создании и разработке которого немалую роль сыграла Александрия, крупный центр и эллинистической и арабо-мусульманской культур, гавань, откуда начинали обычно свое плавание герои «Тысячи и одной ночи».

Едва ли не самую колоритную часть «Тысячи и одной ночи» представляют собой «бытовые сказки» и «плутовские повести», подобные рассказу о хитроумных обманщиках Далиле и Зейнаб и «предводителях молодцов» – Хасане-Шумане и Али-Зейбаке каирском, и такие повествования, как «Сказка о горбуне» и «Сказка о Маруфе-башмачнике», где традиционные сюжеты – волшебный перстень, сказочные сокровища, джинны, талисманы, колдуны, чудесные превращения – включены в «бытовую» рамку и сочетаются с не менее традиционными мотивами бытовой народной сказки – рассказом о злой жене, брате или друге-предателе, о ловком обманщике.

И «плутовские повести», и бытовые сказки рассказаны просто, без стилизованных украшений, с грубоватым юмором, сказитель говорит так, как говорят его герои у себя дома, на улице, на рынке.

На общем «сказочном» фоне «Тысячи и одной ночи» воспринимаются как бытовые сказки и древнейшие повествования, восходящие к доарабской литературной и фольклорной традиции Египта и эллинистического мира, Библии, древнеперсидской литературе и фольклору. Шахразада рассказывает и о лживых старцах, обвинивших праведницу (библейский рассказ о Сусанне и старцах), и об Александре Македонском, который стал излюбленным героем арабского и персидского фольклора. Упоминание о нем встречается не раз в Коране, а иные народные романы заставляют Александра совершить долгое путешествие в сопровождении мусульманского пророка Хидра!

И даже попавшие в «Тысячу и одну ночь» из хроник и антологий рассказы о реальных исторических лицах – халифах, богословах, ученых и поэтах, прославившихся в разных краях халифата в VII–XII веках, в эпоху наибольшего расцвета и славы арабо-мусульманской культуры, кажутся овеянными сказочным ореолом.

Эти рассказы представляют собой как бы завершающий штрих, и без них мир «Тысячи и одной ночи» лишился бы своей неповторимости.

Трудно сказать, какая из частей «Тысячи и одной ночи» интереснее – каждая имеет свои достоинства. Но, познакомившись с «Тысячью и одной ночью», с ее сказками и новеллами, поучительными притчами и повествованиями о необыкновенных приключениях, чувствуешь, что проник в новый, чудесный мир, который надолго, если не навсегда, останется в памяти.

Б. Шидфар

Книга тысячи и одной ночи (избранные сказки)

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, господу миров!

Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до Судного дня!

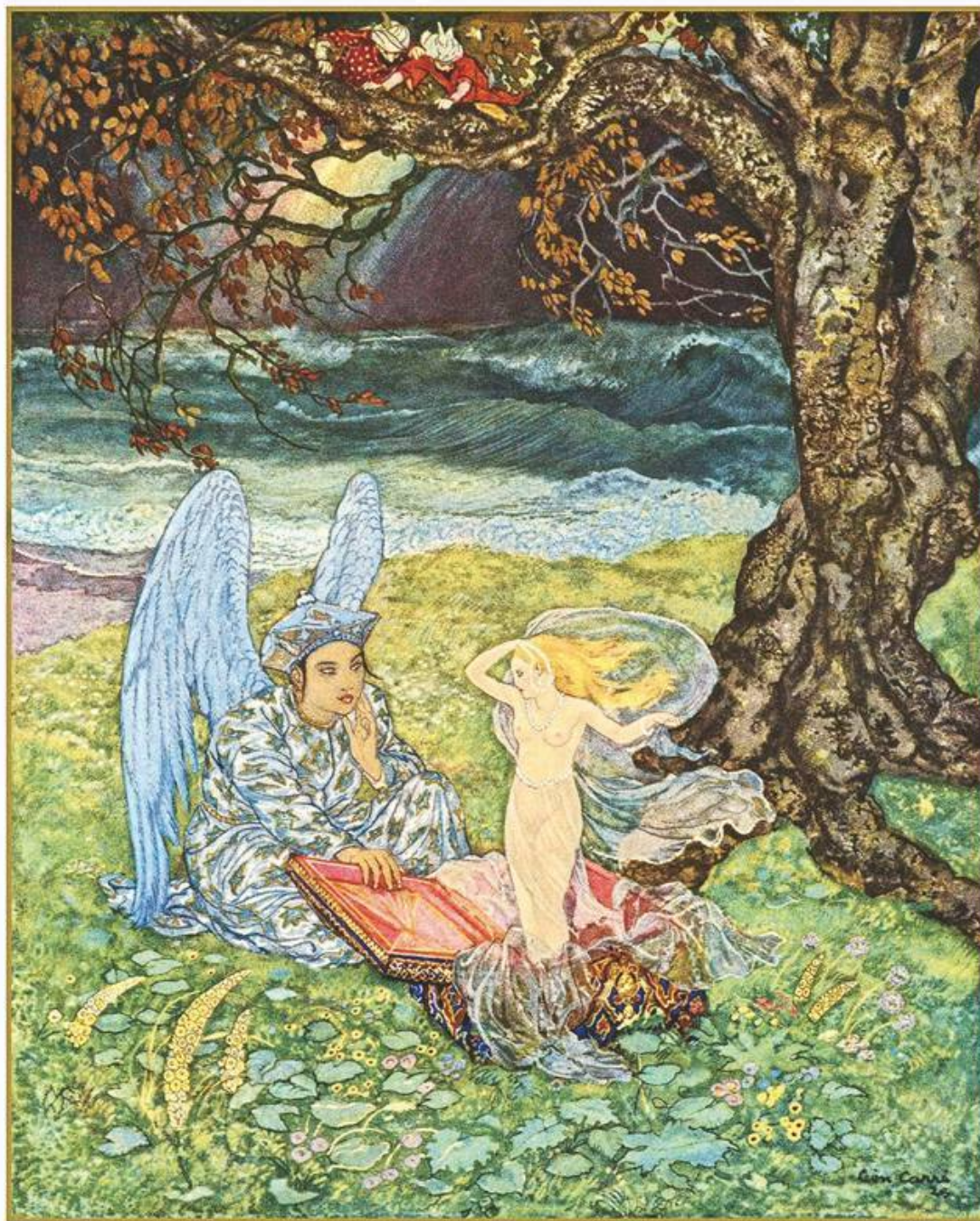
А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом, и премудр, и преславлен, и более всех щедр, и благосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его. Имя ему было царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание, и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласиём и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся, и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч, и ударил обоих, и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать – и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», – и рассказал, что испытал от жены. «Я

хочу, – сказал тогда Шахрияр, – чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» – воскликнул

он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». – «Я расскажу тебе о том, почему я изменился, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», – отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты исхудал и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, – заговорил Шахземан, – что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их, и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, – позволю мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел, но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, – и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послепоуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, он лишился разума и сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку высокого дерева и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн огромного роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина с стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

Чуть вспыхнула она во тьме, день отворил зеницы,
И чуть забрезжила она, зажегся луч денницы,
Ее сиянием полны светила на восходе,
И луны светлые при ней горят на небосводе.
И преклониться перед ней все сущее готово,
Когда является она без всякого покрова.
Когда же красота сверкнет, как вспышка грозоя,
Влюбленные потоки слез льют не переставая.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» И он положил голову на колени женщины и

заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джином оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь! – и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. – Знаете ли вы, что это за перстни?» – спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец – в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

Не верь посулам жен и дев,
Их легким увереньям,
Ведь их довольство или гнев
Подвластны вожденьям.
Под их любовью показной
Скрывается измена,
Цени их малою ценой
И берегись их плена.
Ведь дьявол, женщиной играя,
Адама выдворил из рая.

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И однажды царь приказал своему везиру привести ему, как обычно, девушку, и везир вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везира было две дочери: старшая – по имени Шахразада и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И она сказала отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печалью? Ведь сказал же кто-то об этом:

Скажи тому, кто прячет грусть:
«О ты, печаль таящий!
На этом свете и тоска

И радость преходящи!»

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул везирь, – не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». – «А что же было с ними?» – спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

«Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошел в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «Хорошо тебе живется! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и за тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жернов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, – тогда отдохнешь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принес быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашел его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошел к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день». Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледелец пришел и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мертвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я распустил язык, но болтливость мне повредила! Знай, – добавил он, – что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» – и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришел, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что не мог остановиться. «Чему ты смеешься?» – спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу ее открыть – я тогда умру». – «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрешь!» – возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеешься надо мною!» – и до тех пор приставала и надоедала ему, пока он не покорился ей, не зная, что ему делать. Тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди и матерью его детей, а он уже

прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что, когда он скажет свою тайну, он умрет. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошел к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и еще у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». – «Как это?» – спросил петух; и пес повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жен – то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрет или не закается впредь спрашивать его о чем-либо».

«А торговец слышал слова петуха, обращенные к собаке, – рассказывал везирь своей дочери Шахразаде, – и решил поступить так со своей женой».

«А что он сделал?» – спросила Шахразада.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привел туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и ее родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везиря сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», – и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразады, привел ее к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязодой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шахразаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне достойнейший царь», – ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о купце и духе

Шахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вел большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И, съев финик, он кинул косточку – вдруг видит: перед ним ифрит огромного роста, и в руках у него обнаженный меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» – «Как же я убил твоего сына?» – спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту». – «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» – воскликнул купец. – Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» – «Я непременно должен тебя убить», – сказал джинн, и потянул купца и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Отдаю себя в руки Аллаха!» Тогда джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянись Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залогов. Позволь мне отправиться домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад, и ты сделаешь со мной, что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное, кому следовало. Он осведомил обо всем свою жену и детей, и составил завещание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял под мышку свой саван и, попрощавшись с семьей, соседями и всеми родными, вышел против своего желания; и они подняли о нем вопли и крики. А купец шел, пока не дошел до той роши (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошел к нему престарелый старец и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца, и пожелал ему долгой жизни, и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владелец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба вели беседу, и купца охватил страх, и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошел к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были черные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали все с начала до конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошел к ним третий старец и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали все дело с начала до конца, – а в повторении нет пользы, о господа мои, – и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнаженный меч, а глаза его мечут искры. И, подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил мое дитя, что было мне дороже жизни!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыдания и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царей джиннов! Если я расскажу тебе, что у меня случилось с этой газе-

люю, и ты сочтешь мою повесть удивительной, подаришь ли ты мне одну треть крови этого купца?» – «Да, старец, – ответил ифрит, – если ты мне расскажешь историю и она покажется мне удивительной, я подарю тебе треть его крови».

Рассказ первого старца

«Знай, о ифрит, – сказал тогда старец, – что эта газель – дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она надела меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху.

Я приехал спустя долгое время и спросил о моем ребенке и его матери, и дочь моего дяди сказала мне: «Твоя жена умерла, а твой сын убежал, и я не знаю, куда он ушел». И я просидел год с печальным сердцем и плачущими глазами, пока не пришел великий праздник Аллаха, и тогда я послал за пастухом и велел ему привести жирную корову. И пастух привел жирную корову (а это была моя невольница, которую заколдовала эта газель), и я подобрал полы и взял в руки нож, желая ее зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я оставил ее и сказал пастуху: «Приведи мне другую корову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня нет лучше и жирнее ее!» И я подошел к корове, чтобы зарезать ее, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать ее и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашел ни мяса, ни жира – ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову, – но от моего раскаянья не было пользы, – и отдал ее пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного теленка!» И пастух привел мне моего сына; и когда теленок увидел меня, он оборвал веревку и подбежал ко мне и стал об меня тереться, плача и стелая. Тогда меня взяла жалость, и я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого теленка сегодня: ведь сегодня – день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию, – сказал я ей. – Видишь, мы с ней обманулись и не имели от нее никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал ее, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого теленка». – «Клянусь Аллахом, великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не жена!» – воскликнула дочь моего дяди. И, услышав от нее эти тягостные слова и не зная о ее намерениях, я подошел к теленку и взял в руки нож...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее воскликнула: «О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!»

Но Шахразада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!» И царь тогда про себя подумал: «Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу окончания ее рассказа!»

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а везирь пришел к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал везиру, и везирь до крайности изумился. А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои.

Когда же настала вторая ночь, Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, dokonчи свой рассказ о купце и духе».

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если мне позволит царь!»

И царь молвил: «Рассказывай!»

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь и справедливый повелитель, что, когда старик хотел резать тельца, его сердце взволновалось, и он сказал пастуху: «Оставь этого тельца среди скотины». (А все это старец рассказывал джинну, и джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.) «И было так, о владыка царей джиннов, – продолжал владелец газели, – дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела, и видела, и говорила мне: «Зарежь тельца, он жирный!» Но мне было нелегко его резать, и я велел пастуху взять тельца, и пастух взял его и ушел с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за приятную весть полагается подарок». – «Хорошо», – ответил я, и пастух сказал: «О купец, у меня есть дочка, которая с малых лет научилась колдовству у одной старухи, жившей у нас. И вот вчера, когда ты дал мне тельца, я пришел к моей дочери, и она посмотрела на тельца, и закрыла себе лицо, и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О батюшка, мало же я для тебя значу, если ты вводишь ко мне чужих мужчин!» – «Где же чужие мужчины, – спросил я, – и почему ты плачешь и смеешься?» – «Этот теленок, который с тобою, – сын нашего господина, – ответила моя дочь. – Он заколдован, и заколдовала его, вместе с его матерью, жена его отца. Вот почему я смеялась; а плакала я по его матери, которую зарезал его отец». И я до крайности удивился, и, едва увидев, что взошло солнце, я пришел тебе сообщить об этом».

Услышав от пастуха эти слова, о джинн, я пошел с ним, без вина пьяный от охватившей меня радости и веселья, и пришел в его дом, и дочь пастуха приветствовала меня и поцеловала мне руку, а теленок подошел ко мне и стал об меня тереться. И я сказал дочери пастуха: «Правда ли то, что ты говоришь об этом тельце?» И она отвечала: «Да, господин мой, это твой сын и частица твоего сердца». – «О девушка, – сказал я тогда, – если ты освободишь его, я отдам тебе весь мой скот, и все имущество, и все, что сейчас в руках твоего отца». Но девушка улыбнулась и сказала: «О господин мой, я не жадна до денег и сделаю это только при двух условиях: первое – выдай меня за него замуж, а второе – позволь мне заколдовать ту, что его заколдовала, и заточить ее, иначе мне угрожают ее козни».

Услышав от дочери пастуха эти слова, о джинн, я сказал: «И сверх того, что ты требуешь, тебе достанется весь скот и имущество, находящееся в руках твоего отца. Что же до дочери моего дяди, то ее кровь для тебя невозбрана».

Когда дочь пастуха услышала это, она взяла чашку и наполнила ее водой, а потом произнесла над водой заклинания и брызнула ею на тельца, говоря: «Если ты теленок по творению Аллаха великого, останься в этом образе и не изменяйся, а если ты заколдован, прими свой прежний образ с соизволения великого Аллаха!» Вдруг теленок встряхнулся и стал человеком, и я бросился к нему и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди!» И он поведал мне, что с ними случилось, и я сказал: «О дитя мое, Аллах послал тебе того, кто освободил тебя и восстановил твое право».

После этого, о джинн, я выдал дочь пастуха за него замуж, а она заколдовала дочь моего дяди, эту газель, и сказала: «Это прекрасный образ, не дикий, и вид его не внушает отвращения». И дочь пастуха жила с нами дни и ночи и ночи и дни, пока Аллах не взял ее к себе, а после ее кончины мой сын отправился в страны Индии, то есть в земли этого купца, с которым у тебя было то, что было; и тогда я взял эту газель, дочь моего дяди, и пошел с нею из страны в страну, высматривая, что случилось с моим сыном, – и судьба привела меня в это место, и я увидел купца, который сидел и плакал. Вот мой рассказ».

«Это удивительный рассказ, – сказал джинн, – и я дарю тебе треть крови купца».

И тогда выступил второй старец, тот, что был с охотничьими собаками, и сказал джинну: «Если я тебе расскажу, что у меня случилось с моими двумя братьями, этими собаками, и ты сочтешь мой рассказ еще более удивительным и диковинным, подаришь ли ты мне одну треть проступка этого купца?» – «Если твой рассказ будет удивительнее и диковиннее – она твоя», – отвечал джинн».

Рассказ второго старца

«Знай, о владыка царей джиннов, – начал старец, – что эти две собаки – мои братья, а я – третий брат. Мой отец умер и оставил нам три тысячи динаров, и я открыл лавку, чтобы торговать, и мои братья тоже открыли по лавке. Но прошло недолгое время, и мой старший брат, один из этих псов, продал все, что было у него, за тысячу динаров и, накупив товаров и всякого добра, уехал путешествовать. Он отсутствовал целый год, и вдруг, когда я однажды был в лавке, подле меня остановился нищий. Я сказал ему: «Аллах поможет!» Но нищий воскликнул, плача: «Ты уже не узнаешь меня!» – и тогда я всмотрелся в него и вдруг вижу – это мой брат! И я поднялся и приветствовал его и, отведя его в лавку, спросил, что с ним. Но он ответил: «Не спрашивай! Деньги ушли, и счастье изменило». И тогда я свел его в баню, и одел в платье из моей одежды, и привел его к себе, а потом я подсчитал оборот лавки, и оказалось, что я нажил тысячу динаров и что мой капитал – две тысячи. Я разделил эти деньги с братом и сказал ему: «Считай, что ты не путешествовал и не уезжал на чужбину»; и брат мой взял деньги, радостный, и открыл лавку.

И прошли ночи и дни, и мой второй брат – а это другой пес – продал свое имущество и все, что у него было, и захотел путешествовать. Мы удерживали его, но не удержали, и, накупив товару, он уехал с путешественниками. Его не было с нами целый год, а потом он пришел ко мне таким же, как его старший брат, и я сказал ему: «О брат мой, не советовал ли я тебе не ездить?» А он заплакал и воскликнул: «О брат мой, так было суждено, и вот я теперь бедняк: у меня нет ни единого дирхема, и я голый, без рубахи». И я взял его, о джинн, и сводил в баню, и одел в новое платье из своей одежды, а потом пошел с ним в лавку, и мы поели и попили, и после этого я сказал ему: «О брат мой, я свожу счета своей лавки один раз каждый новый год, и весь доход, какой будет, пойдет мне и тебе». И я подсчитал, о ифрит, оборот своей лавки, и у меня оказалось две тысячи динаров, и я восхвалил Творца, да будет он превознесен и прославлен! А потом я дал брату тысячу динаров, и у меня осталась тысяча, и брат мой открыл лавку, и мы прожили много дней.

А через несколько времени мои братья приступили ко мне, желая, чтобы я поехал с ними, но я не сделал этого и сказал им: «Что вы такого нажили в путешествии, что бы и я мог нажить?» – и не стал их слушать. И мы остались в наших лавках, продавая и покупая, и братья каждый год предлагали мне путешествовать, а я не соглашался, пока не прошло шесть лет. И тогда я позволил им поехать и сказал: «О братья, и я тоже отправлюсь с вами, но давайте посмотрим, сколько у вас денег», – и не нашел у них ничего; напротив, они все спустили, предаваясь обжорству, пьянству и наслаждениям. Но я не стал с ними говорить и, не сказав ни слова, подвел счета своей лавки и превратил в деньги все бывшие у меня товары и имущество, и у меня оказалось шесть тысяч динаров. И я обрадовался, и разделил их пополам, и сказал братьям: «Вот три тысячи динаров, для меня и для вас, и на них мы будем торговать». А другие три тысячи динаров я закопал, предполагая, что со мной может случиться то же, что с ними, и когда я приеду, то у меня останется три тысячи динаров, на которые мы снова откроем свои лавки. Мои братья были согласны, и я дал им по тысяче динаров, и у меня тоже осталась тысяча, и мы закупили необходимые товары, и снарядились в путь, и наняли корабль, и перенесли туда свои пожитки.

Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали целый месяц, пока не прибыли со своими товарами в один город. Мы нажили на каждый динар десять и хотели уезжать, как вдруг увидели на берегу моря девушку, одетую в рваные лохмотья, которая поцеловала мне руку и сказала: «О господин мой, способен ли ты на милость и благодеяние, за которое я тебя отблагодарю?» – «Да, – отвечал я ей, – я люблю благодеяния и милости и помогу тебе, даже если ты не отблаговоришь меня». И тогда девушка сказала: «О господин, женись на мне и возьми меня в свои земли. Я отдаю тебе себя, будь же ко мне милостив, ибо я достойна благодеяния, а я отблагодарю тебя. И да не введет тебя в обман мое положение». И когда я услышал слова девушки, мое сердце устремилось к ней, по воле Аллаха, великого, славного, и я взял девушку, и одел ее, и приготовил ей покои на корабле, и заботился о ней, и почитал ее. А потом мы поехали дальше, и в моем сердце родилась большая любовь к девушке, и я не расставался с нею ни днем, ни ночью. Я пренебрег из-за нее моими братьями, и они приревновали меня и позавидовали моему богатству и изобилию моих товаров, и глаза их не знали сна, жадные до наших денег. И братья заговорили о том, как бы убить меня и взять мои деньги, и сказали: «Убьем брата, и все деньги будут наши». И дьявол украсил это дело в их мыслях. И они подошли ко мне, когда я спал рядом с женою, и подняли меня вместе с нею и бросили в море; и тут моя жена пробудилась, встряхнулась и стала ифриткой и понесла меня – и вынесла на остров. Потом она ненадолго скрылась и, вернувшись ко мне под утро, сказала: «Я твоя жена, и я тебя вынесла и спасла от смерти по изволению Аллаха великого. Знай, что я джинния, и когда я тебя увидела, мое сердце полюбило тебя ради Аллаха, – а я верую в Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует! И я пришла к тебе такою, как ты видел меня, и ты взял меня в жены, – и вот я спасла тебя от потопления. Но я разгневалась на твоих братьев, и мне непременно надо их убить». Услышав ее слова, я изумился, и поблагодарил ее за ее поступок, и сказал ей: «Что же касается убийства моих братьев, то нет!» И я поведал ей все, что у меня с ними было, с начала до конца. И, узнав это, она сказала: «Я сегодня ночью слетаю к ним, и потоплю их корабль, и погублю их». – «Заклинаю тебя Аллахом, – сказал я, – не делай этого! Ведь говорит изречение: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и того, что он сделал». Как бы то ни было, они мои братья». – «Я непременно должна их убить», – возразила джинния. И я принялся ее умолять, и тогда она отнесла меня на крышу моего дома. И я отпер двери, и вынул то, что спрятал под землей, и открыл свою лавку, пожелав людям мира и купив товаров. Когда же настал вечер, я вернулся домой и нашел этих двух собак, привязанных во дворе, – и, увидев меня, они встали, и заплакали, и уцепились за меня.

И не успел я оглянуться, как моя жена сказала мне: «Это твои братья». – «А кто с ними сделал такое дело?» – спросил я. И она ответила: «Я послала за моей сестрой, и она сделала это с ними, и они не освободятся раньше чем через десять лет». И вот я пришел сюда, идя к ней, чтобы она освободила моих братьев после того, как они провели десять лет в таком состоянии, и я увидел этого купца, и он рассказал мне, что с ним случилось, и мне захотелось не уходить отсюда и посмотреть, что у тебя с ним будет. Вот мой рассказ».

«Это удивительная история, и я дарю тебе треть крови купца и его проступка», – сказал джинн.

И тут третий старец, владелец мула, сказал: «Я расскажу тебе историю диковиннее этих двух, а ты, о джинн, подари мне остаток его крови и преступления». – «Хорошо», – отвечал джинн.

Рассказ третьего старца

«О султан и глава всех джиннов, – начал старец, – знай, что этот мул был моей женой. Я отправился в путешествие и отсутствовал целый год, а потом я закончил поездку и вернулся ночью к жене. И я увидел черного раба, который лежал с нею в постели, и они разговаривали,

играли, смеялись, целовались и возились. И, увидя меня, моя жена поспешно взяла кувшин воды, произнесла что-то над нею, и брызнула на меня, и сказала: «Измени свой образ и прими образ собаки!» И я тотчас же стал собакой, и моя жена выгнала меня из дома, и я вышел из ворот и шел до тех пор, пока не пришел к лавке мясника. И я подошел и стал есть кости, и когда хозяин лавки меня заметил, он взял меня и ввел к себе в дом. И, увидев меня, дочь мясника закрыла от меня лицо и воскликнула: «Ты приводишь мужчину и входишь с ним к нам!» – «Где же мужчина?» – спросил ее отец. И она сказала: «Этот пес – мужчина, которого заколдовала его жена, и я могу его освободить». И, услышав слова девушки, ее отец воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, дочь моя, освободи его!» И она взяла кувшин с водой, и произнесла над ней что-то, и слегка брызнула на меня, и сказала: «Перемени этот образ на твой прежний вид!» И я принял свой первоначальный образ, и поцеловал руку девушки, и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты заколдовала мою жену, как она заколдовала меня». И девушка дала мне немного воды и сказала: «Когда увидишь свою жену спящей, брызни на нее этой водой и скажи, что захочешь, и она станет тем, чем ты пожелаешь». И я взял воду, и вошел к своей жене, и, найдя ее спящей, брызнул на нее водой и сказал: «Покинь этот образ и прими образ мула!» И она тотчас же стала мулом, тем самым, которого ты видишь своими глазами, о султан и глава джиннов».

И джинн спросил мула: «Верно?» И мул затряс головой и заговорил знаками, обозначающими: «Да, клянусь Аллахом, это моя повесть и то, что со мной случилось!»

И когда третий старец кончил свой рассказ, джинн, охваченный удивлением, подарил ему треть крови купца...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее сказала: «О сестрица, как сладостен твой рассказ, и хорош, и усладителен, и нежен».

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если я буду жить и царь пощадит меня».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул царь, – я не убью ее, пока не услышу всю ее повесть, ибо она удивительна!»

И потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, и пришли войска и везирь, и диван наполнился людьми. И царь судил, назначал, и отставлял, и запрещал, и приказывал до конца дня.

И потом диван разошелся, и царь Шахрияр удалился в свои покои. И с приближением ночи он удовлетворил свою нужду с дочерью везира.

И когда настала третья ночь, ее сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, dokonчи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что третий старец рассказал джинну историю, диковиннее двух других, и джинн до крайности изумился, и преисполнился удивления, и сказал: «Дарю тебе остаток проступка купца и отпускаю его». И купец обратился к старцам и поблагодарил их, и они поздравили его со спасением, и каждый из них вернулся в свою страну. Но это не удивительней, чем сказка о рыбаке».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о рыбаке

«Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был один рыбак, глубокий старец, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, ни больше, ни меньше; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришел на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошел в море и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал веревки, и, когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал ее вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг нее, и до тех пор старался, пока не вытащил ее. И он обрадовался, и вышел, и, надев свою одежду, подошел к сети, но нашел в ней мертвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! – сказал он потом и произнес:

О вверивший себя ночным суровым расстояниям!
Зря не трудись – насущный хлеб не раздобыть стараньем!

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет Аллах великий!»

И он выбросил осла из сети и отжал ее, а окончив отжимать сеть, он расправил ее, и вошел в море, и, сказав: «Во имя Аллаха!» – снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошел в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил ее. Он трудился над нею, пока не поднял ее на сушу, но нашел в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнес:

Судьба! Довольно ты меня палила!
Повремени! Не насылай беды!
Ты доброй доли мне не отделила
И не вознаградила за труды!

Пришел, чтоб получить и часть и участь;
Увидел: ничего не унести.
Как удивительна невежд живучесть,
А память о премудрых – не в чести!

Потом он бросил кувшин, и отжал сеть, и вычистил ее, и, попросив прощения у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять закинул сеть. И, подождав, пока она установится, он вытянул сеть, но нашел в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился, и заплакал, и произнес:

И вот твоя судьба – не свяжет, не развяжет,
Не вызовет перо и надпись не расскажет.

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил ее трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о Боже, в этот раз мое пропитание!»

Затем рыбак произнес имя Аллаха, и закинул сеть в море, и, подождав, пока она установится, потянул ее, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» – воскликнул рыбак.

И он разделся, и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашел в ней кувшин из желтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его было запечатано свинцом, на котором был оттиск перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! И, увидев кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашел его тяжелым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка, что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю, и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось, – и оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошел дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался, и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мечты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки, и застучали зубы, и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман – пророк Аллаха!» Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О мари́д, ты говоришь: «Сулейман – пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живем в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошел в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, мари́д воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» – «Чем же ты меня порадуешь?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью». – «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха!» – вскричал рыбак. – О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина, и спас со дна моря, и поднял на сушу?» – «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью быть казнен!» – сказал ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» – «Послушай мою историю, о рыбак», – сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак, – сказал ифрит, – что я один из джиннов-вероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везиря, Асафа ибн Барахию, и он привел меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха и предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин, и заточил меня в нем, и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшее из имен Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провел в море сто лет и сказал в своем сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки. Но прошло еще сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И прошло еще четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какою смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришел освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти – Аллах избавит тебя, – сказал он ифриту. – Не губи меня – Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит». – «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть», – сказал марид.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил». – «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня освободил!» – воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх ифритов, я поступаю с тобою хорошо, а ты воздаешь мне скверным. Не лжет изречение, заключающееся в таких стихах:

Мы сделали добро, нам отвечают злом,
Когда в ответ на зло исчадиям геенны
Мы делаем добро – клянусь, что поделом
Нам горькая судьба спасителя гиены!

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тани, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершенный ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! – я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду». – «Хорошо, – сказал ифрит, – спрашивай и будь краток!» И он задрожал и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» – «Так ты не веришь, что я был в нем?» – вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами», – отвечал рыбак...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала четвертая ночь, ее сестра сказала: «Закончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами». И тогда ифрит встряхнулся, и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью, и закрыл ею кувшин, и закричал на

ифрита: «Выбирай, какой смертью умрешь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придет сюда, я не дам ловить рыбу и скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжешь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понес кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!» А рыбак говорил: «Да, да!» Ифрит смягчил свои речи, и стал смиренным, и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже провел в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет Судный час. Не говорил ли я тебе: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!» – но ты не послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

«Открой меня, и я окажу тебе милость», – сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжешь, проклятый! Я и ты подобны везирию царя Юнана и врачу Дубану». – «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан и какова их история?» – спросил ифрит.

Повесть о везире царя Юнана

«Знай, о ифрит, – начал рыбак, – что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекаря были против нее бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришел великий врач, почтенный старец, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и науку о звездах и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришел в город и пробыл там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, и о том, что ученые и врачи не могут излечить ее. И когда это дошло до врача, он провел ночь в занятиях, а лишь только наступило утро, и засияло светом, и заблестало, он надел лучшее из своих платьев и вошел к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знают средства излечить ее. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогачу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твое, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почетной одеждой, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын мой!» – «Слушаю и повинуюсь, – ответил врач, – это будет завтра». А затем он спустился в город, и нанял дом, и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в клюшку, которую выдолбил, а к клюшке он приделал ручку, и когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и клюшкой. А с царем были эмиры, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришел врач Дубан, и подал ему

ключку, и сказал: «Возьми эту ключку, и держи ее за эту вот ручку, и гоняйся по ристалищу, и вытягивайся хорошенько – бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдет из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача ключку, и схватил ее рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар, и погнался за ним, и настиг его, и с силой ударил, сжав рукою ручку ключки. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему белье. И царь вошел в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лег спать.

Вот что было с царем Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришел к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошел, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

Само витийство чтит в тебе отца,
Когда другой от страху – ни словца.
Твое лицо своим чудесным светом
От гнева очищает все сердца.
И да не хмурят брови времена
Перед лицом, что светит, как луна.
Ты сотворил со мною милосердьем
То, что с лугами делает весна.
Стремясь к добру, добра ты не жалел
И скряжливость судьбы преодолел.

И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги, и обнял его, и посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на свое тело и совершенно не нашел на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.) Когда же настало утро, царь пришел в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошел врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и, не переставая, беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почетных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой. А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провел ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; и когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева. Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошел к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь, – и тогда царь велел выдать врачу пять почетных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к

себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окруженный придворными, везирями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворенный из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничье тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце; сила ее проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошел к царю Юнану и, облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния; если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?» И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали: «Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасаюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проспись! Я указываю на врача Дубана». – «Горе тебе, – сказал царь, – это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я установлю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу динаров, но даже если бы я разделил с ним свое царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти, подобно тому, что я узнал о царе Ас-Синдбаде...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятая ночь, ее сестра сказала ей: «Докончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Юнан сказал своему везиру: «О везирь, тебя взяла зависть к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я после этого стану раскаиваться, как раскаялся царь ас-Синдбад, убивши сокола». – «Прости меня, о царь времени, а как это было?» – спросил везирь.

Рассказ о царе Ас-Синдбаде

«Говорят, – а Аллах лучше знает, – начал царь, – что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола и не расставался с ним ни днем, ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольник и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попала газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью!»

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю, и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царем землю. И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убежала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь ответил: «Они

говорят, что ты сказал: «Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать ее, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам. А она хотела войти в чашу, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил ее крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломили. И царь вынул дубинку, и ударил газель, и повалил ее, потом он сошел и прирезал газель, и, сняв с нее шкуру, привесил ее к луке седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных и высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить, – и тогда царь покружил и увидел дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил ее этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил ее крылом и опрокинул, и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в нее стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил ее и опрокинул. И царь рассердился на сокола, и в третий раз наполнил чашку, и поставил ее перед конем, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» И, ударив сокола мечом, он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала поднимать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детеныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взяв с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми ее и изжарь!» – а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царем Ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей». – «А как это было?» – спросил царь Юнан.

Сказка о коварном везире

«Знай, о царь, – сказал везирь, – что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирию быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидел большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» – спросил ее царевич, и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И, услышав слова девушки, царевич сжалился над нею и взял ее на спину своего коня, посадив ее сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью». – И царевич спустил ее около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись ее, вошел за ней следом, не зная, кто она. И вдруг видит: это – гуль, и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!» А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад: и гуль вышла и увидела, что он как будто испуган, и боится, и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» – «У меня есть враг, и я боюсь его», – отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын царя?» – спросила его гуль, и царевич ответил: «Да». И тогда

гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-нибудь денег, чтобы удовлетворить его?» – «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью, – отвечал царевич, – и я боюсь за себя. Я человек обиженный». – «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага и от того зла, которого ты боишься», – сказала гуль. И царевич поднял взор к небу и воскликнул: «О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовет тебя, и устраняешь зло, о Боже, помоги мне против моего врага и отврати его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!» И когда гуль услышала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему отцу и рассказал ему о поступке везиря; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьет тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмешь в руку».

«Ты прав, о везирь, – сказал царь Юнан, – как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришел как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везиру: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его и, если он придет, отруби ему голову. Ты спасешься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя». – «Ты прав, о везирь!» – воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришел радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому как кто-то сказал:

Страшайся судьбы – спокоен будь!
Ведь всё в руках высокого провидца.
Пусть в книге судеб слов не зачеркнуть,
Но что не суждено – тому не сбыться.

И когда врач вошел к царю, то произнес:

Коль я не выскажу тебе благодаренье,
Скажи: «Кому ж ты посвятишь стихотворенье?»
Ты милости свои мне щедро расточал
Без отговорок и без промедленья.
Так почему хвалу не вправе я изречь,
И что мешает ей шуметь иль тайно течь?
Я восхваляю тебя за все благодеянья,
Хотя тяжел их груз для этих слабых плеч.

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» – спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и известить твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» – «Мне говорили, – отвечал царь, – что ты лазутчик и пришел меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьешь меня».

Потом царь крикнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» – «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах», – сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаясь, что ты убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим». – «О царь, – сказал врач Дубан, – вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаешь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И тогда врач убедился, что царь, несомненно, убьет его, он заплакал и пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

На свете только тот судьбою одарен,
Кто осторожным и разумным сотворен,
Кто не пойдет сухой, ни скользкою дорогой,
Не осветив умом, не ощутив ногой.

После этого выступил вперед палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня – оставит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах». – И он произнес:

От сердца дал совет – и не был я счастлив,
Счастливее они, от мира правду скрыв.
Унижен я – они стократ блаженней.
Теперь, коль буду жив, пребуду в немоте,
А если сгину – пусть меня оплачут те,
Кто не жалел для ближних откровений.

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаешь мне воздаянием крокодила». – «А каков рассказ о крокодиле?» – спросил царь, но врач сказал: «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближенных царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача, так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не поддававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? – сказал царь. – Это потому, что если я пощажу его, я, несомненно, погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьет меня и возьмет за меня подарок, так как он лазутчик и пришел только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!» – сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь, несомненно, его убьет, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых, которую я дам в подарок тебе, а ты храни ее в своей сокровищнице». – «А что в ней, в этой книге?» – спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из ее тайн – то, что, когда ты отрежешь мне голову, повернешь три листа и прочтешь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты ее спросишь».

И царь изумился до крайности и, преисполненный удивления, спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она со мной заговорит?» – «Да, о царь», – сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошел домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришел в диван, и пришли все эмиры, везири, придворные,

наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришел в диван и встал перед царем между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо», – и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока не отрубишь мне голову, а когда отрубишь, поставь ее на блюдо и вели ее натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натер голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыл ее и увидел, что листы слились, и тогда он положил палец в рот, смочил его слюной и раскрыл первый листок, и второй, и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких писем и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано». – «Раскрой еще, сверх этого», – сказал врач; и царь перевернул еще три листка, и прошло лишь немного времени, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнес:

Владели, правили, старались власть упрочить,
Прошли их времена – их знать никто не хочет.
Кто справедливым был – добра вкушает мед,
Кто был несправедлив, того судьба дойдет!
Не упрекай судьбу! Она не виноватит,
А только часть за часть, за меру меру платит.

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мертвый.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его, но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его. Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя...»

И Шахразад упустила речь, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала шестая ночь, ее сестра Дуньязада сказала: «Докончи твой рассказ».

И Шахзада ответила: «Если позволит мне царь».

«Говори», – сказал царь.

И она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Если бы ты пощадил меня, я бы пощадил тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море». И тут ифрит закричал и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня за мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем; ведь говорится в ходячих изречениях: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и деяния его». Не делай так, как сделала Уама с Атикой». – «А что сделала Уама с Атикой?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меняпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи, – сказал рыбак, – ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла, – я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит, кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море навсегда, пока не погибнешь».

«Отпусти меня, – сказал ифрит. – Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и дам тебе то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошел вверх, и вышел целиком, и стал ифритом в его подлинном облике. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидел, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели, и наделал себе в платье, и воскликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил свое сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: «Исполняйте обещание». Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и дает отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И ифрит засмеялся, и пошел впереди рыбака, и сказал ему: «О рыбак, следуй за мной!»

И рыбак пошел позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шел, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и опустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидел там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и желтых – и удивился этому. Потом он вынул сеть, и забросил ее, и вытянул, и нашел в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И, увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И, ради Аллаха, прими мое извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе», – и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошел в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в свое жилище, принес лоханку, наполнил ее водой и положил туда рыбу, и рыба забилась в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришел к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе», – сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он еще не испытал ее в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: «О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи нам сегодня твое искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришел с подарком».

Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошел к жене, веселый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло следующее. Она взяла рыбу, очистила ее и подвесила сковородку над огнем, а потом бросила на нее рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула ее на другую сторону, – вдруг стена кухни раздвинулась, и из нее вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершенными чертами и насурьмленными глазами, и одета она была в шелковый платок с голубой бахромой, в ушах ее были кольца, а на запястьях – пара перехватов, и на пальцах – перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И, увидев

это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз, – и рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да» – и затем произнесли:

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.
А если покинешь – покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу.

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела, что четыре рыбы сгорели и стали как черный уголь, и воскликнула: «С первого же набега сломалось его копьё!» – и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошел везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул ее ногой, и она очнулась, и заплакала, и сообщила везирию о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это, поистине, удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принес!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул ее, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принес везирию, а везирь пошел с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своем прежнем виде, и в руках у нее была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.
А если покинешь – покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу.

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала седьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда везирь поднялся на ноги и воскликнул: «Такое дело не следует скрывать от царя!» – и пошел к царю, и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами!» И он послал за рыбаком и велел принести четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принес ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров. Затем он обратился к везирию и сказал ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь передо мной!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принес сковородку, и приготовил рыб, и, подвесив сковородку над огнем, бросил на нее рыб, – и вдруг стена раздвинулась, и из нее вышел черный раб, подобный горе или человеку из племени Ад, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем.

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.
А если покинешь – покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу».

И раб приблизился к сковородке и перевернул ее веткою, что была у него в руке, и потом он пошел туда же, откуда вышел. И везирь с царем посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответит: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» – «Пути на полчаса, о владыка султана», – отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступать и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шел впереди всех, проклиная ифрита. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю свою жизнь, и султан и войска изумлялись. Они увидели равнину, и посреди нее пруд между четырех гор, и в пруде рыбу четырех цветов: красную, белую, желтую и голубую. И царь остановился, изумленный, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видели кто-нибудь из вас этот пруд?» И они ответили: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил стариков, и те отвечали: «Мы в жизни не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор, и потом позвал везиря (а это был везирь опытный и умный, проницательный и сведущий в делах), и когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и узнать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везирям, придворным, и наместникам, и всем, кто будет обо мне спрашивать: «Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить к нему». И не говори никому о моем намерении». И везирь не мог прекословить царю.

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом, и взобрался на одну из гор, и шел весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошел ночь и день. После этого он шел и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то черное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из черного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался, и остановился у ворот, и постучал легким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услышал, и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст», – сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошел через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий, но не услышал ответа; и тогда он, укрепив свое сердце мужеством, прошел из портика в середину дворца, но не нашел во дворце никого, хотя дворец был украшен шелком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьей и фонтаном с водоемом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашел, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

Когда я скрыл, чем дорожил, но сердце бушевало,
Когда бессонница очам покоя не давала,
Я страсть, возросшую во мне, призвал и ей сказал:
«Не оставляй меня в живых, срази, как сталь кинжала,
Не дай, чтоб средь трудов и бед я долго пребывал!»

И когда султан услышал этот стон, он поднялся и пошел на голос и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу, сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры; как сказал поэт:

Красавец стройный – ночь волос и свет чела. При нем
То словно входишь в мрак ночной, то пребываешь днем.
Прекрасней этой красоты на свете нет ничьей,
Она пленительнее всех увиденных вещей.
Что лучше родинки его на матовой щеке,
Она как роза, что плывет в зрачке, как в роднике.

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его: а юноша сидел, одетый в шелковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймленный драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим приветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение». – «Я уже простил тебя, о юноша, – ответил царь. – Я твой гость и пришел к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь.

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» И, протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он – человек. И, увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал, и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них, и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеши, о юноша, рассказать эту историю!»

«Отдай мне твой слух и взор», – отвечал юноша. И царь воскликнул: «Мой слух и взор здесь!» И тогда юноша сказал: «Поистине, с этими рыбами и со мной произошло удивительное дело, и будь оно даже написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся». – «А как это было?» – спросил царь.

Рассказ заколдованного юноши

«О господин мой, – сказал юноша, – знай, что мой отец был царем этого города, и звали его Махмуд, владыка черных островов. Он жил на этих четырех горах и царствовал семьдесят лет, а потом мой отец скончался, и я стал султаном после него. И я взял в жены дочь моего дяди, и она полюбила меня великой любовью, так что, когда я отлучался от нее, она не ела и не пила, пока не увидит меня подле себя. Она прожила со мною пять лет, и однажды, в какой-то день, она пошла в баню, и тогда я велел повару поскорее приготовить нам что-нибудь поесть на ужин; а потом я вошел в этот покой и лег там, где мы спали, приказав двум девушкам сесть около меня: одной в головах, другой в ногах. Я расстроился из-за отсутствия жены, и сон

не брал меня – хотя глаза у меня были закрыты, душа моя бодрствовала. И я услышал, как девушка, сидевшая в головах, сказала той, что была в ногах: «О Масуда, бедный наш господин, бедная его молодость! Горе ему с нашей госпожой, этой проклятой шлюхой!» – «Да, – отвечала другая, – прокляни, Аллах, обманщик и развратник! Такой молодой, как наш господин, не годится для этой шлюхи, что каждую ночь ночует вне дома». А та, что была в головах, сказала: «Наш господин глупец, он опоем и не спрашивает о ней!» Но другая девушка воскликнула: «Горе тебе, разве же наш господин знает или она оставляет его с его согласия? Нет, она делает что-то с кубком питья, который он выпивает каждый вечер перед сном, и кладет туда бандж, и он засыпает и не ведает, что происходит, и не знает, куда она уходит и отправляется. А она, напоив его питьем, надевает свои одежды, умащается и уходит от него и пропадает до зари. А потом приходит и курит что-то под носом у нашего господина, и он пробуждается от сна».

И когда я услышал слова девушек, у меня потемнело в глазах, и я едва верил, что пришла ночь. И моя жена вернулась из бани, и мы разложили скатерть и поели и посидели, как обычно, некоторое время за беседой, а потом она потребовала питье, которое я пил перед сном, и протянула мне кубок, и я прикинулся, будто пью его, как всегда, но вылил питье за пазуху и в ту же минуту лег и стал храпеть, как будто я сплю. И вдруг моя жена говорит: «Спи всю ночь, не вставай совсем! Клянусь Аллахом, ты мне противен, и мне ненавистен твой вид, и душе моей наскучило общение с тобой, и я не знаю, когда Аллах заберет твою душу».

Она поднялась, и надела свои лучшие одежды, и надушилась курениями, и, взяв мой меч, опоясалась им, открыла ворота дворца и вышла. И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца, и прошла по рынкам города, и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял, и замки попадали, и ворота распахнулись. И моя жена вышла, и я последовал за ней (а она этого не замечала); и, дойдя до свалок, она подошла к плетню, за которым была хижина, построенная из кирпича, а в хижине была дверь. И моя жена вошла туда, а я влез на крышу хижины и посмотрел сверху – и вдруг вижу: дочь моего дяди подошла к черному рабу, у которого одна губа была как одеяло, другая – как башмак, и губы его подбирали песок на камнях. И он был болен проказой и лежал на обрезках тростника, одетый в дырявые лохмотья и рваные тряпки. И моя жена поцеловала перед ним землю, и раб поднял голову и сказал: «Горе тебе, чего ты до сих пор сидела? У нас были наши родные – черные – и пили вино, и каждый ушел со своей женщиной, а я не согласился пить из-за тебя».

«О господин мой, о мой возлюбленный, о прохлада моих глаз, – отвечала она, – разве не знаешь ты, что я замужем за сыном моего дяди и мне отвратителен его вид и ненавистно общение с ним! И если бы я не боялась за тебя, я не дала бы взойти солнцу, как его город лежал бы в развалинах, где кричат совы и вороны и ютятся лисицы и волки, и камни его я перенесла бы за гору Каф».

«Ты лжешь, проклятая! – воскликнул раб. – Клянусь доблестью черных (а не думай, что наше мужество подобно мужеству белых), если ты еще раз засидишься дома до такого времени, я с того дня перестану дружить с тобой и не накрою твоего тела своим телом. О проклятая, ты играешь с нами шуточки себе в удовольствие, о вонючая, о сука, о подлейшая из белых!»

И когда я услышал его слова (а я смотрел, и видел, и слышал, что у них происходит), мир покрылся передо мною мраком, и я сам не знал, где я нахожусь. А дочь моего дяди стояла и плакала над рабом и унижалась перед ним, говоря ему: «О мой любимый, о плод моего сердца, если ты на меня разгневаешься, кто пожалеет меня? Если ты меня прогонишь, кто приютит меня, о мой любимый, о свет моего глаза?» И она плакала и умоляла раба, пока он не простил ее, и тогда она обрадовалась, и встала, и сняла с себя платье и рубаху, и сказала: «О господин мой, нет ли у тебя чего-нибудь, что твоя служанка могла бы поесть?» И раб отвечал: «Открой чашку, в ней вареные мышьиные кости – съешь их, а в том горшке ты найдешь остатки пива – выпей его». И она поднялась, и попила, и поела, и вымыла руки и рот, а потом подошла и легла с рабом на тростниковые обрезки и, обнажившись, забралась к нему под тряпки и лохмотья.

И когда я увидел, что делает дочь моего дяди, я перестал сознавать себя и, спустившись с крыши хижины, вошел и взял меч, который принесла с собой дочь моего дяди, и обнажил его, намереваясь убить их обоих. Я ударил сначала раба по шее и подумал, что порешил с ним...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала восьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что заколдованный юноша говорил царю: «Когда я ударил раба, чтобы отрубить ему голову, я не разрубил яремных вен, а рассек горло, кожу и мясо, но я думал, что убил его. Он испустил громкое хрипение, и моя жена зашевелилась, а я повернул назад, поставил меч на место, пошел в город и, войдя во дворец, пролежал в постели до утра. И дочь моего дяди пришла и разбудила меня: и вдруг я вижу – она обрезала волосы и надела одежды печали. И она сказала: «О сын моего дяди, не препятствуй мне в том, что я делаю. До меня дошло, что моя матушка скончалась и отец мой убит в священной войне, а из двух моих братьев один умер ужаленным, а другой свалился в пропасть, так что я имею право плакать и печалиться». И, услышав ее слова, я смолчал и потом ответил: «Делай, что тебе вздумается, я не стану тебе прекословить». И она провела, печалась и причитая, целый год, от начала до конца, а через год сказала мне: «Я хочу построить в твоём дворце гробницу вроде купола и уединиться там с моими печальями. И я назову ее «Дом печалей». – «Делай, как тебе вздумается», – отвечал я. И она устроила себе комнату для печали и выстроила посреди нее гробницу с куполом вроде склепа, а потом она перенесла туда раба и поселила его там, а он не приносил ей никакой пользы и только пил вино. И с того дня, как я его ранил, он не говорил, но был жив, так как срок его жизни еще не кончился. И она стала каждый день ходить к нему утром и вечером, и спускалась под купол, и плакала и причитала над ним, и поила его вином и отварами по утрам и по вечерам, и поступала так до следующего года, а я был терпелив с нею и не обращал на нее внимания. Но в какой-то день я внезапно вошел к ней и увидел, что она плачет, говоря: «Почему ты скрываешься от моего взора, о услада моего сердца? Поговори со мной, душа моя, скажи мне что-нибудь!» И она произнесла такие стихи:

Что значит – я еще жива, когда разлучена с тобой?
Ведь сердце любит лишь тебя, моя душа полна тобой.
Ты тело мертвое мое возьми, возлюбленный, с собой
И там его похорони, куда заброшен ты судьбой.
И если назовешь меня, хотя бы два раза подряд,
Сухие косточки мои из-под земли заговорят.

Когда же она кончила говорить и плакать, я сказал ей: «О дочь моего дяди, довольно тебе печалиться! Что толку плакать? Это ведь бесполезно». – «Не препятствуй мне в том, что я делаю! Если ты будешь мне противиться, я убью себя», – сказала она, и я смолчал и оставил ее в таком положении. И она провела в печали, плаче и причитаниях еще год, а на третий год я однажды вошел к ней, разгневанный чем-то, что со мной произошло (а это мучение уже так затянулось!), и нашел дочь моего дяди у могилы под куполом, и она говорила: «О господин мой, почему ты мне не отвечаешь?»

И, услышав ее слова, я стал еще более гневен, чем прежде, и воскликнул: «Ах, доколе продлится эта печаль!»

И когда дочь моего дяди услышала эти слова, она вскочила на ноги и сказала: «Горе тебе, собака! Это ты сделал со мной такое дело и ранил возлюбленного моего сердца и причинил боль мне и его юности. Вот уже три года, как он ни мертв, ни жив!» – «О грязнейшая из шлюх и сквернейшая из развратниц, любовниц подкупленных рабов, да, это сделал я!» – отвечал я, и, взяв меч в руку, я обнажил его и направил на мою жену, чтобы убить ее. Но она, услышав мои

слова и увидав, что я решил ее убить, засмеялась и крикнула: «Прочь, собака! Не бывать, чтобы вернулось то, что прошло, или ожили бы мертвые! Аллах отдал мне теперь в руки того, кто со мной это сделал и из-за кого в моем сердце был неугасимый огонь и неукрываемое пламя!»

И она поднялась на ноги и, произнеся слова, которые я не понял, сказала: «Стань по моему колдовству наполовину камнем, наполовину человеком!» И я тотчас же стал таким, как ты меня видишь, и не могу ни встать, ни сесть, и я ни мертвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала город и все его рынки и сады, а жители нашего города были четырех родов: мусульмане, христиане, евреи и маги, и она превратила их в рыб: белые рыбы – мусульмане, красные – маги, голубые – христиане, а желтые – евреи. А четыре острова она превратила в горы, окружающие пруд. И, кроме того, она меня бьет, и пытается, и наносит мне по сто ударов бичом, так что течет моя кровь и растерзаны мои плечи. А после того она надевает мне на верхнюю половину тела волосяную одежду, а сверху эти роскошные одеяния». И потом юноша заплакал и произнес:

О Боже, я стерплю твой приговор и рок,
Ведь я привык терпеть, пускай судьба жестока.
В беде, которую ты на меня навлек,
Прибежище одно – бессмертный род пророка.

И царь обратился к юноше и сказал ему: «О, ты прибавил заботы к моей заботе, после того как облегчил мое горе. Но где она, о юноша, и где могила, в которой лежит раненый раб?» – «Раб лежит под куполом в своей могиле, а она – в той комнате, что напротив двери, – ответил юноша. – Она приходит сюда раз в день, когда встает солнце; и как только придет, подходит ко мне, и снимает с меня одежды, и бьет меня сотней ударов бича, и я плачу и кричу, но не могу сделать движения, чтобы оттолкнуть ее от себя. А отстегавши меня, она спускается к рабу с вином и отваром и поит его. И завтра, с утра, она придет».

«Клянусь Аллахом, о юноша, – воскликнул царь, – я не премину сделать тебе доброе дело, за которое меня будут поминать, и его запишут, и оно станет известным до конца времен!»

После этого царь сел, и они с юношей беседовали до наступления ночи и легли спать; а на заре царь поднялся и снял с себя одежду и, обнажив меч, направился в помещение, где был раб. Он увидел свечи, светильники, курильницы и сосуды для масла, и, подойдя к рабу, он ударил его один раз и убил и, взвалив его на спину, бросил в колодец, бывший во дворце. А потом он вернулся и, закутавшись в одежды раба, лег в гробницу, и его меч был с ним, вынутый из ножен на всю длину.

И через минуту явилась проклятая колдунья, и, как только пришла, сняла одежду с сына своего дяди, и, взяв бич, стала бить его. И юноша закричал: «Ах, довольно с меня того, что со мною, о дочь моего дяди! Пожалей меня, о дочь моего дяди!» Но она воскликнула: «А ты пожалел меня и оставил мне моего возлюбленного?» И она била его, пока не устала, и кровь потекла с боков юноши, а потом она надела на него волосяную рубашку, а поверх нее его одежду и после этого спустилась к рабу с кубком вина и чашкой отвара. Она спустилась под купол и стала плакать и стонать и сказала: «О господин мой, скажи мне что-нибудь, о господин мой, поговори со мной!» – и произнесла такие строки поэта:

Доколе будешь ты дичиться, сторониться,
Достаточно того, что страстью я спален.
Из-за тебя одной разлука наша длится.
Зачем? Завистник мой давно уж исцелен!

И она опять заплакала и сказала: «Господин мой, поговори со мной, скажи мне что-нибудь!» И царь понизил голос, и заговорил заплетающимся языком на наречии черных, и сказал: «Ах, ах, нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда женщина услышала его слова, она вскрикнула от радости и потеряла сознание, а потом очнулась и сказала: «О господин мой, это правда?» И царь ослабил голос и отвечал: «О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой кто-нибудь говорил и разговаривал?» – «А почему же нет?» – спросила женщина. «А потому, что ты весь день терзаешь своего мужа, а он зовет на помощь и не дает мне спать от вечера до утра, проклиная тебя и меня, – сказал царь. – Он меня беспокоил и повредил мне, и если бы не это, я бы, наверное, поправился. Вот что мешало мне тебе ответить». – «С твоего разрешения я освобожу его от того, что с ним», – сказала женщина. И царь отвечал ей: «Освободи и дай нам отдых».

И она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» – и, выйдя из-под купола во дворец, взяла чашку, наполнила ее водой, и проговорила над нею что-то, и вода в чашке запузырилась, и забулькала, и стала кипеть, как кипит в котле на огне. Потом женщина обрызгала водой юношу и сказала: «Заклинаю тебя тем, что я произнесла и проговорила; если ты стал таким по моему колдовству и ухищрению, то измени этот образ на твой прежний». И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги, и он обрадовался своему освобождению и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» А она сказала: «Выходи и не возвращайся сюда, иначе я тебя убью!» – и закричала на него, и юноша вышел. А женщина вернулась к куполу, сошла вниз и сказала: «О господин мой, выйди ко мне, чтобы я видела твой прекрасный образ».

И царь сказал ей слабым голосом: «Что ты сделала? Ты избавила меня от ветки, но не избавила от корня!» – «О мой господин, о мой любимый, – сказала она, – а что же есть корень?» И царь воскликнул: «Горе тебе, проклятая! Корень – жители этого города и четырех островов! Каждую ночь, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы, и вызывают о помощи, и проклинают меня и тебя. Вот причина, мешающая моему выздоровлению. Иди же освободи их скорее и приходи, возьми меня за руку и подними меня. Здоровье уже идет ко мне».

И когда женщина услышала слова царя (а она думала, что это раб), она обрадовалась и воскликнула: «О господин мой, твой приказ на голове моей и на глазах. Во имя Аллаха!» И она встала, радостная, и побежала, и вышла к пруду, и взяла оттуда немного воды...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина-колдунья взяла из пруда немного воды и проговорила над нею слова непонятные – и рыбы запрыгали, и подняли головы, и тотчас же вышли, и чары оставили жителей города, и город сделался населенным, и торговцы стали продавать и покупать, и всякий принялся за свое ремесло, и острова вновь сделались такими, какими были».

И после этого женщина-колдунья тотчас же пришла к царю и сказала ему: «О любимый, подай мне твою благородную руку и встань». И царь отвечал неслышным голосом: «Подойди ко мне ближе!» И когда она подошла вплотную, царь обнажил меч и ударил ее в грудь, и меч вышел, блистая, из ее спины. Потом царь опять ударил ее, и разрубил пополам, и кинул ее тело на землю двумя кусками, и вышел, и увидел заколдованного юношу, который стоял в ожидании его, и поздравил его со спасением. И юноша поцеловал царю руку и отблагодарил его, а царь спросил: «Будешь ли жить в твоём городе или пойдешь со мной в мой город?» – «О царь нашего времени, – отвечал юноша, – а знаешь ли ты, каково расстояние между тобою и твоим городом?» – «Два с половиной дня пути», – отвечал царь. И юноша воскликнул: «О царь, если ты спишь, проснись! Между тобою и твоим городом целый год пути для спешащего

путника, и ты пришел в два с половиной дня потому, что город был заколдован. А я, царь, не покину тебя ни на мгновение ока».

Царь обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который милостиво послал мне тебя! Ты мой единственный сын, так как я за всю жизнь не имел ребенка».

И они обнялись, обрадованные до крайности, а потом пошли и пришли во дворец; и царь, который был заколдован, приказал вельможам своего царства снарядиться в путешествие и приготовить припасы и все, что требовалось по обстоятельствам. И они принялись собираться и собирались десять дней, и юноша выступил с султаном, сердце которого пылало от тоски по его городу – как это он его оставил! И они поехали, и вместе с ними пятьдесят невольников и большие подарки, и путешествовали непрерывно, днем и ночью, в течение целого года, и Аллах предначертал им безопасность, так что они достигли города и послали известить везиря о благополучном прибытии султана. И везирь и войска выступили, после того как их оставила надежда на возвращение царя, и войска, приблизившись к царю, облобызали перед ним землю и поздравили его с благополучным прибытием. И царь вошел и сел на престол, а потом он обратился к везирю и рассказал ему все, что случилось с юношей, и везирь, услышав о том, что с ним произошло, поздравил его со спасением, и тогда все успокоились.

И султан наградил многих людей и сказал везирю: «Позвать ко мне рыбака, что принес нам рыб». И послали к рыбаку, который был причиною освобождения жителей города, и его привели, и царь его наградил и расспросил, каково его положение и есть ли у него дети. И рыбак рассказал, что у него есть две дочери и сын, и царь велел привести их и женился на одной, а юноше дал другую дочь, сына же рыбака сделал казначеем. Потом он дал назначение везирю и послал его султаном в город юноши, то есть на черные острова, и отослал с ним тех пятьдесят невольников, что пришли вместе с ним, и дал ему награды для всех эмиров. И везирь поцеловал ему руки и в тот же час и минуту выступил, а царь и юноша остались. Что же до рыбака, то он сделался самым богатым человеком своего времени, а его дочери были женами царей, пока не пришла к ним смерть».

Сказка о горбуне

А когда наступила следующая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, щедрый и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в свое жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорченного и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу: и горбун согласился и пошел к ним.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь) и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы, и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!» И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле, – и так как срок его жизни кончился, он умер...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена портного положила горбуну в рот кусок рыбы, и так как его срок окончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через наши руки!» А жена его сказала: «Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Для чего я душу тешу, мысля, что не уроню
Горький груз забот и тягот, грусти и печали?
Разве можно прислониться к непогасшему огню?
Много тех, кто, прислонившись, душу обжигали!»

«А что же мне делать?» – спросил ее муж, и она сказала: «Встань, возьми его на руки и накрой шелковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: «Это мой ребенок, а вот это – его мать; мы идем к лекарю, чтобы он посмотрел его». Услышав эти слова, портной встал и понес горбуна на руках, и жена его говорила: «Дитяtko, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит и в каком месте тебя поразила оспа?» И всякий, кто видел их, говорил: «С ними больной ребенок». И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась черная невольница, и открыла ворота, и посмотрела – и вдруг видит: у ворот человек, который несет ребенка, и с ним женщина. «В чем дело?» – спросила невольница; и жена портного сказала: «С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай ее твоему господину – пусть он сойдет вниз и посмотрит моего ребенка: на него напала болезнь». И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: «Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души».

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: «У ворот человек с каким-то больным, и с ними женщина. Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-нибудь подходящее». И еврей, увидав четверть динара, обрадовался и поспешно встал и сошел вниз в темноте, – и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мертв. И он воскликнул: «О великий! О Моисей и десять заповедей! О Аарон и Иисус, сын

Нуна! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?» И он понес горбуна, и вошел с ним в дом, и сообщил об этом своей жене; она сказала: «Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдет день, пропали наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина». А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыши и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горбатого, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошел к дому, и отпер его, и вошел с зажженной свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: «Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадет мои запасы, – оказывается, человек!» И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: «Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! Я перебил всех кошек и собак на улице и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши». И, схватив большой молоток, он взмахнул им и подошел к горбуну и ударил его в грудь – и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» Он испугался за себя и сказал: «Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки». А потом он взглянул на него – и видит: это горбатый. «Мало того что ты горбун, ты стал еще вором и крадешь мясо и сало! – воскликнул надсмотрщик. – О покровитель, накрой меня своим благим покровом!» И он поднял горбуна на плечи, и вышел с ним из дому на исходе ночи, и нес его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка, и бросил его, и ушел.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказывал ему, что утренняя близко; и он шел покачиваясь, пока не приблизился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд – и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка и от сильного опьянения бросился на горбуна и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришел и увидал, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: «Что такое с ним?» – «Он хотел утащить мой тюрбан», – отвечал христианин. «Встань, оставь его», – сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошел к горбуну, и увидал, что он мертвый, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!» Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привел его в дом вали, а христианин говорил про себя: «О Мессия, о Дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!» И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь в доме вали, а утром вали пришел, и велел повесить убийцу, и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошел, и накинуд на шею христианина веревку, и хотел повесить его, как вдруг надсмотрщик прошел сквозь толпу и увидал христианина, которого собирались вешать, и растолкал народ, и крикнул палачу: «Не надо, это я убил его!»

«За что же ты его убил?» – спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: «Вчера вечером я пришел домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снес его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка... – И он воскликнул: – Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я еще убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!» И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: «Повесь этого, согласно его признанию».

И палач снял веревку с шеи христианина и накинуд ее на шею надсмотрщика; он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошел сквозь толпу и закричал

людям и палачу: «Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом, и отдала мне деньги, а мужчина и женщина внесли горбуна в дом и положили его на лестницу и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал с верху лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его, и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика – рядом с моим домом), и спустили его, мертвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришел, он увидел горбуна в своем доме и предположил, что это вор, и ударил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его. Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!»

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: «Отпусти надсмотрщика и повесь еврея». И палач взял еврея и положил веревку ему на шею, но вдруг портной прошел сквозь толпу и крикнул: «Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днем гулял, и пришел к вечеру, и увидел этого пьяного горбуна, у которого был бубен, и он пел под него. Я пригласил его, и привел к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперек горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: «Скажи моему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной, – поди посмотри его». И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внес горбуна на верх лестницы, поставил его и ушел вместе с женой; а еврей спустился и наткнулся на горбуна – и решил, что он убил его». И портной спросил еврея: «Правда?» И тот сказал: «Да!» И тогда портной обратился к вали и сказал: «Отпусти еврея и повесь меня». И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул: «Поистине, такое дело записывают в книгах! – А потом он сказал палачу: – Отпусти еврея и повесь портного, по его признанию». И палач подвел его и сказал: «Мы устали – одного подводим, другого отводим, а никого не вешают», – и накинул веревку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутком султана, и тот не мог расстаться с ним; и когда горбун напился и пропадал эту ночь и следующий день до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, – и ему сказали: «О владыка, его принесли к вали мертвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца и третий, и все говорили: «Я один убил его», – и каждый рассказывал вали о причине убийства». И султан, услыша эти слова, крикнул привратника и сказал ему: «Сходи к вали и приведи их всех ко мне».

И привратник пошел и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: «Не надо!» Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика, – и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми, – а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло удивление, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: «Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?» И тогда выступил вперед христианин и сказал: «О царь, наметь время, – если позволишь, я тебе расскажу о чем-то, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна». – «Расскажи нам то, что ты хочешь!» – сказал царь.

Рассказ христианина

«О царь времени, – начал христианин, – когда я вступил в эти земли, я пришел с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения – Каир. Я из тамошних коптов и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой

отец скончался, и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу – едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И, увидав меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил: «Сколько стоит ардебб вот этого?» – «Сто дирхемов», – отвечал я; и юноша сказал: «Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали – ты найдешь меня там». И он оставил меня, и уехал, и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошел покупателей, и каждый ардебб принес мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашел ожидающим; и, увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из нее взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: «Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу продавать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги». И я сказал: «Хорошо!» – и поцеловал ему руки, и ушел от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришел и спросил меня: «Где деньги?» А я встал, и приветствовал его, и спросил: «Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?» Но он отказался и сказал: «Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя», – и ушел. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: «Этот юноша совершенство доброты». А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было как месяц – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры.

И, увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним, и призвал на него благословение, и спросил: «О господин, не возьмешь ли ты свои деньги?» И юноша ответил: «А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя», – и ушел. А я воскликнул: «Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придет, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!»

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в еще более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинять его зайти ко мне и отведать моего угощения. И юноша сказал: «С условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя». И я сказал: «Хорошо!» – и посадил его, и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принес это ему, и сказал: «Во имя Аллаха!» И юноша подошел к столу и, протянув свою левую руку, стал со мною есть, – и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем ее вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: «О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?» И, услышав мои слова, юноша произнес:

О том, что на сердце лежит, не спрашивай, мой друг,
Не то отверзнется печаль, откроется недуг,
Не по желанью своему расстался я с любимой,
Нет! Нас веленье развело судьбы неумолимой.

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу – она обрубленная: запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: «Не дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина». – «А что же причиною этому?» – спросил я; и юноша сказал: «Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предначертал мне благополучие, и я вступил в этот ваш город», – и потом он заплакал и произнес:

Порой незрячий избежит и обойдет канавы,
В какие зрячий попадет, ловушки не заметив.
Бывает – избежит глупец словес, что так лукавы,
И в них запутается тот, кто не был опрометчив.
Благочестивому с трудом дается хлеб насущный,
А греховодник схватит кус рукою загребушей.
Как человеку поступать, что делать человеку?
Вершить, что суждено ему судьбою всемогущей.

А окончив эти стихи, он сказал: «И я прибыл в Каир, и сложил ткани в хане Масрура, и, отвязав свои тюки, вынес их, и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и немного поспал; а поднявшись, я прошелся по улице Бейн-аль-Касрейн, и вернулся, и проспал ночь. А наутро я встал и вскрыл тюк с тканями и сказал себе: «Пойду пройдуся по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!» И я взял кое-какие ткани, и дал их отнести одному из моих слуг, и пошел на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали о моем прибытии), и взяли у меня ткани, и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: «О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживешь дирхемы: на каждый дирхем два, и, кроме того, посетишь Каир и Нил».

И я сказал: «Это правильная мысль!» – и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их, и записал за ними цену, и отдал бумажку меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провел много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошел в баню, и, вернувшись в хан, отправился в свое помещение, и позавтракал с кубком вина, и поспал, а проснувшись, я съел курицу, и надушился, и пошел в лавку одного купца, которого звали Бедр ад-Дин аль-Бустани. И, увидев меня, он сказал мне: «Добро пожаловать!» – и разговаривал со мною некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел ее черные глаза, а женщина приветствовала Бедр ад-Дина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседуя с нею; и когда я услышал ее речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бедр ад-Дину: «Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?» И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхемах. «Я возьму кусок, и уйду, и пришлю тебе деньги», – сказала тогда женщина купцу, но он возразил: «Нельзя, госпожа, вот владетель ткани, и я связан перед ним сроком». – «Горе тебе! – воскликнула женщина. – Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег и даю тебе нажать больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги». А купец отвечал: «Да, но я принужден расплатиться сегодня же». И тогда она взяла кусок, и бросила его в лицо Бедр ад-Дину, и воскликнула: «Ваше племя никому не знает цены!» – и встала. С ее уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся, и остановил ее, и сказал: «О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!» И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: «О, ради тебя возвращаюсь», – и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бедр ад-Дина: «За сколько ты купил этот кусок?» – «За тысячу сто дирхемов», – отвечал он; и я сказал: «Тебе будет еще сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я напишу тебе расписку на эту цену». И я взял кусок ткани и написал Бедр ад-Дину расписку своей рукой, и отдал женщине, и сказал ей: «Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь – это тебе подарок, как моей гостье». – «Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлет тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!» – сказала женщина (и Аллах внял ее молитве). А я воскликнул: «О госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет еще такой же, но дай мне посмотреть на твое лицо». И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало, и взяла отрез, и сказала: «О господин, не заставляй меня тосковать!» – и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и разум мой исчез, и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: «У нее есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец ее умер и оставил ей большое богатство».

И я простился с ним, и ушел, и пришел в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той женщине, и не стал ничего есть, и лег спать. Но сон не шел ко мне; и я не спал до утра, и встал, и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина, и поел немного на завтрак, и пошел в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая еще более роскошно, чем раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бедр ад-Дином и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: «Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов – плату за кусок ткани». – «А что же торопиться?» – сказал я ей, и она воскликнула: «Да не лишимся мы тебя!» – и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а мое сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: «О господин, поговори с моей госпожой!» И я изумился и сказал: «Меня никто здесь не знает». Но девушка воскликнула: «О господин, как ты скоро ее забыл! Моя госпожа – та, что была сегодня в лавке такого-то купца». И я пошел с девушкой на рынок менял; и, увидев меня, ее госпожа привлекла меня к себе и сказала: «О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сои, ни питье, ни пища». – «У меня в душе во много раз больше этого, и положение избавляет от нужды сетовать», – ответил я. И она спросила: «О любимый, у меня или же у тебя?» – «Я здесь человек чужой», – отвечал я, – и нет мне где приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость – пусть будет у тебя». И она сказала: «Хорошо, но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться, – разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания, а когда приедешь, спроси, где дом Бараката-начальника, по прозвищу Абу-Шама, – я там живу. И не медли, я жду тебя».

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришел в хан, где я жил, я провел ночь без сна и не верил, что заря заблестала. И я встал, и переменял одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошел от хана Масрура до ворот Зувейле, а там сел на осла и сказал его владельцу: «Отвези меня в аль-Хаббанию». И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: «Зайди в квартал и спроси дом начальника». И ослитник ушел, и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: «Заходи!» И я сказал ему: «Иди впереди меня к дому! Рано утром придеешь сюда и отвезешь меня», – сказал я потом ослитнику; и он отвечал: «Во имя Аллаха!» – и я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошел в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где

были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы; и комната была выбелена султанской известкой, в которой человек видел свое лицо, а потолок был покрыт золотыми и лазурными надписями, которые заключали прекрасные славословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан пестрым мрамором, и посреди был водоем, по краям которого находились птицы, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шелковыми коврами и уставлено скамейками. И, войдя, я сел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша-купец говорил христианину: «И, войдя, я сел, и не успел я очнуться, как та женщина уже подошла – в венце, окаймленном жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И, увидев меня, она улыбнулась мне в лицо, и обняла меня, и прижала к своей груди, и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она сказала: «Это правда? Ты пришел ко мне?» И я отвечал ей: «Я твой раб!» А она воскликнула: «Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидела, мне не был сладок сон и неприятно кушанье». – «И мне также», – отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели, разговаривая, и она произнесла такие стихи:

Когда б мы знали, что придете к нам,
Мы б под ноги зрочки стелили вам,
Мы щеки по земле бы расстелили,
И вы б прошли по векам и сердцам!

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу – это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся, и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней, и вышел, а она заплакала и сказала: «О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?» И я сказал ей: «Я буду у тебя вечером». А выйдя, я нашел ослятника, привезшего меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним, и приехал в хан Масрура, и сошел, и дал ослятнику полдинара, и сказал ему: «Приходи опять ко времени заката!» И он отвечал: «Хорошо!» И я позавтракал и пошел взыскивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягненка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это ему в корзину, заплатил ему и вернулся к своим делам и был занят до захода солнца.

А на закате ослятник пришел ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошел к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор, и начистили медь, и заправили светильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: «Ты заставил меня тосковать!»

А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили не переставая до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров и вышел от нее. И я увидел ослятника, и поехал в хан, и поспал немного, а затем я встал, и собрал ужин, и приготовил орехи и миндаль к рисовому пилаву, и жареный аронник, и взял свежих и сушеных плодов на закуску и цветов – и отослал ей это; и, зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке и вышел и, как обычно,

поехал с ослиатником к ее дому. И я вошел, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся и бросил ей платок и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провел ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: «Все это дело сатаны!» И произнес такие стихи:

В его очах свет застит нищета,
Он сам желтее солнца при закате.
Уйдет – и все подумают, что кстати.
Придет – уж все разобраны места.
Блуждает он среди людского рынка,
В степи исходит горькою слезой.
Клянусь Аллахом, человек – соринка,
Он нищетой томим и всем чужой!

И я вышел из хана и прошел по улице Бейн-аль-Касрейн и дошел до самых ворот Зувейле, и я увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по предопределенному велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нащупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал легким, и положил туда руку, но ничего не нашел там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубинкой, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас, и схватили за уздечку лошадь солдата, и сказали: «Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!» Но солдат закричал на них и сказал: «Это проклятый вор!» И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: «Это красивый юноша, он ничего не взял!» – некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по предопределенному велению вдруг въехали в ворота вали, и начальник, и стражники, и они увидели, что народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: «В чем дело?» И солдат сказал: «Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошель с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе». – «А был с тобой кто-нибудь?» – спросил вали у солдата, и солдат ответил: «Нет!» И тогда вали крикнул начальника, и тот схватил меня, и Аллах лишил меня покровительства. И вали сказал начальнику: «Раздеть его!» И когда меня раздели, кошель нашли в моем платье. А когда кошель нашли, вали взял его, и открыл, и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: «О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?» И я опустил голову к земле и сказал про себя: «Если скажу «не украл», – но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу «украл» – испытаю мучение». И я поднял голову и сказал: «Да, я взял его». И, услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова, – и все это происходило у ворот Зувейле. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошель и сказал: «Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором». И после этого я произнес:

Клянусь Аллахом, брат, что не был я злодей
И злоумышленник, о лучший из людей.
Внезапная судьба меня ошеломила,
И горе возросло, и бедность надломила.
Нет, сам я не стрелок – Аллахова стрела

Венец величия с главы моей сняла.

И солдат оставил меня и ушел, отдав мне кошель, и я тоже ушел, и завернул свою руку в тряпку, и положил ее на пазуху; и мое состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошел до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: «Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?» – «У меня болит голова, и мне нехорошо», – отвечал я. И тогда она разгневалась, и обеспокоилась за меня, и воскликнула: «Не сжигай моего сердца, господин мой! Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло с тобой сегодня? Мне видны на твоём лице многие слова». – «Избавь меня от разговоров», – сказал я. И она заплакала и воскликнула: «Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно». И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, но я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой рукой, и сказал: «Я не хочу сейчас есть!» – «Расскажи мне, что произошло с тобою сегодня и почему ты озабочен и разбиты твоё сердце и душа», – сказала она. И я ответил: «Сейчас я расскажу тебе не торопясь». И она подала мне вина и сказала: «Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и расскажи мне, что случилось». – «Я обязательно должен рассказать тебе?» – спросил я, и она ответила: «Да!» И тогда я сказал: «Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой». И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от нее левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнес:

Коли Аллах захочет унижить человека,
В котором есть и разум, и зрение, и слух,
Отнимет очи, уши, и вот уж ты – калека:
Твой разум перевернут, с затылка содран пух.
Но, приговор исполнив, он лечит от страданья
И возвращает разум, как будто в назиданье.

И, окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, а она издала громкий крик и спросила: «Отчего ты плачешь? Ты сжег мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?» – «У меня на руке чирей», – отвечал я ей, и она сказала: «Вынь ее, я тебе его проткну». Но я сказал: «Теперь не время его вскрывать! Не надоедай мне! Я не выну сейчас руки!»

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидела мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и ее охватила такая печаль, какая еще не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар и подала его, – и вдруг я вижу, он из четырех куриц! – и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: «Куда идешь?» – «В одно место, куда мне надо пойти», – отвечал я. Но она сказала: «Не уходи, садись!»

И когда я сел, она воскликнула: «Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой, – и свидетель тому Аллах! – что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!» И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: «Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое». И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, и после того она сказала: «Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все, какие у меня есть, рабы и невольницы принадлежат этому юноше».

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, открыла

большой сундук и сказала мне: «Посмотри, что в сундуке». И я посмотрел – и вижу: он полон платков; а она сказала: «Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку – и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество. – И она сказала мне: – Получи свои деньги». И я перенес ее сундук к своему и положил ее деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и мое сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил ее, а она сказала: «Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе».

После этого она отписала мне особою крепостью все, какие имела, носильные платья и драгоценности и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провел с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, ее слабость увеличилась и болезнь ее усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась среди обитателей того света. И я обрядил ее, и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за нее в виде милостыни много денег. А выйдя из ее склепа, я увидел, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе ее складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и я давал в торг остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор еще не получил всех денег. Не возражай же против того, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя. Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой».

«Ты был милостив и благодетелен», – сказал я ему. И он спросил: «Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накупил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?» – «Хорошо», – сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все, что имел, и купил других товаров, и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары, и купил вместо них другие в вашей стране, и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь, – и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?»

«Вас всех необходимо повесить», – сказал царь...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: «Вас необходимо повесить!» Тогда надсмотрщик подошел к царю Китая и молвил: «Если ты мневеришь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной за это время, раньше чем я нашел этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь ли ты нам наши души?» – «Хорошо», – отвечал царь. И надсмотрщик сказал:

Рассказ надсмотрщика

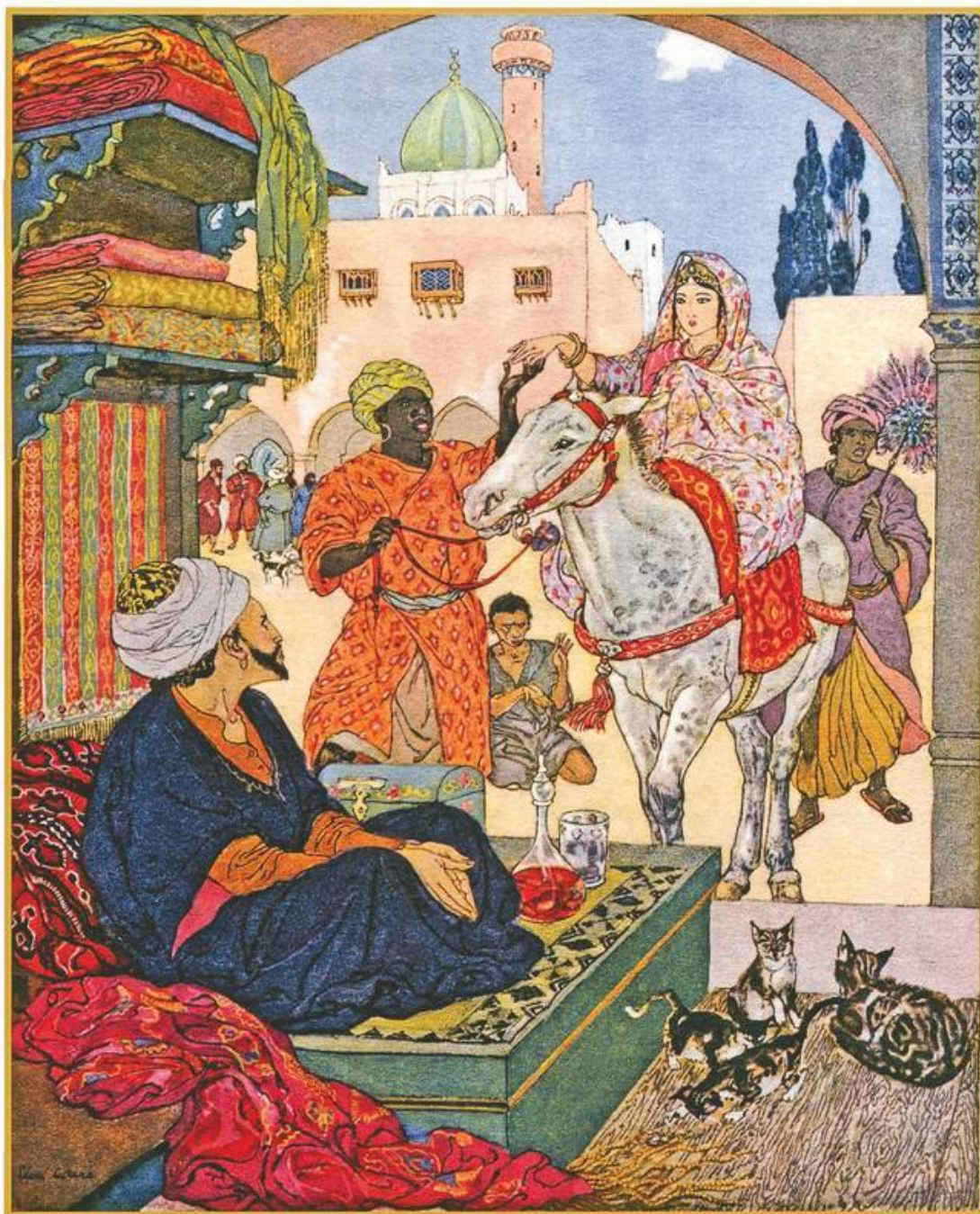
«Знай, что в прошлый вечер я был в одном собрании, где устроили чтение Корана и собрали законовевов; и когда чтецы прочитали и кончили, накрыли стол, и среди того, что подали, был засахаренный миндаль в уксусе. И мы подошли и начали есть миндаль, но один из нас отошел и не стал есть его, и хотя мы заклинали его, он поклялся, что не будет есть миндаль. Мы все же заставили его, и он воскликнул: «Не принуждайте меня, довольно того, что со мной случилось из-за того, что я поел миндаля!» И потом он произнес:

Коль в речи друга что-то ранит слух,

Наверное, тебе не нужен этот друг.

А когда он кончил, мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, почему ты отказываешься есть миндаль?» И он ответил: «Если я уж непременно должен поесть его, то я его поем только после того, как вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком – а всего сто двадцать раз». И тогда хозяин пира приказал своим слугам принести воды и того, что требовал юноша, и тот вымыл руки так, как сказал я, а после того он подошел и сел и протянул руку, как бы испуганный, и с отвращением коснулся миндаля и стал есть, заставляя себя. И мы пришли от этого в крайнее удивление. И рука юноши дрожала, и он выставил большой палец своей руки – и вдруг мы видим: он обрублен и юноша ест четырьмя пальцами.

И мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, что с твоим большим пальцем? Он так и создан Аллахом или его постигло несчастье?» И юноша отвечал: «О братья, таков не один этот большой палец, но и другой, и на обеих ногах тоже. Да вот, посмотрите». И он обнажил большой палец на своей другой руке, и мы увидели, что он такой же, как на правой, и ноги его тоже без больших пальцев. И, увидев, что это так, мы еще больше удивились и сказали ему: «Нам не терпится узнать твою историю, и почему отсечены твои пальцы, и зачем ты вымыл руки сто двадцать раз!»

«Знайте, – сказал тогда юноша, – что мой родитель был купец из богатых купцов Багдада во дни халифа Харуна ар-Рашида. Он страстно любил пить вино и слушать лютню и другие музыкальные инструменты и после смерти не оставил ничего. И я обрядил его, и устроил чтения, и тосковал по нем дни и ночи, а затем я открыл его лавку и увидел, что после него осталось лишь немного, и обнаружил за ним долги. Я уговорил заимодавцев подождать, и смягчил их сердца, и стал торговать от пятницы до пятницы, и отдавал заимодавцам; и таким образом продолжалось некоторое время, пока я не уплатил долги сполна, и я увеличивал свой капитал в течение дней и ночей. И вот однажды, в один из дней, я сижу и вдруг неожиданно вижу молодую женщину, прекрасней которой не видали мои глаза, и на ней украшения и драгоценности, и она едет на муле, и впереди нее раб и сзади раб. И она остановила мула у входа на рынок и вошла, и евнух последовал за ней и сказал: «О госпожа, входи и не дай никому узнать, что ты здесь, – ты разожжешь против нас огонь гнева». И евнух заслонял ее, пока она смотрела

лавки купцов, и она не нашла никого, кто бы уже открыл свою лавку, кроме меня, и подошла, и евнух следом за ней, и села возле моей лавки, и приветствовала меня – и я не слыхивал ничего прекраснее ее слов и нежнее ее речей. А потом она открыла свое лицо, и я увидел, что оно подобно месяцу, и я посмотрел на нее взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу. И я стал еще и еще взглядывать ей в лицо и произнес:

Скажи красавице в узорном покрывале:
«Воистину лишь смерть дарует мне покой.
Свиданье подари, уйми мои печали —
Стою перед тобой с протянутой рукой».

И, услышав эти стихи, она ответила словами поэта:

Предав любовь к тебе, я сердце загублю,
Оно живет тобой, любовь к тебе лелеет.
Коль отвлечется глаз от той, кого люблю,
Пусть больше никогда тебя он не узреет.
Я клятву дал навек любви не изменить,
И сердце от такой любви не уцелеет.
Из чаши чистоты мне довелось испить.
О, если б мы с тобой оттуда вместе пили!
О, если бы мой вздох с твоим соединить,
Молил бы я, чтоб там меня похоронили!
И если имя там мое произнести,
То отзовется прах, закопанный в могиле.
Вы спросите его: «Что хочешь? Возвести!»
«Чтобы она и Бог меня благословили!»

А окончив стихи, она спросила: «О юноша, есть ли у тебя красивые ткани?» И я отвечал: «Госпожа, твой раб беден, но подожди, пока купцы откроют лавки, и я принесу тебе то, что ты хочешь». И затем я стал с нею разговаривать, и погрузился в море влюбленности, и блуждал на путях любви к ней, пока купцы не открыли лавки, и тогда я поднялся и взял для нее все, что она потребовала, а цена за это была пять тысяч дирхемов. И женщина отдала ткани евнуху, и евнух взял их, и они вышли из рынка, и ей подвели мула; и она уехала, не сказав мне, откуда она, а я постыдился заговорить с нею об этом. И купцы обязали меня уплатить, и я принял на себя долг в пять тысяч дирхемов.

И я пришел домой, опьяненный любовью к той женщине; и мне подали ужин, и я съел кусочек – и вспомнил об ее красоте и прелести, и хотел уснуть – но сон не пришел ко мне. И я провел в таком состоянии неделю, и купцы потребовали с меня деньги, но я уговорил их подождать еще неделю; а через неделю она вдруг приехала верхом на муле, и с нею были евнух и два раба. И она приветствовала меня и сказала: «О господин мой, мы задержали плату за ткани! Приведи менялу и получи деньги». И меняла пришел, и евнух выложил деньги, и я не взял их, и разговаривал с ней, пока не открылся рынок. И тогда она сказала: «Купи мне то-то и то-то». И я взял для нее у купцов, что она пожелала, и она забрала это и ушла, не заговорив со мною о деньгах; и когда она ушла, я раскаялся в этом, так как я забрал то, что она потребовала, на тысячу динаров.

И после того как она скрылась из моих глаз, я сказал про себя: «Что это за любовь? Она дала мне пять тысяч дирхемов и взяла вещей на тысячу динаров!» И я почувствовал, что мне не хватит денег для купцов, и сказал: «Купцы-то знают лишь меня одного! Эта женщина

просто плутовка: она ввела меня в обман своей прелестью и красотой и, увидав, что я еще молод, посмеялась надо мной, а я не спросил, где она живет». И я все время беспокоился, и ее отсутствие длилось больше месяца, и купцы требовали с меня и прижимали меня, и я пустил свои земли на продажу и в сердце решил погубить себя.

И однажды я сидел, размышляя, и не успел очнуться, как вижу – она сходит с мула у ворот рынка и входит ко мне. И при виде ее мои заботы рассеялись, и я забыл, что со мной было, а она начала беседовать со мной, ведя прекрасные речи, и сказала: «Приведи менялу и отвесь деньги», – и отдала мне с излишком плату за то, что взяла. А затем она пустилась со мной в разговоры, и я чуть не умер от счастья и радости.

И она спросила у меня: «Есть у тебя жена?» И я ответил: «Нет, я не знаю ни одной женщины», – и заплакал. «Что ты плачешь?» – спросила она, и я отвечал: «Не беда!» А потом я взял несколько динаров и отдал их евнуху и попросил его быть посредником в этом деле. А он засмеялся и сказал: «Она влюблена в тебя больше, чем ты в нее. Ткани, которые у тебя она купила, ей не нужны, и она сделала это только из любви к тебе. Говори с ней, о чем хочешь, – она не будет тебе прекословить в том, что ты скажешь». А женщина видела, как я давал евнуху деньги.

И я вернулся, и сел, и сказал ей: «Будь милостива к твоему рабу и уступи ему в том, о чем он тебя попросит!» И я высказал ей то, что было у меня на душе. И она ответила на мои слова согласием и сказала евнуху: «Ты принесешь ему мое послание»; а мне она сказала: «Сделай так, как скажет тебе евнух». Затем она поднялась и ушла, а я вручил купцам их деньги, и им досталась прибыль, а мне на долю пришлось сожаление о том, что вести о ней прервались; и я не спал всю ночь. Но прошло лишь немного дней, и ко мне пришел евнух, и я оказал ему уважение и спросил его о ней; и он отвечал: «Она больна». – «Расскажи мне о ней», – попросил я евнуха; и он сказал: «Эту девушку воспитала Ситт-Зубейда, жена халифа Харуна ар-Рашида, – она из ее невольниц. Она попросила у своей госпожи разрешения выходить и входить и достигла того, что стала управительницей; а затем она рассказала Ситт про себя и попросила выдать ее за тебя замуж, но Ситт сказала: «Я не сделаю этого, пока не увижу этого юношу; если он на тебя похож, я выдам тебя за него замуж». А сейчас мы хотим отвезти тебя во дворец, и если ты попадешь во дворец, то добьешься брака с нею; если же твое дело раскроется – тебе снесут голову. Что ты на это скажешь?» – «Пойду с тобой», – ответил я, – и вытерплю то, что ты мне рассказал».

И тогда евнух сказал мне: «Когда наступит вечер, пойди в мечеть, помолись и переночуй там, это та мечеть, которую выстроила Ситт-Зубейда на реке Тигр». – «С любовью и охотой», – ответил я. И когда наступил вечер, я пошел в мечеть, помолился там и провел ночь, а ко времени утренней зари вдруг явились два евнуха в челноке, и с ними были пустые сундуки. Они внесли их в мечеть, и один из них удалился, а один остался; и я всмотрелся в него и вдруг вижу: это тот, что был посредником между мною и ею. И через некоторое время к нам пришла та девушка – моя подруга; и когда она явилась, я встал и обнял ее, а она поцеловала меня и заплакала, и мы немного поговорили. А потом она взяла меня, и положила в сундук, и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки, и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу Ситт-Зубейды. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: «Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?»

И я стал плакать, находясь в сундуке, и звать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других. И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, приставленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился от сна, и закричал на девушку, и спросил ее: «Что это такое в этих сундуках?» – «Они полны вещей для Ситт-Зубейды», – ответила она. И евнух сказал: «Открой их один за одним,

чтобы мне взглянуть, что лежит в них!» Но девушка возразила: «Зачем открывать их?» И тогда евнух закричал: «Не тяни, эти сундуки необходимо открыть!» – и поднялся, и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум исчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука; и девушка сказала евнуху: «О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные платья и четыре манна воды Земзема, и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска». – «Бери твои сундуки и уходи», – сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим. И когда они шли, до моих ушей вдруг донесся голос, восклицавший: «Горе, горе! Халиф, халиф!» И, услышав это, я умер живьем и произнес слова, что никогда не повредят тому, кто произнесет их: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Вот беда, которую я сам себе устроил!» И я услышал, как халиф спросил невольницу, мою подругу: «Горе тебе, что у тебя в этих сундуках?» И она отвечала: «У меня в сундуках платья Ситт-Зубейды». А халиф сказал: «Открой их мне!» И, услышав это, я умер окончательно и подумал: «Клянусь Аллахом, этот день – последний в моей земной жизни! Если я останусь цел, то женюсь на ней и никаких разговоров, а если мое дело раскроется, мне отрубят голову! О!» И я стал говорить: «Свидетельствую, нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша начал говорить: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха!»

«И я услышал, – продолжал юноша, – как девушка сказала: «В этих сундуках доверенные мне вещи и одежды для Ситт-Зубейды, и она хочет, чтобы никто их не видел». Но халиф воскликнул: «Я непременно их открою и посмотрю, что в них!» И потом он кликнул евнухов и сказал им: «Подайте мне сундук». И я убедился, что погиб, без всякого сомнения, и лишился чувств. И евнухи стали подносить один сундук за другим, и халиф видел в них благовония, и ткани, и роскошные платья; и сундуки все открывали, а халиф смотрел на бывшие там платья и прочее, пока не остался лишь тот сундук, где был я. И они уже протянули руки, чтобы открыть его, но девушка поспешно подошла к халифу и сказала: «Этот сундук, который перед тобой, мы откроем только при Ситт-Зубейде. Это тот, где находится ее тайна!» И, услышав эти слова, халиф приказал вносить сундуки, и евнухи подошли и унесли меня в сундуке, где я был, и поставили меня посреди комнаты между сундуками (а у меня высохла слюна). И моя подруга выпустила меня и сказала: «Нет для тебя беды и страха; расправь свою грудь, и успокой свое сердце, и посиди, пока не придет Ситт-Зубейда, – быть может, я достанусь тебе на долю».

И я посидел немного и вдруг вижу, приближаются десять невольниц – девы, подобные месяцу, и становятся в два ряда, за ними идут еще двадцать невольниц – высокогрудые девы, и между ними Ситт-Зубейда, и она не может идти – столько на ней платьев и украшений. И когда она пришла, невольницы вокруг нее расступились, а я подошел к ней и поцеловал перед нею землю. И она сделала мне знак сесть. И я сел перед нею, а она принялась меня расспрашивать и осведомилась о моем происхождении, и я ответил ей на ее вопросы: и тогда она обрадовалась и воскликнула: «Наше воспитание не обмануло нас, девушка!»

«Знай, – сказала она мне потом, – что эта девушка у нас вместо дочери, и она – залог Аллаха, вверенный тебе». И я поцеловал перед нею землю, и Ситт-Зубейда согласилась на мой брак с девушкой. И она приказала мне пробыть у них десять дней, и я провел у них это время, не видя девушки, и только одна из прислужниц приносила мне обед и ужин. А после этого срока Ситт-Зубейда посоветовалась с халифом относительно моей женитьбы на ее невольнице, и халиф разрешил и приказал выдать ей десять тысяч динаров. И Ситт-Зубейда послала за свидетелями и судьей, и скрепили мою брачную запись с девушкой, а после этого приготовили сладости и роскошные кушанья и разнесли их по всем помещениям. Так прошло еще десять

дней, а через двадцать дней девушка сходила в баню, и потом подали столик с кушаньями, в числе которых было блюдо засахаренного миндаля в уксусе, политого розовой водой с мускусом, и подрумяненные куриные грудки, и прочее, ошеломляющее ум. И, клянусь Аллахом, я, не откладывая, налег на миндаль и наелся им досыта и вытер руки, но забыл их вымыть, и я сидел до тех пор, пока не наступил мрак; и зажгли свечи, и пришли певички с бубнами, и невесту все время открывали и одаривали золотом, пока она не обошла весь дворец, а после этого ее привели и облегчили от бывших на ней одежд, и я остался с нею наедине в постели, и обнял ее, и не верил, что обладаю ею. Но она почувствовала от моих рук запах миндального кушанья и, почуяв его, издала громкий крик, и невольницы со всех сторон прибежали к ней, а я испугался и не знал, что случилось. И невольницы спросили ее: «Что с тобой, сестрица?» И она отвечала: «Уведите от меня этого сумасшедшего! А я-то думала, что он разумен!» – «В чем же проявилось мое безумие?» – спросил я. И она воскликнула: «Сумасшедший, зачем ты поел миндаля и не вымыл руки? Клянусь Аллахом, я отплачу тебе за твой поступок! Разве может такой, как ты, обладать подобною мне!» И она взяла лежавший рядом с нею витой бич и стала бить меня им по спине и по сиденью, пока я не потерял сознания от множества ударов; а она сказала невольницам: «Возьмите его и отведите к правителю города: пусть отрежут ему руку, которую он не вымыл, поев миндаля!» И, услышав эти слова, я воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха. Мою руку отрежут за то, что я ел миндаль и не вымыл ее!» И невольницы подошли к ней и сказали: «О сестрица, не взъищи с него на этот раз за его поступок!» Но она воскликнула: «Клянусь Аллахом, я непременно отрежу что-нибудь у него на теле!» И она ушла и исчезла на десять дней, так что я ее не видел, а через десять дней она пришла и сказала мне: «О черноликий, я научу тебя, как есть миндаль и не мыть рук!»

И она кликнула невольниц, и они связали мне руки, а девушка взяла острую бритву и отрезала мне большие пальцы, – как вы видите, господа, – и я потерял сознание. А затем она посыпала раны порошком, и кровь остановилась, и я стал говорить: «Если я поем миндаля, то вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком!» И она взяла с меня обещание, что если я стану есть миндаль, то вымою руки так, как я сказал. И когда вы принесли этот миндаль, цвет моего лица изменился, и я про себя подумал: «Из-за этого миндаля мне отрезали большие пальцы». А раз вы меня заставили, то я сказал: «Мне непременно надо исполнить то, в чем я поклялся».

«А что было с тобою после этого?» – спросили присутствующие. И юноша ответил: «Когда я поклялся ей, ее сердце успокоилось, и я проспал с нею. И мы прожили некоторое время, а потом она сказала мне: «Нехорошо, что мы живем во дворце халифа, куда никто не вступал, кроме тебя, да и ты вошел сюда только стараниями Ситт-Зубейды». И она дала мне пятьдесят тысяч динаров и сказала: «Возьми эти деньги, пойди и купи нам просторный дом». И я вышел и купил просторный дом, красивый и вместительный, и она перенесла туда все бывшие у нее в доме ценности и скопленные ею богатства, ткани и редкости. Вот причина того, что мне отрезали большие пальцы».

И мы поели и ушли, а после этого с горбуном случилось то, что случилось, и вот мой рассказ, и больше ничего».

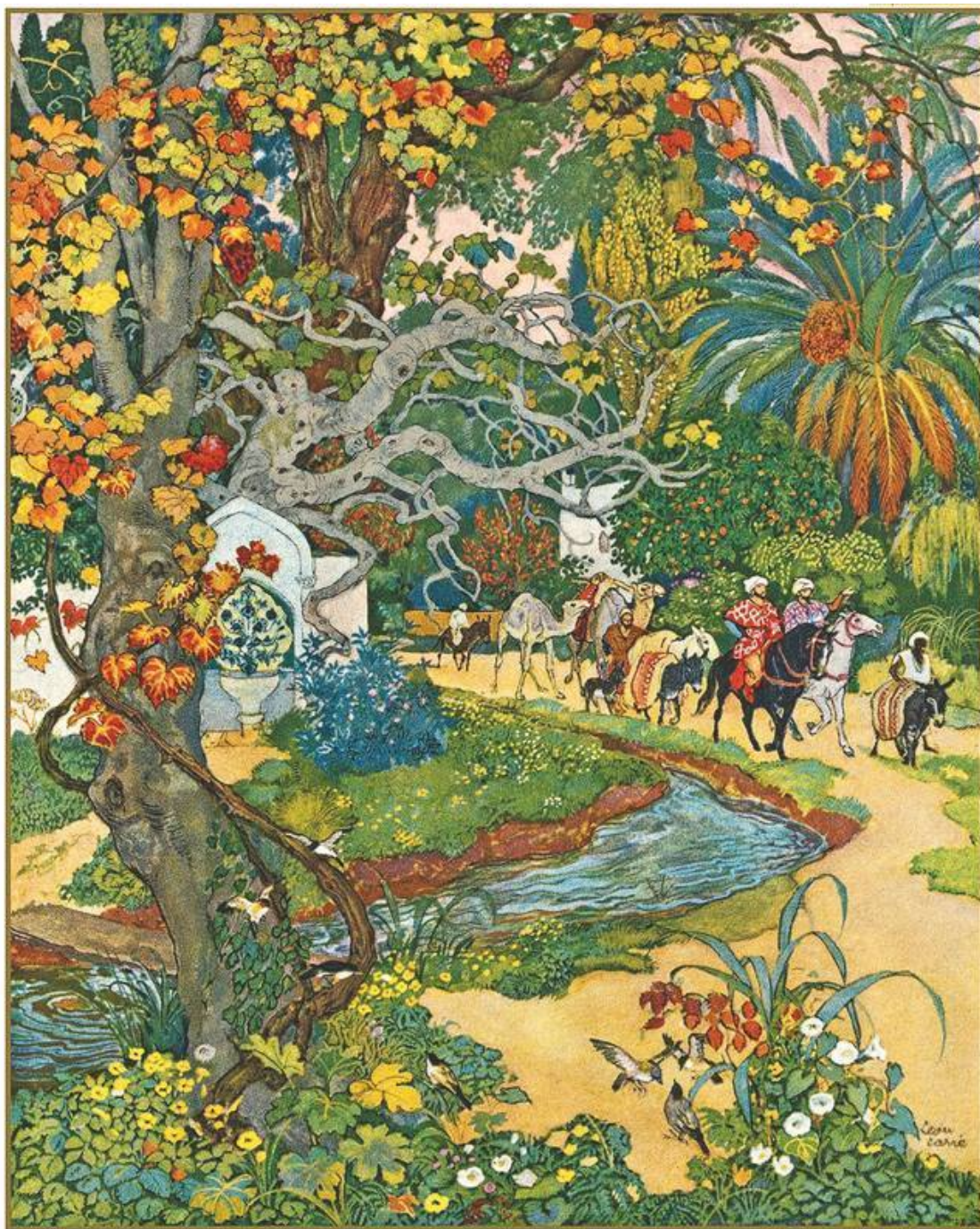
«Это не удивительнее, чем история горбуна; напротив, история горбуна удивительней этого, и всех вас необходимо повесить», – сказал царь. И тогда выступил вперед еврей, поцеловал перед царем землю и молвил: «О царь времени, я расскажу тебе рассказ, более удивительный, чем рассказ о горбуне». – «Подавай, что у тебя есть», – сказал царь Китая. И еврей начал.

Рассказ врача-еврея

«Вот самое удивительное, что случилось со мною в юности. Я был в Дамаске сирийском и учился там; и вот однажды я сижу, и вдруг приходит ко мне невольник из дворца правителя

Дамаска и говорит: «Поговори с моим господином!» И я вышел и пошел с ним в жилище правителя, и, войдя, я увидел на возвышенности под портиком можжевеловое ложе, украшенное золотыми полосками, и на нем лежал больной человек – юноша, невиданно прекрасный в его юности. И я сел у него в головах и помолился о его выздоровлении; и юноша сделал мне знак глазами, а я сказал ему: «О господин, дай мне твою руку, да сохранит тебя Аллах!» И он вынул свою левую руку, а я удивился этому и подумал: «О, диво Аллаха! Это красивый юноша из большого дома, и ему не хватает воспитанности! Вот это удивительно!» И я пощупал ему пульс, и написал для него бумажку, и заходил к нему в течение десяти дней; и он выздоровел, сходил в баню, и помылся, и вышел; и правитель наградил меня прекрасной наградой и назначил меня надзирателем у себя в больнице, что находится в Дамаске. И я пошел в баню вместе с юношей и велел освободить всю баню, и слуги вошли с ним и сняли с него одежды; и когда юноша обнажился, я увидел, что его правая рука недавно отрублена, – и в этом причина его болезни. И, увидав это, я стал удивляться и опечалился за него; а посмотрев на его тело, я увидел на нем следы ударов плетьюми, – и юноша из-за этого употреблял мази. И это взволновало меня, и волнение проявилось у меня на лице; и юноша взглянул на меня, и понял, в чем дело, и сказал мне: «О лучший врач нашего времени, не удивляйся этому. Я расскажу тебе мою историю, когда мы выйдем из бани».

И когда мы вышли из бани, и пришли домой, и съели кушанья, и отдохнули, юноша сказал: «Не хочешь ли ты развлечься на балконе?» – и я отвечал: «Хорошо!» И тогда он велел рабам снести постели наверх и приказал им изжарить ягненка и принести нам плодов; и мы поели, и юноша ел левой рукой. «Расскажи мне твою историю», – сказал я ему.

«О врач нашего времени, — заговорил юноша, — послушай, что случилось со мной. Знай, что я из уроженцев Мосула, и отец моего отца умер и оставил десять сыновей, — и мой отец, о врач, был один из них, и был он старшим. И все они выросли и поженились, и моему отцу достался я, а девять его братьев не имели детей; и я рос и жил среди своих дядей, и они радовались мне великою радостью. И когда я вырос и достиг возраста мужей, я был однажды в соборной мечети Мосула (а был день пятницы, и мой отец находился с нами), и мы совершили пятничную молитву; и весь народ вышел, а мой отец и дяди остались сидеть и беседовали о диковинах разных стран и чудесах городов. И упомянули Каир, и мои дяди сказали: «Путешественники говорят, что нет на земле города прекраснее, чем Каир с его Нилом». И когда я услышал эти слова, мне захотелось в Каир. «Кто не видал Каира — не видал мира, — сказал мой отец. — Его земля — золото, и его Нил — диво; женщины его — гурии, и дома в нем — дворцы,

а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир – это весь мир. А если бы вы видели его сады по вечерам, когда склоняется над ними тень, – продолжал мой отец, – вы поистине увидали бы чудо и склонились бы к нему в восторге».

И они принялись описывать Каир и его Нил, – говорил юноша, – и когда они кончили и я услышал о таких достоинствах Каира, мое сердце осталось там. И, окончив беседу, все поднялись и отправились в свои жилища, и я лег спать в этот вечер, но сон не шел ко мне из-за моего увлечения Каиром, и мне перестали быть приятны пища и питье. И когда прошло немного дней, мои дяди собрались в Египет, а я плакал перед моим отцом, пока он не собрал мне товаров, и я поехал с дядями, и отец сказал им: «Не давайте ему вступить в Каир; пусть он продает свои товары в Дамаске!»

Потом я простился с отцом, и мы отправились и выехали из Мосула и ехали до тех пор, пока не прибыли в Халеб, и, пробыв там несколько дней, мы выехали и достигли Дамаска и увидали, что это город с каналами, деревьями, плодами и птицами, подобный райскому саду, где есть всякие плоды. И мы остановились в одном из ханов, и мои дяди стали продавать и покупать и продали также и мои товары, и каждый дирхем принес мне пять дирхемов, и я обрадовался прибыли. И мои дяди оставили меня и отправились в Египет, а я остался после них в Дамаске и жил в красиво построенном доме, описать который бессилён язык, и плата за него была два динара в месяц. И я проводил время за едой и питьем, пока не израсходовал бывшие со мной деньги. И вот в какой-то из дней я сижу у ворот дома, и вдруг подходит молодая женщина, одетая в роскошнейшее платье, прекраснее которой не видел мой глаз. И я подмигнул ей, и она немедленно оказалась за воротами; и когда она вошла, я вошел с нею и закрыл за ней и за собой дверь, и она откинула с лица покрывало и сняла изар, и я нашел редкостной ее красоту, и любовь к ней овладела моим сердцем. И я встал и принес столик с лучшими кушаньями и плодами и всем, что было нужно для трапезы; и когда я принес это, мы поели и поиграли, а после игр выпили и опьянели, и потом я проспал с нею приятнейшую ночь до утра. И дал я ей десять динаров, но ее лицо омрачилось, и она сдвинула брови, и рассердилась, и воскликнула: «Тьфу вам, мосульцы! Ты как будто думаешь, что я хочу твоих денег!» И она вынула из-за рубахи пятнадцать динаров, и поклялась мне, и воскликнула: «Клянусь Аллахом, если ты не возьмешь их, я к тебе не вернусь!» И я принял от нее деньги, а она сказала: «О любимый, ожидай меня через три дня: между заходом солнца и вечерней молитвой я буду у тебя; приготовь же на эти динары такое же угощение». И она простилась со мною, и мой разум исчез вместе с нею, а когда три дня прошли, она явилась, одетая в парчу, драгоценности и одежды, более великолепные, чем в первый раз. А я приготовил для нас трапезу раньше, чем она пришла, и мы поели и выпили и проспали, как обычно, до утра, и она дала мне пятнадцать динаров и сговорила со мною, что через три дня придет ко мне.

И я приготовил ей трапезу, и спустя несколько дней она явилась в платье, еще более великолепном, чем первое и второе, и спросила: «О господин мой, не красива ли я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – ответил я. И она сказала: «Не позволишь ли ты мне привести с собою девушку лучше меня и моложе, чем я, годами, чтобы она поиграла с нами и посмеялась и развеселилось бы ее сердце. Она давно уже скучает и просилась выйти со мною и провести со мной ночь». И, услышав ее слова, я сказал: «Да, клянусь Аллахом!» И потом мы напились и проспали до утра, и она вынула пятнадцать динаров и сказала: «Прибавь к нашей трапезе что-нибудь для девушки, которая придет со мной», – и затем она ушла. А когда наступил четвертый день, я собрал для нее, как обычно, трапезу, и после заката она вдруг явилась, и с нею какая-то женщина, завернутая в изар. Они вошли и сели.

И я обрадовался, и зажег свечи, и встретил их, радостный и счастливый; а они скинули бывшие на них одежды, и новая девушка открыла свое лицо, и я увидел, что она подобна полной луне, и прекраснее ее я не видывал. И, поднявшись, я подал им еду и питье, и мы

поели и выпили, и я принялся кормить новую девушку и наполнять ее кубок и пить с нею; и первая девушка втайне приревновала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, не прекрасней ли эта девушка, чем я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – отвечал я. И она сказала: «Мне хочется, чтобы ты проспал с нею». – «Слушаю и повинуюсь твоему приказу!» – отвечал я; и она встала и постлала нам, и я пошел к девушке и проспал до утра. И я пошевелился и почувствовал, что я весь мокрый, и подумал, что вспотел, и стал будить девушку и потряс ее за плечи, – и голова ее скатилась с подушки. И разум покинул меня, и я воскликнул: «О благой покровитель, защити!» И, увидев, что она зарезана, я сел (а мир сделался черен в моих глазах) и стал искать свою прежнюю подругу, но не нашел ее и понял, что это она зарезала девушку из ревности ко мне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Как мне поступить?» – воскликнул я; и, подумав немного, я встал, снял с себя одежду и, выкопав посреди комнаты яму, взял девушку вместе с ее драгоценностями и положил в яму и снова прикрыл ее землей и мраморными плитами. Потом я вымылся, надел чистую одежду и, взяв остаток своих денег, вышел из дома, и запер его, и пошел к владельцу дома, и, укрепив свою душу, отдал ему плату за год, и сказал: «Я уезжаю к моим дядям в Каир».

И я поехал в Каир и встретился с моими дядями, и они обрадовались мне, и оказалось, что они уже продали все свои товары. «Почему ты приехал?» – спросили они. И я ответил: «Я соскучился по вас», – и не сказал им, что со мной есть немного денег. И я пробыл с ними год, любуясь на Каир и его Нил, и, наложив руку на оставшиеся у меня деньги, стал тратить их и пить и есть, пока не приблизилось время отъезда моих дядей. И тогда я убежал и спрятался от них, и они искали меня, но не услышали обо мне вестей и сказали: «Он, должно быть, вернулся в Дамаск», – и уехали. А я вышел и жил в Каире три года, пока у меня ничего не осталось из моих денег. А я каждый год посылал хозяину дома плату за него, и через три года моя грудь стеснилась (а у меня оставалась только годовая плата за дом), и тогда я поехал, и прибыл в Дамаск и остановился в этом доме.

И хозяин его обрадовался мне; и я нашел все комнаты запертыми, как и было, и открыл их, и вынес вещи, находившиеся там, и нашел под постелью, на которой я спал в ту ночь с зарезанной девушкой, золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Я взял его, и вытер с него кровь убитой девушки, и посмотрел на него, и немного поплакал, а после этого я прожил два дня и на третий день пошел в баню и переменял одежду. И у меня совсем не было денег. И однажды я пошел на рынок, и дьявол нашептал мне, – в осуществление предопределенного, – и, взяв ожерелье, я отправился на рынок и отдал его посреднику. И он поднялся, и посадил меня рядом с хозяином моего дома, и, обождав, пока рынок оживился, взял ожерелье и стал предлагать его украдкой, без моего ведома. И вдруг оказалось, что ожерелье ценное и принесло две тысячи динаров. И тогда посредник пришел и сказал: «Это ожерелье – медная подделка, изделие франков, и цена за него дошла до тысячи дирхемов». А я отвечал ему: «Да, мы выковали его для одной женщины, чтобы посмеяться над нею. Моя жена получила его в наследство, и мы хотим его продать. Поди получи тысячу дирхемов...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал посреднику: «Получи тысячу дирхемов».

И посредник, услышав это, понял, что дело с ожерельем сомнительное, и пошел к старосте рынка и отдал его ему, а староста отправился к вали и сказал: «Это ожерелье у меня украли, и мы нашли вора, который одет в одежду детей купцов».

И не успел я опомниться, как меня окружили стражники, и забрали, и отвели к вали; и вали спросил меня об этом ожерелье, и я сказал ему то же, что сказал посреднику, и вали засмеялся и воскликнул: «Во всем этом ни слова правды!»

И не успел я опомниться, как меня уже обнажили и стали бить плетьюми по бокам, и удары жгли меня, и я сказал: «Я украл его!» – думая про себя: «Лучше тебе сказать, что украл его. Я не скажу, что обладательницу ожерелья у меня убили, – меня убьют за нее».

И записали, что я украл ожерелье, и мне отрубили руку и прижгли обрубок в масле, и я лишился чувств; но мне дали выпить вина, и я очнулся и, взяв свою руку, пошел домой. И хозяин сказал мне: «Раз с тобой случилось подобное дело, уйди из моего дома и присмотри для себя другое место, так как ты обвинен в воровстве». А я отвечал ему: «О господин мой, потерпи дня два или три, пока я присмотрю себе помещение». – «Хорошо», – сказал он, и ушел, и оставил меня, а я остался сидеть, и плакал, и говорил: «Как я вернусь к родным с отрубленной рукой? Они не знают, что я невиновен! Может быть, Аллах совершит что-нибудь благое». – И я горько заплакал.

И когда хозяин дома ушел от меня, мною овладело великое горе, и я прохворал два дня, а на третий день не успел я очнуться, как явился хозяин дома и с ним несколько стражников и староста рынка, и он утверждал, что я украл ожерелье. И я вышел к ним и спросил их: «Что случилось?» А они, не дав мне срока, связали меня, и накинули мне на шею цепь, и сказали: «Ожерелье, которое было у тебя, отнесли правителю Дамаска, везирию и судье, и они сказали, что это ожерелье пропало у правителя три года назад вместе с его дочерью».

И когда я услышал от них эти слова, у меня упало сердце, и я воскликнул: «Погибла твоя душа, нет сомнения! Клянусь Аллахом, я непременно расскажу правителю мою историю, и, если захочет, он меня убьет, а если захочет – простит меня».

И когда мы пришли к правителю, он велел мне встать перед собою и, увидев меня, посмотрел на меня краем глаза и сказал присутствующим: «Почему вы отрубили ему руку? Это несчастный человек, и нет за ним вины: вы поступили с ним несправедливо, отрубив ему руку». И когда я услышал эти слова, мое сердце окрепло и душа моя успокоилась, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин мой, я совсем не вор! Меня обвинили этим великим обвинением, и побили плетьюми посреди рынка, и принуждали меня сознаться, – и я солгал на себя и признался в краже, хотя и не виновен в ней». И правитель сказал: «Нет за тобой вины!» – а затем он заключил под стражу старосту рынка и сказал ему: «Отдай этому цену его руки, иначе я тебя повешу и возьму все твои деньги!» И он кликнул стражников, и они взяли старосту и уволокли его, а я остался с правителем. Потом сняли с моей шеи цепь с разрешения правителя и развязали мне руки, и правитель посмотрел на меня и сказал: «О дитя мое, будь правдив со мной и расскажи мне, как к тебе попало это ожерелье?»

«О господин мой, я скажу тебе правду», – ответил я и рассказал ему, что случилось у меня с первой девушкой и как она привела ко мне вторую и зарезала ее из ревности, и изложил эту историю целиком. И, услышав это, правитель покачал головой, и ударил правой рукой о левую, и, положив на лицо платок, поплакал немного.

И после этого он подошел ко мне и сказал: «Знай, о дитя мое, что старшая девушка – моя дочь, и я охранял ее с великой заботой, – а когда она стала взрослой, я послал ее в Каир, и она вышла замуж за сына своего дяди, но он умер, и она приехала ко мне. И она научилась мерзостям у жителей Каира и приходила к тебе четыре раза, и потом она привела к тебе свою меньшую сестру, – а обе они родились от одной матери и любили друг друга. И когда со старшей случилось то, что случилось, она открыла свою тайну сестре, и та попросилась пойти с нею. А затем старшая вернулась одна, и я спросил про меньшую и увидел, что старшая плачет о ней; и она тайно сказала своей матери (а я был тут же), что случилось и как она зарезала свою сестру. И она все плакала и говорила: «Клянусь Аллахом, я не перестану плакать о ней, пока не умру!» И так и было. Посмотри же, дитя мое, что произошло! Я хочу, чтобы ты не перечил мне в том, что я тебе скажу: «Я женю тебя на моей меньшей дочке, она не родная сестра тем двум, и она невинна; и я не потребую от тебя приданого и назначу вам от себя содержание, и ты будешь у меня на положении сына».

«Хорошо, – сказал я, – могли ли мы думать!» И правитель тотчас же послал за судьей и свидетелями и написал мою брачную запись, и я вошел к его дочери, а он взял для меня у старосты рынка много денег, и я оказался у него на высочайшем месте. В этом году умер мой отец, и правитель послал от себя гонца, и тот привез мне деньги, которые отец оставил, – и теперь я живу приятнейшей жизнью. Вот причина отсечения правой руки».

И я удивился этому и провел у юноши три дня, и он дал мне много денег, и я уехал от него и прибыл в этот ваш город, и жизнь моя здесь была хороша, и у меня с горбуном случилось то, что случилось».

«Это не более удивительно, чем история горбуна, – сказал царь Китая, – и мне непременно следует вас всех повесить, но остался еще портной, начало всех грехов. Эй, портной, – сказал он, – если ты мне расскажешь что-нибудь более удивительное, чем история горбуна, я подарю вам ваши проступки».

И тогда портной выступил вперед и сказал:

Рассказ портного

«Знай, о царь нашего времени, – вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанья, чтоб мы поели, и вдруг хозяин дома вошел к нам, и с ним юноша-чужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромым. И он вошел к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошел, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть, и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал заклинять его, и спросил: «Почему ты вошел и уходишь?» И юноша отвечал: «Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего ухода в этом злосчастном цирюльнике, что сидит здесь». И, услышав эти слова, хозяин дома пришел в крайнее удивление и сказал: «Как! Этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!» А мы посмотрели на юношу и сказали ему: «Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?»

«О люди, – сказал тогда юноша, – у меня с этим цирюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает, – и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии».

«Заклинаем тебя Аллахом, – сказали мы ему, – расскажи нам твою историю!»

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): «О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шел по переулкам Багдада, и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал, и спрятался в тупике, и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг окно дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево и закрыла окно и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги: и он сошел и вошел в дом, откуда показалась девушка, – и я понял, что это ее отец. Потом я отправился в свое жилище огорченный и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели

вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от нее не укрылось мое состояние. Она села у моего изголовья, и ласково заговорила со мной, и сказала: «О дитя мое, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной». И тогда я рассказал ей свою историю, и она сказала: «О дитя мое, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты ее видел, – ее комната, а у ее отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня, – подтянись же!»

И, услышав ее речь, я укрепил свою душу, и мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был уже здоров. И старуха отправилась, и вернулась с изменившимся лицом, и сказала: «О дитя мое, не спрашивай, что мне было от нее! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: «Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что ты заслуживаешь!» Но я непременно вернусь к ней и другой раз». И когда я услышал это, моя болезнь еще усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: «О дитя мое, я хочу от тебя подарка!» И когда я услышал от нее это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: «Тебе будет всякое благо!» А она сказала: «Вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: «Тетушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?» И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: «О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти». И она спросила (а сердце ее смягчилось): «Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?» И я ответила: «Это мой сын, дитя моего сердца: он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твое лицо, обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает ложа. Он не иначе как умрет, несомненно». И она воскликнула (а лицо ее пожелтело): «И все это из-за меня?» И я отвечала: «Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?» – «Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много

раз больше того, что с ним, – сказала она. – Как будет пятница, пусть он придет к дому перед молитвой, и когда он придет, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернется раньше, чем мой отец придет с молитвы».

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и мое сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: «Успокой свое сердце», – а я молвил: «Во мне не осталось никакого страдания». И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здоровье, а затем я надел свои одежды, и умылся, и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: «Время у тебя еще есть, и если бы ты пошел в баню и снял свои волосы, в особенности после сильной болезни, это было бы хорошо». И я ответил ей: «Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню».

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: «Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров»; и слуга пошел и привел этого зловредного старца. И, войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, и он сказал мне: «Я вижу, ты отощал телом». – А я отвечал: «Я был болен». И тогда он воскликнул: «Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!»

«Да примет Аллах твою молитву!» – сказал я; и цирюльник воскликнул: «Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов ибн Аббаса, – да будет доволен им Аллах! – что пророк говорил: «Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней»; и с его же слов передают, что он говорил: «Кто в пятницу поставит себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней».

«Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрей мне голову, я человек слабый!» – сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его – и вдруг в нем оказалась астролябия с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял ее и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: «Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы – пятницы десятого сафара, года шестисот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра, – прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки исчисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – ты надоел мне и сделал мне хорошее предсказание, а я призвал тебя лишь затем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговоров!» – «Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании расчета по звездам».

И я сказал: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришел ко мне с этими скверными речами». – «Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе еще? – спросил цирюльник. – Аллах послал тебе цирюльника-звездочета, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность;

но я не болтлив и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому Молчальником. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне, – я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это».

И, услышав это от него, я воскликнул: «Ты убьешь меня сегодня, несомненно!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала ночь, дополняющая до тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал цирюльнику: «Ты убьешь меня в сегодняшний день!» И цирюльник ответил: «О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за неразговорчивость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль-Бакбук, второго – аль-Халдар, третьего – Факик, имя четвертого – аль-Куз аль-Асвани, пятого – аль-Фашшар и шестого – Шакашик, а седьмого зовут ас-Самит, – и это я».

«И когда цирюльник продлил свои речи, – говорил юноша, – я почувствовал, что у меня лопается желчный пузырь, и сказал слуге: «Дай ему четверть динара, и пусть он уйдет от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!» Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: «Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, но я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошел к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне: «Отвори мне кровь!» И я взял астролябию, и определил ему высоту, и нашел, что положение звезд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал.

И твой отец пришел в восторг, и кликнул слугу, и сказал ему: «Дай ему сто три динара и одежду!» – и отдал мне все это, а когда пришел благоприятный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: «Ради Аллаха, господин мой, чем вызваны твои слова: «Дай ему сто три динара»?» И он ответил: «Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду – за твою похвалу мне».

«Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!» – воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посланец Аллаха! Слава тому, кто изменяет, но сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: «Подавляющие гнев и прощающие людям», – и ты, во всяком случае, прощен. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Ты не найдешь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил, – так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец».

«Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры, и нет конца твоим речам! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушел от меня!» – воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: «Я понимаю, что тебя охватила из-за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребенок, и еще вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу». – «О брат мой, заклиная тебя Аллахом, потерпи и помолчи, пока мое дело будет сделано, и иди своей дорогой!» – воскликнул я и разорвал на себе одежды. И, увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву, и начал ее точить, и точил ее, пока мой разум едва не покинул

меня, а потом он подошел и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: «О господин, поспешность – от дьявола, а медлительность – от Милосердного!»

«О господин мой, – сказал он еще, – я не думаю, чтобы ты знал мое высокое положение: моя рука падет на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо мне сказал поэт:

Венец достойных этот брадобрей,
Его дела подобны ожерелью,
Он мудрости стал прочной цитаделью,
В его деснице головы царей».

И я воскликнул: «Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и беспокоил мое сердце!» А цирюльник спросил: «Мне кажется, ты торопишься?» – «Да, да, да!» – крикнул я; и тогда он сказал: «Дай себе время; поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то – приветствие и молитва над ним! – лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твое дело внушает сомнение. Я желал бы, чтобы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчет этого, – добавил он, – но желаю знать время наверное, ибо когда мечут слова в неведомое – это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочеты».

И он бросил бритву и, взяв астробию, пошел под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: «До времени молитвы осталось три часа – ни больше, ни меньше».

«Ради Аллаха, замолчи, – воскликнул я, – ты пронзил мою печень!» И цирюльник взял бритву и стал точить ее, как и в первый раз, и обрил мне часть головы, и сказал: «Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о ее причине, это было бы лучше дня тебя: ты ведь знаешь, что твои отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною». И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: «Пришло время молитвы, и я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если задержусь на минуту – не знаю, каким путем войти к ней!»

«Будь краток и оставь эти разговоры и болтовню, – сказал я, – я хочу пойти на пир к одному из моих друзей». И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: «Этот день – день благословенный для меня! Вчера я пригласил нескольких моих приятелей и забыл позаботиться и приготовить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!» – «Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру, – сказал я. – Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь мое дело и поспешишь обрить мне голову».

«Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это», – сказал цирюльник. И я ответил: «У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягненок». – «Принеси это, чтобы мне посмотреть!» – воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И, увидев кушанья, он сказал мне: «Остаются напитки!» – «У меня есть», – отвечал я. И цирюльник воскликнул: «Принеси их!» И я принес их, и он сказал: «Благо тебе! Как благородна твоя душа! Но остаются еще курения и благовония». И я дал ему сверток, где был негд, алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: «Возьми это и обрежь мне всю голову, и заклинаю тебя жизнью Мухаммеда – да благословит его Аллах и да приветствует!» Но цирюльник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!» И я приказал слуге развернуть сверток, и цирюльник выронил из рук астробию, и, сев на землю, стал рассматривать благовония, курения и алоэ, бывшие в свертке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошел, взял бритву и, обрив небольшую часть

моей головы, произнес: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, не знаю, благодарить ли тебя или благодарить твоего отца, так как весь мой сегодняшний пир – это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал, – у меня почтенные господа вроде Зенгута – баневладельца, Салия – зерноторговца, Салита – торговца бобами, Суайда – верблюдника, Сувенда – носильщика, Абу-Мукариша – банщика, Касима – сторожа и Карима – конюха, Икриши – зеленщика, Хумеида – мусорщика, и среди них нет человека надоедливового, буйного, болтливового или тягостного, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучшее в них то, что они, как твои слуга и невольник, не знают многоречивости и болтливости. Владелец бани – тот поет под бубен нечто волшебное, и пляшет, и распевает: «Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!» Зерноторговец показывает умение еще лучшее и пляшет и поет: «О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!» – и у всех отнимает душу, – так над ним смеются. А мусорщик так поет, что останавливает птиц: «Новость у моей жены – точно в большом сундуке», – и он красавец и весельчак. И каждый из них в совершенстве развлекает ум веселым и смешным. Но рассказ – не то что лицезрение, – добавил он, – и если ты предпочтешь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался, на тебе еще следы болезни и, может быть, ты пойдешь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них окажется болтун, и у тебя заболит голова».

«Это будет когда-нибудь в другой день, – ответил я и засмеялся от гневного сердца. – Сделай мое дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям, они ожидают твоею прихода».

«О господин, – сказал цирюльник, – я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с тем, кто спрашивает о том, что его не касается, и веду дружбу лишь с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидал их, ты бы оставил всех своих друзей». – «Да завершит Аллах благодаря им твою радость!»

Я непременно приду к ним в какой-нибудь день», – сказал я. И цирюльник воскликнул: «Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшний день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей – пусть едят и пьют и не ждут меня, – а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. – Иди к твоим друзьям, и веселись с ними, и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут». – «Я не дам тебе пойти одному», – отвечал цирюльник. И я сказал: «Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня». Но цирюльник воскликнул: «Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все люди, и я помогу тебе в том, что ты хочешь; я боюсь, что ты пойдешь к чужой женщине и твоя душа пропадет. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, и наш вали в Багдаде – человек строгий, почтенный».

«Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!» – воскликнул я. И цирюльник сказал: «О глупец; ты думаешь: «как ему не стыдно!» – и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам».

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слова цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: «Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты вернешься, и ты пойдешь со мною».

И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдет от меня, но он сказал: «Ты меня обманываешь и пойдешь один и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твое дело». – «Хорошо, не заставляй меня ждать», – сказал я; и этот проклятый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушел от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнес их в его дом, а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку), и надел свои одежды, и вышел один, и пришел в тот переулок, и встал возле дома, в котором я увидел девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждет меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошел туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился в свое жилище с молитвы, и вошел в дом, и запер ворота. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник – проклятие Аллаха над ним! – сидит у ворот. «Откуда этот черт узнал про меня?» – подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел лишить меня своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал ее бить, и она закричала, и его раб вошел, чтобы выручить ее, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьет меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землею, и стал вопить и взывать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: «Убили моего господина в доме кади!»

Потом он пошел, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: «Увы, наш господин!» А этот цирюльник идет впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а народ следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: «Увы, убитый! Увы, убитый!» – и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: «Посмотри, что случилось». И слуга вышел, и вернулся к своему господину, и сказал: «Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: «Увы, убитый!» – и показывают на наш дом». И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался, и, поднявшись, вышел и открыл ворота. И он увидел большую толпу, и оторопел, и спросил: «О люди, в чем дело?» И мои слуги закричали ему: «О проклятый, о собака, о свинья, ты убил нашего господина!» И кади спросил: «О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кади спросил: «Что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами». И цирюльник сказал ему: «Ты сейчас бил его плетью, и я слышал его вопли». – «Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввел в мой дом, и куда, и откуда?» – спросил кади. И цирюльник воскликнул: «Не будь скверным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельства. Твоя дочь любит его, и он любит ее, и когда ты узнал, что он вошел в твой дом, ты приказал твоим слугам, и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен».

И кади ответил (а он говорил словно взнузданный, и его окутал стыд перед людьми): «Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его».

И цирюльник одним прыжком вошел в дом; и, увидев, что он вошел, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашел его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился, большой сундук. И я влез туда, и закрыл над собой крышку, и задержал дыхание. А цирюльник вошел в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте,

и, повернувшись направо и налево, подошел к сундуку, где я был, и понес его на голове, – и все мое мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошел; и, поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук и выбросился на землю и сломал себе ногу. И ворота распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это, – и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото, и занялись им, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: «Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты еще хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив».

«Мало тебе того, что случилось, – ты еще бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!» – воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошел в хан, находившийся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе: «Я уже не могу расстаться с этим проклятым цирюльником, и он будет со мною и днем и ночью, а у меня нет духу видеть его лицо!»

И я тотчас же послал за свидетелями, и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и назначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришел к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почетном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?»

И после этого юноша отказался есть; и, слышав его историю, мы спросили цирюльника: «Правда ли то, что говорит про тебе этот юноша?» И он отвечал: «Клянусь Аллахом, я сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы не я, он бы, наверное, погиб. Причина его спасения – только во мне, и хорошо еще, что пострадала его нога, но не пострадала его жизнь. Будь я многоречив, я бы не сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мне болтливости в отличие от моих шести братьев».

Рассказ цирюльника о самом себе

«Я был в Багдаде во времена аль-Мустансира биллаха, сына аль-Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А он любил бедняков и нуждающихся и сживал с учеными праведниками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в день праздника (а это были воры, грабящие на дорогах). И правитель города выехал, и схватил их, и сел с ними в лодку; и я подумал: «Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю проводят день в этой лодке за едой и питьем. Никто не разделит их трапезы, если не я!» И я поднялся, о люди, по великому мужеству и степенности моего ума, и, сойдя в лодку, присоединился к ним, и они переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями и накинули их на шеи воров, и мне на шею тоже набросили цепь, – и не от мужества ли моего это случилось, о люди, и моей неразговорчивости, из-за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли

за цепи и поставили перед аль-Мустансиром биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошел к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови, и обнажил меч, и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмотрел и спросил палача: «Почему ты снес голову девяти?» И палач воскликнул: «Аллах спаси! Чтобы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!» Но халиф сказал: «Я думаю, ты снес голову только девяти, а вот этот, что перед тобой, – это десятый». – «Клянусь твоей милостью, – ответил палач, – их десять!»

«И их пересчитали, – говорил цирюльник, – и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: «Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговоренными и какова причина этого? Ты уже старик, но ума у тебя мало». И, услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: «Знай, о повелитель правоверных, что я – старец молчаливый, и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разума и молчаливости, то им нет предела, а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десятерых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними, и сошел с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как появились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил, – и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе, – и это не что иное, как великое мужество, из-за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее, а они платят мне самой ужасной отплатой».

И когда халиф услышал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов, – он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: «О Молчаливый, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливы?» – «Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! – отвечал я. – Ты обидел меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из-за своей болтливости и малого мужества каждый из них стал калекой: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвертого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой – горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из-за которой он сделался калекой, и я расскажу их все тебе».

Рассказ о первом брате цирюльника

«Знай, о повелитель правоверных, что первый из них (а это горбун) был по ремеслу портным в Багдаде, и он шил в лавке, которую нанял у одного богатого человека. А этот человек жил над лавкой, и внизу его дома была мельница. И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял голову, и увидал в окне дома женщину, подобную восходящей луне, которая смотрела на людей. И когда мой брат увидел ее, любовь к ней привязалась к его сердцу, и весь этот день он все смотрел на нее и прекратил шитье до вечерней поры. Когда же настал следующий день, он открыл свою лавку в утреннюю пору и сел шить, и, вдевая иголку, он всякий раз смотрел в окно. И он опять увидел ту женщину, и его любовь к ней и увлечение ею увеличились. Когда же наступил третий день, он сел на свое место и смотрел на нее, и женщина увидела его и поняла, что он стал пленником любви к ней. Она улыбнулась, и он улыбнулся ей, а затем она скрылась от него и послала к нему свою невольницу и с нею узелок с красной шелковой материей. И невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа велит передать тебе привет и говорит: «Скрой нам, сделай милость, рубашку из этой материи и шей ее хорошо!» И он отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом он скроил ей одежду и кончил шить ее в тот же день, а

когда настал следующий день, невольница спозаранку пришла к нему и сказала: «Моя госпожа приветствует тебя и спрашивает, как ты провел вчерашнюю ночь? Она не вкусила сна, так ее сердце было занято тобою». И затем она положила перед ним кусок желтого атласа и сказала: «Моя госпожа говорит тебе, чтобы ты скроил ей из этого куска две пары шальвар и сшил их в сегодняшний день». И мой брат отвечал: «Слушаюсь и повинуюсь! Передай ей много приветов и скажи ей: «Твой раб послушен твоему повелению, приказывай же ему, что хочешь».

И он принялся кроить и старательно шил шальвары, а через некоторое время она показала ему из окна и приветствовала его знаками, то закрывая глаза, то улыбаясь ему в лицо; и он подумал, что добьется ее. А потом она от него скрылась, и невольница пришла к нему, и он отдал ей обе пары шальвар, и она взяла их и ушла; и когда настала ночь, он бросился на постель и провел ночь до утра, ворочаясь. А утром он встал и сел на свое место, и невольница пришла к нему и сказала: «Мой господин зовет тебя». И, услышав это, он почувствовал великий страх, а невольница, заметив, что он испуган, сказала: «С тобой не будет беды, а только одно добро! Моя госпожа сделала так, что ты познакомишься с моим господином». И этот человек очень обрадовался и пошел с невольницей, и, войдя к ее господину, мужу госпожи, поцеловал перед ним землю, и тот ответил на его приветствие, и дал ему много тканей, и сказал: «Скрой мне и сшей из этого рубашки». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и кроил до тех пор, пока не скроил до вечера двадцать рубашек; и он весь день не попробовал кушанья. И хозяин спросил его: «Какая будет за это плата?» А он отвечал: «Двадцать дирхемов». И тогда муж женщины крикнул невольнице: «Поддай двадцать дирхемов!» И мой брат ничего не сказал. А женщина сделала ему знак, означавший: не бери от него ничего! И мой брат воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя!» – и, взяв шитье, вышел вон. А мой брат нуждался в каждом фельсе, и он провел три дня, съедая и выпивая лишь немного, – так он старался шить эти рубашки. И невольница пришла и спросила: «Все сделал?» И он отвечал: «Готово!» – и взял одежду, и принес ее к ним, и отдал мужу женщины, и тотчас же ушел. А женщина осведомила своего мужа о состоянии моего брата (а мой брат не знал этого), и они с мужем сговорились воспользоваться моим братом для шитья даром и посмеяться над ним. И едва настало утро, он пришел в лавку, и невольница явилась к нему и сказала: «Поговори с моим господином!» И он отправился с нею, а когда он пришел к мужу женщины, тот сказал: «Я хочу, чтобы ты скроил мне пять фарджий!» И мой брат скроил их и, взяв работу с собою, ушел. Потом он сшил эти фарджии и принес их мужу женщины, и тот одобрил его шитье и приказал подать кошель с дирхемами; и мой брат протянул уже руку, но женщина сделала из-за спины своего мужа знак: не бери ничего! Мой брат сказал этому человеку: «Не торопись, господин, времени довольно!» – и вышел от него и был униженнее осла, так как против него соединилось пять вещей: любовь, нищета, голод, нагота и усталость, а он только терпел. И когда мой брат сделал для них все дела, они потом схитрили и женили его на своей невольнице, а в ту ночь, когда он хотел войти к ней, ему сказали: «Переночуй до завтра на мельнице, будет хорошо!»

Мой брат подумал, что это правда так, и провел ночь на мельнице один, а муж женщины пошел и подговорил против него мельника, чтобы он заставил его вертеть на мельнице жернов.

И мельник вошел к моему брату в полночь и стал говорить: «Этот бык бездельничает и больше не вертит жернов ночью, а пшеницы у нас много». И он спустился в мельницу, и, наполнив насып пшеницей, подошел к моему брату с веревкой в руке, и привязал его за шею, и крикнул: «Живо, верти жернов, ты умеешь только есть, гадить и отливать!» – и взял бич и стал бить моего брата, а тот плакал и кричал, но не нашел для себя помощника и перемалывал пшеницу почти до утра.

И тогда пришел хозяин дома и, увидев моего брата привязанным к палке, ушел, а невольница пришла к нему рано утром и сказала: «Мне тяжело то, что с тобой случилось. Мы с моей госпожой несем на себе твою заботу». Но у моего брата не было языка, чтобы ответить, из-за сильных побоев и усталости.

После этого мой брат отправился в свое жилище, и вдруг приходит к нему тот писец, что написал его брачную запись, и приветствует его, и говорит: «Да продлит Аллах твою жизнь! Таково бывает лицо наслаждений, нежности и объятий от вечера до утра!» – «Да не приветствует Аллах лжеца! – воскликнул мой брат. – О тысячу раз рогатый, клянусь Аллахом, я пришел лишь для того, чтобы молоть до утра вместо быка!»

«Расскажи мне твою историю», – сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «Твоя звезда не согласуется с ее звездой, но если хочешь, я переменю тебе эту запись». – «Посмотри, не осталось ли у тебя другой хитрости!» – ответил мой брат, и оставил писца, и ушел на свое место, ожидая, не принесет ли кто-нибудь работы ему на пропитание. Но вдруг приходит к нему невольница и говорит: «Поговори с моей госпожой!» – «Ступай, о дочь дозволенного, нет у меня дел с твоей госпожой!» – сказал мой брат; и невольница пошла и сообщила об этом своей госпоже. И не успел мой брат опомниться, как та уже выглянула из окна и, плача, воскликнула: «Почему, мой любимый, у нас нет с тобой больше дел?»

Но он не ответил ей, и она стала ему клясться, что все, что случилось с ним на мельнице, произошло не по ее воле и что она в этом деле не виновата; и когда мой брат взглянул на ее красоту и прелесть и услышал ее сладкие речи, то, что с ним было, покинуло его, и он принял ее извинения и обрадовался, что видит ее. И он поздоровался, и поговорил с нею, и просидел некоторое время за шитьем, а после этого невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе, что ее муж сказал, что он сегодня ночует у своих друзей, и когда он туда уйдет, ты будешь у нас и проспишь с моей госпожой сладостную ночь до утра».

А муж женщины сказал ей: «Что сделать, чтобы отвратить его от тебя?» И она ответила: «Дай я придумаю для него другую хитрость и ослаблю его в этом городе». (А мой брат ничего не знал о кознях женщин.)

И когда наступил вечер, невольница пришла к нему и, взяв моего брата, воротилась с ним, и та женщина, увидав моего брата, воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин мой, я очень стосковалась по тебе!» – «Ради Аллаха, скорее поцелуй, прежде всего!» – сказал мой брат. И едва он закончил эти слова, как явился муж женщины из соседней комнаты и крикнул моему брату: «Клянусь Аллахом, я расстанусь с тобой только у начальника охраны!» И мой брат стал умолять его, а он его не слушал, но повел его к вали, и вали приказал побить его бичами и, посадив на верблюда, возить его по городу. И люди кричали о нем: «Вот воздаяние тому, кто врывается в чужой гарем!» И его выгнали из города, и он вышел и не знал, куда направиться; и я испугался, и догнал его, и обязался содержать его, и привел его назад, и позволил ему жить у меня до сей поры».

И халиф рассмеялся от моих речей и сказал: «Отлично, о Молчальник, о немногоречивый!» – и велел выдать мне награду, чтобы я ушел. Но я воскликнул: «Я ничего не приму от тебя раньше, чем не расскажу, что случилось с остальными моими братьями, но не думай, что я много разговариваю».

Рассказ о втором брате цирюльника

«Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Халдара звали Бакбак, и это расслабленный. В один из дней случилось ему идти по своим делам, и вдруг встречает его старуха и говорит ему: «О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха». И мой брат остановился, и она сказала: «Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи». – «Подавай свой рассказ», – ответил мой брат. И старуха спросила: «Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро».

И мой брат, услышав ее слова, спросил: «О госпожа, а почему ты направилась с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?» И она отвечала моему брату: «Я сказала тебе – не будь многоречив! Молчи, и пойдем со мною». И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: «Кто это привел тебя сюда?» А старуха сказала: «Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца, – это рабочий, и он нам нужен». Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись, и приветствовали моего брата, и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услышал большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная луне в ночь полнолуния. И мой брат устремил на нее взор, и поднялся на ноги, и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: «Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?» – «О госпожа моя, все добро – во мне!» – отвечал мой брат. И она приказала – и им подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на нее, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеясь над ним. И она выказывала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одолевшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достигнуть желаемого.

И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и, взяв кубок из ее рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: «На здоровье!» – и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И, увидя от нее это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: «Я ничего не видала лучше этого!» И старуха восклицала: «Да, заклинаю тебя, о госпожа моя!»

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: «Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь». – «До каких пор мне терпеть? Я уже обеспамятел от подзатыльников», – сказал мой брат; и старуха ответила: «Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого». И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы, до последней, поднялись, и девушка приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали: а потом она сказала: «Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошел в мой дом и исполнил мое условие, а всех, кто мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого». – «О госпожа, – отвечал ей мой брат, – я твой раб и в твоих руках»; и она сказала: «Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает, что хочет». И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: «Возьми твоего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне».

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: «Потерпи, потерпи, осталось недолго!» И лицо моего брата просветлело, и он подошел к девушке (а старуха все говорила: «Потерпи, ты уже достиг желаемого») и спросил старуху: «Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?» И старуха сказала: «Тут нет ничего, кроме добра! Я – выкуп за тебя! Она хочет выкрасить тебе брови и срезать усы!» – «Краска на бровях сойдет от мытья, – сказал мой брат, – а вот сбрить усы – это уже больно!» – «Берегись ей

перечить, – отвечала старуха, – ее сердце привязалось к тебе». И мой брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и сбривали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: «Остается еще одна вещь – сбрей ему бороду, чтобы он стал безволосым».

И невольница пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела ее госпожа, и мой дурак брат спросил: «А что мне делать с позором перед людьми?» И старуха ответила: «Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды, и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В ее сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого».

И мой брат вытерпел, и подчинился невольнице, и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается – он с накрашенными бровями, обрезанными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: «О господин мой, ты покори меня этими прекрасными чертами!» И она стала заклинать его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал: и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в комнате подушки, которою бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев и затрецин.

И старуха сказала ему: «Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось еще только одно, а именно: у нее в обычае, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется обнаженной. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою».

«Сними с себя одежду», – сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье, не видя ничего кругом, и остался нагим...»

И Шахразад упустила утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника, когда старуха сказала ему: «Сними с себя одежду», – поднялся, не видя ничего кругом, и снял с себя одежду, и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: «Вставай теперь и беги, и я тоже побегу, – и тоже разделась и воскликнула: – Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!» И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбегала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вел себя точно бесноватый. И она вбежала впереди него в темное помещение, и мой брат тоже за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И, увидев моего брата в таком виде – нагого, с поднявшимся зеббом, с бритой бородой и бровями и с красным лицом, торговцы закричали на него, и захлопали в ладоши, и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: «Кто это?» И они сказали: «Он упал к нам из дома везирия в таком виде». И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по спине и выгнал из Багдада; и я вышел, и догнал его, и провел его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не мое великодушие, я бы не стал терпеть подобного ему».

Рассказ о третьем брате цирюльника

«А что касается моего третьего брата, то его имя Фаик, и он слепой. Судьба и предопределение привели его однажды к большому дому, и он постучал в ворота, надеясь, что владелец дома заговорит с ним и он попросит у него что-нибудь. И владелец дома спросил: «Кто у ворот?» – но никто ему не ответил, и мой брат услышал, как он опять спросил громким голосом:

«Кто это?» Но мой брат не ответил ему и услышал, что он пошел, и дошел до ворот, и открыл их, и спросил моего брата: «Что ты хочешь?» – «Что-нибудь, ради Аллаха великого!» – сказал мой брат; и хозяин дома спросил: «Ты слепой?» – «Да», – отвечал мой брат; и тогда хозяин дома сказал ему: «Поддай мне руку», – и брат подал ему руку, думая, что хозяин дома что-нибудь даст ему, а тот взял его руку и повел его по лестнице, пока не довел до самой верхней крыши, а мой брат предполагал, что он чем-нибудь его накормит и даст ему что-нибудь.

И, дойдя до конца, хозяин дома спросил моего брата: «Что ты хочешь, слепец?» И мой брат отвечал: «Хочу чего-нибудь ради Аллаха великого». – «Пошли тебе Аллах!» – сказал хозяин дома; и тогда мой брат воскликнул: «Эй ты, почему ты не сказал мне этого внизу?» А хозяин дома отвечал: «О подлец, а ты почему не заговорил со мной сразу?» – «А сейчас что ты хочешь со мною сделать?» – спросил его мой брат. «У меня ничего нет, чтобы дать тебе», – отвечал он; и мой брат сказал: «Спустись со мною по лестницам». – «Дорога перед тобою», – сказал хозяин дома. И мой брат пошел и до тех пор спускался, пока между ним и воротами не осталось двадцати ступенек, но он оступился, упал к воротам и раскрыл себе голову. И он вышел, не зная, куда направиться, и его догнали несколько его товарищей, слепых, и спросили: «Что досталось тебе в сегодняшний день?» И он рассказал им, что с ним произошло, а потом сказал: «О братья, я хочу взять немного из тех денег, что у меня остались, и истратить их на себя».

А владелец дома следовал за ним и слышал его слова, но мой брат и его товарищи не знали об этом человеке. И мой брат пришел к своему дому и вошел туда, и человек вошел вслед за ним (а брат не знал этого), и мой брат сел, ожидая своих товарищей. И когда они вошли, он сказал им: «Заприте дверь и обыщите дом, чтобы не последовал за нами кто-нибудь чужой». И, услышав слова моего брата, тот человек встал и подтянулся на веревке, свисавшей с потолка, а они обошли весь дом и никого не нашли. А потом они вернулись и сели рядом с моим братом и, вынув бывшие у них деньги, сосчитали их, и вдруг их оказалось двенадцать тысяч дирхемов!

И они оставили деньги в углу комнаты, и каждый из них взял себе, сколько ему было нужно, а остаток денег они бросили на землю, а потом они поставили перед собой кое-какую еду и сели есть.

И брат услышал подле себя незнакомое жевание и сказал своим товарищам: «С нами чужой!» – и протянул руку, и его рука уцепилась за руку того человека – владельца дома. И они напали на него с побоями, а когда им надоело его бить, они принялись кричать: «О мусульмане, к нам вошел вор и хочет взять наши деньги!»

И около них собралось много народу, и тот человек подошел, и привязался к ним, и стал обвинять их в том же, в чем они обвиняли его, и зажмурил глаза, так что стал как будто слепым, как они, и никто не усомнился в этом. И он принялся кричать: «О мусульмане, я взываю к Аллаху и султану и прибегаю к Аллаху и к вали за советом!» И не успел он опомниться, как их всех окружили, и с ними моего брата, и погнали к дому вали.

И вали велел привести их к себе и спросил: «В чем ваше дело?» И этот человек сказал: «Смотри, но для тебя ничего не станет ясно без пытки! Начни с меня первого и попытай меня, а потом вот этого, моего поводыря», – и он указал рукой на моего брата. И того человека протянули и побили четырьмя сотнями палок по заду, и побои причинили ему боль, и он открыл один глаз, а когда ему прибавили ударов, он открыл и второй глаз.

И вали спросил его: «Что это за дела, о проклятый?» И он отвечал: «Дай мне перстень пощады! Мы четверо притворяемся слепыми, и обманываем людей, и входим в дома, и смотрим на женщин, и стараемся их погубить. У нас скопилась большая нажива – двенадцать тысяч дирхемов, и я сказал своим товарищам: «Дайте мне то, что мне следует, – три тысячи дирхемов», – а они побили меня и взяли мои деньги. И я прошу защиты у Аллаха и у тебя. Я имею больше всех права на мою долю, и мне хочется, чтобы ты узнал истинность моих слов. Побей каждого из них сильнее, чем ты бил меня, и они откроют глаза».

И тогда вали велел их пытаться и начал прежде всего с моего брата, и его привязали к лестнице, и вали сказал ему: «О негодяи, вы отрицаете милость Аллаха и утверждаете, что вы слепы!» – «Аллах, Аллах! – воскликнул мой брат. – Клянусь Аллахом, нет среди нас зрячего!» И его били, пока он не обеспамятел; и вали сказал: «Оставьте его, пусть он очнется, и побейте его снова, второй раз». А потом он велел дать каждому из его товарищей больше чем по триста палок, и зрячий говорил им: «Откройте глаза, а не то вас еще будут бить!» А затем этот человек сказал вали: «Пошли со мною кого-нибудь, кто принесет тебе деньги; эти люди не откроют глаз: они боятся позора перед людьми». И вали послал, и взял деньги, и дал из них этому человеку три тысячи дирхемов – его долю, как он утверждал, и взял остальное, и он выгнал троих слепцов из города.

И я вышел, о повелитель правоверных, и догнал моего брата, и спросил о его положении, и он рассказал мне то, о чем я тебе говорил, и я тайно ввел его в город и украдкой стал выдавать ему что есть и пить».

И халиф засмеялся, услышав мой рассказ, и сказал: «Дайте ему награду, и пусть он уйдет!» Но я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму ничего, пока не изложу повелителю правоверных, что случилось с моими братьями! Я ведь мало говорю».

Рассказ о четвертом брате цирюльника

«А что до моего четвертого брата, о повелитель правоверных, – продолжал я, – (а это кривой) то он был мясником в Багдаде, и продавал мясо, и выращивал баранов, и к нему шли покупать мясо вельможи и люди состоятельные. И он нажил на этом большие деньги, и приобрел выючных животных и дома, и провел таким образом долгое время. И однажды, в один из дней, он был у своей лавки, и вдруг подле нее остановился старик с большой бородой, и подал ему несколько дирхемов, и сказал: «Дай мне на это мясо», – и, отдав деньги, ушел (а мой брат дал ему мяса). И он посмотрел на серебро старика и увидел, что его дирхемы белые и блестящие, и отложил их отдельно в сторону.

И старик продолжал ходить к нему пять месяцев, и мой брат бросал его дирхемы отдельно в сундук, но потом он пожелал их вынуть и купить на них баранов и открыл сундук, но увидел, что все, что есть в нем, – белая нарезанная бумага.

И мой брат принялся бить себя по лицу и кричать: и народ собрался вокруг него, и он рассказал свою историю, и все удивились ей. А потом мой брат, как обычно, зарезал барана и повесил его перед лавкой и стал говорить: «Аллах! Если бы пришел этот скверный старец!» И не прошло минуты, как старик подошел со своим серебром, и тогда мой брат встал, и вцепился в него, и принялся вопить: «О мусульмане, ко мне! Послушайте мою историю с этим нечестивым!»

И, услышав его слова, старец спросил: «Что тебе приятнее: отстать от меня или чтобы я тебя опозорил перед людьми?» – «А чем ты меня опозоришь?» – спросил брат. «Тем, что ты продаешь человеческое мясо за баранину», – отвечал старик. «Ты лжешь, проклятый! А если дело обстоит так, как ты сказал, мои деньги и моя кровь тебе дозволены», – отвечал мой брат. И тогда старик сказал: «О люди, если хотите подтверждения моим словам и моей правдивости – войдите в лавку». И люди ринулись в лавку моего брата и увидели, что тот баран превратился в повешенного человека; и, увидав это, они вцепились в моего брата и закричали: «О неверный, о нечестивый!» И самый близкий ему человек колотил его, и бил по лицу, и говорил: «Ты кормишь нас мясом сынов Адама!» – а старец ударил его по глазу и выбил его.

И люди понесли этого зарезанного к начальнику охраны, и старец сказал ему: «О эмир, этот человек режет людей, продает их мясо как мясо баранов, и мы привели его к тебе. Соверши же правосудие Аллаха, великого, славного!» И мой брат защищался, но начальник

не стал его слушать и велел дать ему пятьсот ударов палками, и у него взяли все деньги – а если бы не деньги, его бы, наверное, убили.

И мой брат поднялся, и пошел наобум, и вошел в большой город; он подумал: «Хорошо бы сделаться башмачником», – и он открыл лавку и сидел, работая, чтобы прокормиться. И в один из дней он вышел по делу, и услышал топот коней, и спросил об этом, и ему сказали: «Это царь выезжает на охоту и ловлю». И мой брат стал смотреть на красоту царя, а взор царя встретился со взором моего брата, – и царь опустил голову и сказал: «К Аллаху прибегаю от зла этого дня!» – и повернул поводья своей лошади и воротился; и все слуги тоже воротились. А потом царь приказал слугам, и они догнали моего брата и больно побили его, так что он едва не умер. И мой брат не знал, в чем причина этого, и вернулся в свое жилище не в себе. И после этого он пошел к одному человеку из слуг царя и рассказал ему, что с ним случилось, и тот так засмеялся, что едва не упал, и сказал ему: «О брат мой, знай, что царь не в состоянии смотреть на кривого, в особенности если он крив на правый глаз; он его не отпустит живым».

Услышав такие слова, мой брат решил бежать из этого города, и поднялся, и вышел из него, и переправился в другую местность, где никого не было, кто бы знал его, и провел там долгое время. А после этого мой брат стал размышлять о своем деле. И однажды он вышел прогуляться, и услышал за собою топот коней, и сказал: «Пришло веление Аллаха!» И он стал искать места, где бы скрыться, но не нашел, и посмотрел – и вдруг видит: закрытая дверь. И он толкнул эту дверь, и она упала, и мой брат вошел, и увидел длинный проход, и вошел туда. И не успел он опомниться, как двое людей вцепились в него, и они сказали моему брату: «Слава Аллаху, который отдал тебя нам во власть! О враг Аллаха, вот уже три ночи, как ты не даешь нам спать и нам нет покоя, и ты заставил нас вкусить смерть!» – «О люди, в чем ваше дело?» – спросил мой брат; и они сказали: «Ты обманываешь нас и хочешь нас опозорить! Ты придумываешь хитрости и хочешь зарезать хозяина дома! Мало было тебе и твоим пособникам разорить его! Но вынь нож, которым ты каждую ночь грозишь нам!» И они обыскали его и нашли у него за поясом нож; и мой брат сказал им: «О люди, побойтесь Аллаха! Знайте, что моя история удивительна». – «А какова твоя история?» – спросили они. И он рассказал свою историю, желая, чтобы его отпустили. И они не стали слушать моего брата, и не обратили внимания на его слова, и разорвали его одежду, и нашли на нем следы ударов плетью, и сказали: «О проклятый, вот следы ударов!» И потом моего брата привели к вали, и мой брат сказал про себя: «Я попался за мои грехи, и никто не освободит меня, если не Аллах великий». И вали спросил моего брата: «О несчастный, что побудило тебя на это дело? Ты вошел в дом для убийства!» И мой брат воскликнул: «Ради Аллаха прошу тебя, о вали, выслушай мои слова и не торопись со мною!» Но вали сказал: «Станем мы слушать слова вора, у которого на спине следы побоев! С тобой сделали такое дело не иначе как за большой грех», – прибавил вали и велел дать моему брату сто ударов; и моего брата побили сотнею ударов, и посадили на верблюда, и кричали о нем: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто врывается в чужие дома!»

И вали приказал выгнать его из города, и мой брат пошел наобум, и, услышав об этом, я пошел к нему и расспросил его, и он рассказал мне свою историю и то, что с ним случилось, и я все время ходил с ним кругом города, пока о нем кричали, а когда его выпустили, я пришел к нему, и взял его тайно, и привел в город, и стал выдавать ему что есть и что пить».

Рассказ о пятом брате цирюльника

«А что касается моего пятого брата, то у него были отрезаны уши, о повелитель правых, и был он человек бедный и прост у людей по вечерам, а днем тратил выпрошенное. А отец наш был дряхлый старик, и он умер и оставил нам семьсот дирхемов; и каждый из нас взял по сто дирхемов. И мой пятый брат, взяв свою долю, растерялся и не знал, что с нею делать; и когда он так раздумывал, вдруг пришло ему на ум купить на эти деньги всякого рода

стеклянной посуды и извлечь из нее пользу. И он купил на сто дирхемов стекла, поставил его на большой поднос и сел в одном месте продавать его. А рядом с ним была стена, и он прислонился к ней спиной и сидел, размышляя о самом себе.

И он думал: «Моих денег в этом стекле – сто дирхемов, а я продам его за двести дирхемов, и затем куплю на двести дирхемов стекла, и продам его за четыреста дирхемов, и буду торговать, пока у меня не окажется много денег. И я куплю на них всяких товаров, драгоценностей и благовоний и получу большую прибыль, а после этого я куплю красивый дом, и куплю невольников, и коней, и золотые седла; и стану есть и пить, и не оставлю в городе ни одного певца или певицы, которых бы я не привел к себе. И если захочет Аллах великий, я накоплю капитал в сто тысяч дирхемов...» И все это он прикидывал в уме, а поднос со стеклом стоял перед ним; и он думал дальше: «А когда денег станет сто тысяч дирхемов, я пошлю посредниц, чтобы посвататься к дочерям царей и везирей, и посватаюсь к дочери везиря – до меня дошло, что она совершенна по красоте и редкой прелести, – и дам за нее в приданое тысячу динаров; и если ее отец согласится – так и будет, а если не согласится – я возьму ее силой, наперекор ему. И когда она окажется в моем доме, я куплю десять маленьких евнухов, и куплю себе одежду из одежд царей и султанов, и сделаю себе золотое седло, которое выложу дорогими самоцветами, а потом я войду к везиру, отцу девушки (а рабы будут сзади меня, и впереди меня, и справа от меня, и слева от меня), и когда везирь меня увидит, он поднимется мне навстречу и посадит меня на свое место, а сам сядет ниже меня, так как он мой тесть. А со мной будут два евнуха с двумя кошельками, в каждом кошельке по тысяче динаров, и я дам ему тысячу динаров в приданое за его дочь и подарю ему другую тысячу динаров, чтобы он знал мое благородство, и щедрость, и величие моей души, и ничтожность всего мирского в моих глазах. И если он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему парой слов и уеду к себе домой. А когда придет кто-нибудь из родных моей жены, я подарю ему денег и награжу его одеждой; а если он явится ко мне с подарком, я его верну ему и не приму, – чтобы знали, что я горд душой и ставлю свою душу лишь на ее место. А потом я велю им привести меня в порядок, и когда они это сделают, я прикажу привести невесту и как следует все уберу в моем доме, а когда придет время открыванья, я надену самую роскошную одежду и буду сидеть в платье из парчи, облокотясь и не поворачиваясь ни вправо, ни влево, – из-за моего большого ума и степенности моего разума. И моя жена будет стоять передо мною, как луна, в своих одеждах и драгоценностях, и я не буду смотреть на нее из чванства и высокомерия, пока все, кто будет тут, не скажут: «О господин мой, твоя жена и служанка стоит перед тобой, соизволь посмотреть на нее, ей тягостно так стоять». И они много раз поцелуют передо мною землю, и тогда я подниму голову и взгляну на нее одним взглядом, а потом опущу голову к земле. И ее уведут в комнату сна, а я переменю свою одежду и надену что-нибудь лучшее, чем то, что на мне было; и когда невесту приведут ко мне, я не взгляну на нее, пока меня не попросят много раз, а потом я посмотрю на нее и опущу голову к земле, – и я все время буду так делать, пока ее открывание не окончится...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника думал: «А потом я опущу голову к земле и все время буду так делать, пока ее открывание не окончится. А после я прикажу кому-нибудь из слуг подать кошель с пятью сотнями динаров, и когда невеста будет тут, я отдам его прислужницам и велю им ввести меня к невесте. И когда меня введут, я не стану смотреть на нее и не заговорю с ней из презрения, чтобы говорили, что я горд душой. И ее мать придет и поцелует мне голову и руку и скажет: «О господин, взгляни на твою служанку, она хочет твоей близости, залечи же ее сердце». А я не дам ей ответа; когда она это увидит, она встанет, и поцелует мне ноги несколько раз, и скажет: «О господин мой, моя дочь красивая девушка, которая еще не видала мужчины, и когда она увидит в тебе такую сдержанность, ее сердце разобьется. Склонись же к ней и поговори с нею».

И она поднимется и принесет мне кубок с вином, и ее дочь возьмет кубок, и когда она подойдет ко мне, я оставлю ее стоять перед собой, а сам облокочусь на вышитую подушку, не глядя на нее, – из-за величия своей души, – пока она мне не скажет, что я султан, высокий саном, и не попросит меня: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, не отвергай кубка из рук твоей служанки, ибо я твоя невольница». Но я ничего ей не отвечу; и она будет ко мне приставать и скажет: «Его обязательно надо выпить», – и поднесет его к моему рту; и я махну рукой ей в лицо, и отпихну ногой, и сделаю вот так!» И он взмахнул ногой, и поднос со стеклом упал (а он был на высоком месте) и свалился на землю, и все, что было на нем, разбилось.

И мой брат закричал и сказал: «Все это от величия моей души!» И тогда, о повелитель правоверных, он стал бить себя по лицу, и разорвал свою одежду, и начал плакать и бить себя; и люди смотрели на него, идя на пятничную молитву, и некоторые смотрели и жалели его, а другие о нем не думали. И мой брат был в таком состоянии: ушли от него и деньги и прибыль. И он просидел некоторое время, плача, и вдруг видит – красивая женщина едет на муле с золотым седлом, и с нею несколько слуг, и от нее веет мускусом, а едет она на пятничную молитву. И когда она увидела стекло, и состояние моего брата, и его плач, ее взяла печаль, и сердце ее сжалилось над ним, и она спросила о его положении; и ей сказали: «С ним был поднос стеклянной посуды, благодаря которой он кое-как жил, и посуда разбилась, и его постигло то, что ты видишь». И тогда она позвала одного из слуг и сказала ему: «Дай то, что есть с тобой, этому бедняге»; и слуга дал моему брату кошелек, где он нашел пятьсот динаров, и когда они попали в его руки, он едва не умер от сильной радости.

И мой брат принялся благословлять ту женщину, и вернулся в свое жилище богатым, и сидел, размышляя; и вдруг – стучат в дверь. И он встал и открыл и видит – незнакомая старуха. И она сказала ему: «О дитя мое, знай, что время молитвы уже близко, а я не совершила омовения, и мне бы хотелось, чтобы ты меня пустил к себе в дом омыться». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал мой брат, и вошел, и велел ей входить, и когда она вошла, он дал ей кувшин для омовения.

И мой брат сел, и сердце его трепетало от радости из-за динаров, и потом он завязал их в кошель; и когда он покончил с этим, старуха завершила омовение и, подойдя туда, где сидел мой брат, сотворила молитву в два rakata, а затем помолилась за моего брата хорошей молитвой. И он поблагодарил ее за это и, протянув руку к динарам, дал ей два динара и сказал про себя: «Это от меня милостыня». И когда старуха увидела динары, она воскликнула: «Да будет Аллах превознесен! Почему ты смотришь на того, кто тебя любит, как на нищего? Возьми твои деньги, они мне не нужны, и положи их опять к себе на сердце; а если ты хочешь встретиться с той, кто тебе их дала, я сведу ее с тобою – она моя подруга». – «О матушка, – спросил мой брат, – как ухитриться попасть к ней?» И она сказала: «О дитя мое, она имеет склонность к человеку богатому; возьми же с собой все свои деньги и следуй за мной, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь. А когда ты встретишься с ней, употреби все какие есть ласки и приятные слова, и ты получишь из ее прелестей и ее денег все, что хочешь».

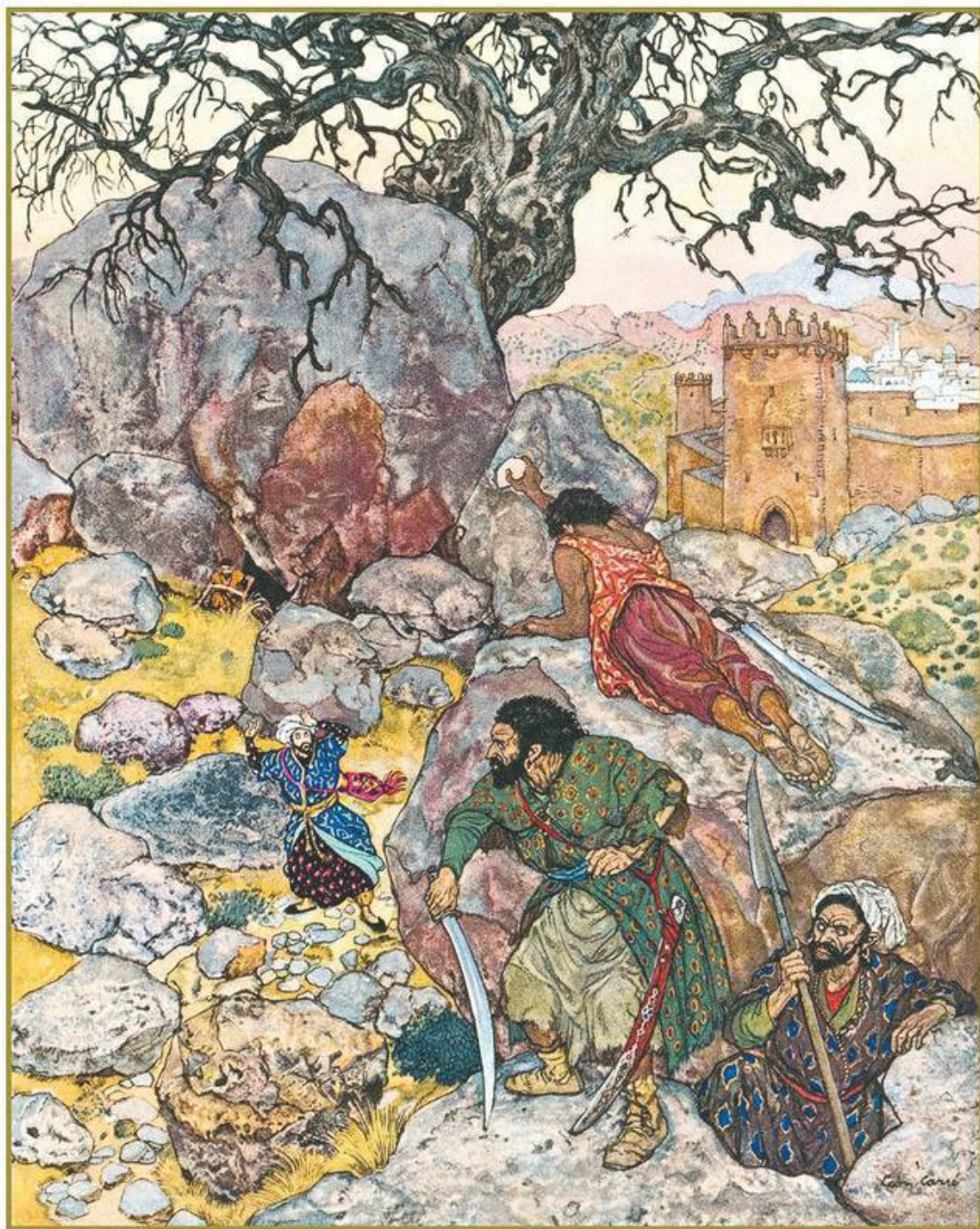
И мой брат взял с собой все свое золото, и поднялся, и пошел с ней (и он сам не верил этому); а старуха все шла, и мой брат следовал за ней до одних больших ворот. И она постучала, и вышла невольница-гречанка и открыла ворота, и тогда старуха вошла и велела моему брату войти с нею, и он вошел в большой дом и большую комнату, пол которой был устлан удивительными коврами, и там были повешены занавеси. И мой брат сел и положил золото перед собой, а свой тюрбан он положил на колени; и не успел он опомниться, как появилась девушка, лучше которой не видали смотрящие, и она была одета в роскошные одежды. И мой брат поднялся на ноги; и когда девушка увидела его, она улыбнулась ему и сделала ему знак сесть. А потом она велела запереть дверь и, подойдя к моему брату, взяла его за руку, и они оба отправились, и пришли к уединенной комнате, и вошли в нее, и оказалось, что она устлана разной парчой.

И мой брат сел, и она села с ним рядом и немножко поиграла с ним, а затем она поднялась и сказала: «Не двигайся с места, пока я не приду!» – и скрылась от моего брата на некоторое время. И когда он так сидел, вдруг вошел к нему черный раб огромного роста, и у него был обнаженный меч. «Горе тебе, – воскликнул он, – кто привел тебя в это место и что ты здесь делаешь?» И когда мой брат увидел его, он не был в состоянии дать ему никакого ответа, и у него оцепенел язык, так что он не мог вымолвить слова. И раб взял его, и снял с него одежду, и до тех пор бил его мечом плашмя, пока он не упал без чувств на землю от побоев, и скверный раб подумал, что он прикончил его. И мой брат услышал, как он говорит: «Где солильщица?» И к нему подошла девушка, несшая в руке большое блюдо, где было много соли, и раб все время присыпал ею раны моего брата, но тот не двигался, опасаясь, что раб узнает, что он жив, и убьет его и его душа пропадет».

«Потом невольница ушла, – говорил рассказчик, – и раб крикнул: «Где погребщица?» И старуха подошла к моему брату, и потащила его за ногу в погреб, и бросила его туда на множество убитых. И он провел в этом месте два полных дня, и Аллах сделал соль причиной его жизни, так как она остановила кровь; и мой брат нашел в себе силу, чтобы двигаться, и поднялся в погребе, и открыл над собою плиту, полный страха, и вышел вон.

И Аллах даровал ему защиту, и брат вошел в темноту и скрылся в этом проходе до утра, а когда наступило утреннее время, эта проклятая старуха вышла на поиски другой дичи, и брат вышел за нею следом, а она не знала этого. И он пришел в свое жилище и не переставал лечиться, пока не выздоровел, и следил за старухой, все время смотря, как она хватала людей одного за другим и приводила их в тот дом, но ничего не говорил.

А потом, когда вернулись к нему его дух и сила, он взял тряпку, сделал из нее кошель, наполнил его стеклом и привязал к поясу. И он переоделся, чтобы его никто не узнал, и надел платье, и, взяв меч, спрятал его под платье, и, когда увидел старуху, сказал ей на языке персов: «О старуха, я чужеземец и прибыл сегодня в этот город и никого не знаю. Нет ли у тебя весов, вмещающих пятьсот динаров? Я тебе подарю немного из них». И старуха ответила: «У меня сын меняла, и у него есть всякие весы. Пойдем со мною раньше, чем он уйдет со своего места, и он свешает твое золото». – «Иди впереди меня!» – сказал мой брат; и она пошла, а брат сзади, и, подойдя к воротам, она постучала, и вышла та самая девушка и открыла ворота. И старуха улыбнулась ей и сказала: «Я сегодня принесла вам жирный кусок мяса». И девушка взяла моего брата за руку и ввела его в то помещение, куда он входил прежде. И она немного посидела подле него, и поднялась, и сказала: «Не уходи, пока я не вернусь к тебе», – и ушла. И не успел мой брат опомниться, как пришел проклятый раб, и с ним был тот обнаженный меч. И он сказал моему брату: «Поднимайся, проклятый!» И мой брат поднялся, и раб пошел впереди него, а брат мой шел сзади; и он протянул руку к мечу, что был у него под платьем, и ударил им раба, и скинул ему голову с плеч, потащил его за ногу к погребу и крикнул: «Где солильщица?» И тогда пришла девушка с блюдом, в котором была соль, и, увидав моего брата и в его руке меч, она бросилась бежать, но брат последовал за нею и ударил ее и отрубил ей голову. А потом он закричал: «Где старуха?» И она пришла, и брат спросил ее: «Узнаешь ты меня, скверная старуха?» А она отвечала: «Нет, господин». И мой брат сказал: «Я владелец денег, к которому ты пришла, и ты у меня омылась, и помолилась, и призвала меня сюда». – «Побойся Аллаха и подумай еще о моем деле», – сказала старуха, но мой брат и не посмотрел на нее и так ударил ее, что разрубил на четыре куска, а потом он вышел искать девушку; и когда она увидела его, разум покинул ее, и она воскликнула: «Пощады!» И мой брат пощадил ее.

«Что привело тебя к этому черному?» – спросил он тогда ее; она сказала: «Я была невольницей одного купца, а эта старуха заходила ко мне, и я с нею подружилась. И в один из дней она сказала мне: «У нас свадьба, равной которой никто не видел, и я хочу, чтобы ты посмотрела на нее». И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!» – потом я надела свою лучшую одежду и драгоценности и взяла с собою кошелек с сотнею динаров и пошла с нею, и она привела меня в этот дом. И, войдя, я не успела опомниться, как этот черный взял меня, и я в таком положении уже три года из-за хитрости проклятой старухи». – «А есть у него что-нибудь в этом доме?» – спросил мой брат, и она сказала: «У него есть много, и если ты можешь это перенести, перенеси, попросив совета у Аллаха».

И мой брат поднялся и пошел с нею, и она открыла сундуки, в которых были мешки; мой брат поразился и не знал, что делать, а девушка сказала ему: «Иди теперь, и оставь меня здесь,

и приведи кого-нибудь, чтобы снести деньги». И мой брат вышел, и нанял десять человек, и пришел к воротам, но нашел их открытыми и не увидел ни девушки, ни мешков, кроме немногих, – одни только ткани. Он понял, что девушка обманула его, и взял оставшиеся деньги, и, открыв кладовые, забрал то, что в них было, и ничего не оставил в доме, и провел ночь радостный.

А когда настало утро, он нашел у ворот двадцать солдат, которые вцепились в него и сказали: «Вали тебя требует». И они взяли его, и мой брат стал проситься у них пройти в свой дом, но они не дали ему времени вернуться домой, и мой брат обещал им много денег, но они отказались. И они крепко связали его веревкой и повели, и им встретился по дороге один его приятель, и мой брат уцепился за его полу и стал просить его постоять за него, чтобы помочь ему освободиться из их рук. И этот человек остановился и спросил их, в чем с ним дело; и они сказали: «Вали приказал нам привести его к себе, и вот мы идем с ним». И друг моего брата попросил их освободить его, с тем что он даст им пятьсот динаров, и сказал им: «Когда вернетесь к вали, скажите ему: «Мы его не нашли». Но они отвергли его слова и взяли моего брата, потащили его и привели его к вали; и когда вали увидел моего брата, он спросил его: «Откуда у тебя эти ткани и деньги?» – «Я хочу пощады», – сказал мой брат; и вали дал ему платок пощады, и тогда брат рассказал ему о том, что случилось и что произошло у него со старухой, с начала до конца, и о бегстве девушки, и сказал вали: «А то, что я взял, возьми из этого, сколько хочешь, и оставь мне, на что кормиться». И вали взял все деньги и ткани, и побоялся, что весть об этом дойдет до султана, и сказал моему брату: «Уходи из этого города, а не то я тебя повешу!» И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и ушел в какой-то город, и на него напали воры, и раздели его, и побили, и обрезали ему уши. И я услышал весть о нем, и вышел к нему, и взял для него одежду, и привел его тайно в город, и стал ему выдавать что пить и что есть».

И, услышав рассказ цирюльника, эмир рассмеялся и сказал: «Поистине, рассказ твой удивителен!» – и приказал освободить всех.

«Но это не удивительнее, чем рассказ о лисице и волке». – «А что случилось с ними?» – спросил царь.

Из «Рассказов о животных и птицах»

Рассказ о лисице и волке

И Шахразада сказала: «Знай, о царь, что волк и лисица поселились в одной норе, и ютились там вместе, и проводили там ночи, и волк притеснял лисицу. И они провели так некоторое время.

И случилось, что лисица посоветовала волку исправиться и бросить дурное и сказала ему: «Знай, если ты будешь продолжать твои преступления, Аллах, может быть, отдаст тебя во власть сыну Адама, а он хитер, злокознен и коварен, и ловит птиц в воздухе, и рыб в воде, и повергает горы, и переносит их с места на место, и все это по своей хитрости и коварству. Будь же мягок и справедлив и оставь зло и преступление – это будет приятнее для твоей жизни».

Но волк не принял ее слов, и ответил ей грубо, и сказал: «Что это ты рассуждаешь о больших и значительных делах!» И потом он ударил лисицу таким ударом, что она упала без памяти. А очнувшись, она улыбнулась волку и принялась перед ним извиняться за дурные речи и сказала ему такие стихи:

Коль раньше был меж нами грех,
То был любовный грех невинный.
Прощают грех былых утех,
Когда являешься с повинной.

И волк принял извинения лисицы, и перестал на нее злиться, и сказал: «Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала сто сорок девятая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что волк сказал лисице: «Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится». И лисица ответила: «Слушаю и повинуюсь! Я далека от мысли, чтобы говорить то, что тебе не нравится. Ведь сказал мудрец: «Не говори о том, о чем тебя не спрашивают, и не отвечай на то, к чему тебя не зовут. Оставь то, что тебя не касается, для того, что тебя касается, и не расточай дурным людям дружеских советов – они воздадут тебе за это злом».

Однако когда лисица слушала слова волка, она улыбнулась ему, но затаила против него коварство и подумала: «Я непременно постараюсь быть виновницей гибели этого волка!»

И она терпела от волка обиды и говорила в душе: «Поистине, наглость и клевета будут причиной гибели и ввергнут в сети затруднений. Ведь сказано: «Кто нагл, тот теряет, кто невежда, тот раскаивается, а кто страшится – спасается». Справедливость – черта благородных, и мужество – почетнейшее стяжание. Мне следует быть обходительной с этим злодеем: он неизбежно будет повергнут».

И потом лисица сказала волку: «Господь прощает рабу согрешившему и принимает раскаяние раба своего, если он совершил грехи. Я – слабый раб и, советуя, причинила тебе обиду, но если бы ты знал, какая мне досталась боль от твоего удара, ты бы, наверное, понял, что и слон ее не вынес бы и не мог бы стерпеть. Но я не жалею о боли от этого удара из-за той радости, которую он мне доставил, ибо, хотя он и привел меня к великому страданию, последствия его были похвальны. Сказал мудрец: «Удар учителя сначала очень тяжел, но потом он слаще очищенного меда».

«Я простил твой грех и извинил твою оплошность, – сказал волк. – Остерегайся моей силы и проявляй ко мне рабскую преданность. Ты узнала, как я подчиняю себе тех, кто со мной враждует». И лисица пала ниц перед волком и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да подчинишь ты себе тех, кто с тобою враждует!» И она продолжала бояться волка и была с ним обходительна и услужлива.

И однажды лисица пришла к винограднику и увидела в стене брешь. Эта брешь показалась лисе подозрительной, и она сказала: «Поистине, тому, что здесь брешь, наверное, есть причина! Говорится в поговорке: «Кто увидит в земле щель и не отойдет в сторону, опасаясь приблизиться к ней, тот обольщен самим собою и подвергает себя гибели». Известно, что некоторые люди делают в винограднике изображение лисицы и даже ставят перед ним виноград на блюде, чтобы увидела это лисица, и подошла бы к изображению, и попала бы в беду. Я вижу в этой бреши ухищрение, а пословица говорит: «Осторожность – половина ловкости». А осторожность в том, чтобы мне понаблюдать за этой брешью и посмотреть: может быть, я найду возле нее уловку, приводящую к гибели. И пусть не побудит меня жадность ввергнуть себя в погибель».

И лисица подошла к отверстию и осторожно обошла вокруг него, со вниманием его рассматривая. И оказалось, что это большая яма, которую вырыл хозяин виноградника, чтобы ловить туда зверей, которые портят виноградники. И лисица сказала: «Ты получила то, на что рассчитывала!» Она увидела, что яма покрыта чем-то тонким и мягким, и отошла от нее, говоря: «Слава Аллаху, что я ее остереглась, и я надеюсь, что в нее упадет мой враг, волк, который сделал горестной мою жизнь. И тогда виноградник освободится, и я буду в нем одна и независима и проживу там безопасно». И лисица кивнула головой, и громко засмеялась, и произнесла:

О, если б увидела я вот в этой яме волка!
Он издавна смущал меня, он был мне горше яда.
О, если б этот волк издох, а я жила бы долго,
Тогда бы оказалась я хозяйкой винограда!

А окончив эти стихи, она пустилась поскорее бежать и, придя к волку, сказала ему: «Аллах облегчил для тебя доступ в виноградник без труда, и это из-за твоего счастья. На здоровье тебе то, что Аллах послал тебе и помог без труда овладеть этой дозволенной добычей и обильным уделом». – «А что указывает на то, о чем ты говоришь?» – спросил волк лисицу. И она ответила: «Я пришла к винограднику, и оказалось, что его владелец умер и его растерзали волки, и я вошла в сад и увидела, что плоды созрели на деревьях».

И волк не усомнился в словах лисицы, и его охватила алчность, и он поднялся и пришел к расщелине, и жадность обманула его. А лисица лежала распластавшись, как мертвая, и она произнесла такой стих:

О да! Увидеть Лейлу – души твоей стремленье!
Желанья и достойных ввергают в униженье!

И когда волк пришел к расщелине, лисица сказала ему: «Войди в виноградник, ты избавлен от нужды взбираться и рушить стену сада. Аллаху принадлежит завершение милости!» И волк пошел, желая войти в виноградник, и, дойдя до середины прикрытия над ямой, провалился в нее. И лисица затрепетала от радости и веселья, и прошли ее горести и печали, и она затянула напев и произнесла такие стихи:

Смягчилось время, и добрей события,

Покинул страх, успех принес плоды.
И склонна волка серого простить я,
Ему и так не избежать беды.
Я в винограднике одна хозяйка!
И мне теперь попробуй помешай-ка!

И она поглядела в яму и увидела, что волк плачет, раскаиваясь и печалась о себе, и заплакала вместе с ним, и тогда волк поднял голову к лисице и спросил ее: «Из жалости ли ко мне ты плачешь, о Абу аль-Хосейн?» – «Нет, клянусь тем, кто бросил тебя в эту яму, – ответила лисица. – Я плачу о том, что ты прожил долгую жизнь раньше этого, и печалюсь, что ты не упал в эту яму раньше сегодняшнего дня. И если бы ты упал в нее раньше, чем я с тобой встретилась, я была бы спокойна и не печалилась, но ты был пощажен до определенного срока и известного времени».

И волк сказал как бы шутя: «О поступающий дурно, пойдй к моей матушке и расскажи ей, что со мною случилось. Может быть, она придумает, как меня освободить». Но лисица ответила: «Тебя погубили твоя сильная жадность и великая алчность. Ты упал в яму, из которой никогда не спасешься. Разве не знаешь ты, о невежественный волк, что говорит сказавший ходячую поговорку: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг, и не в безопасности он от гибели».

«О Абу аль-Хосейн, – сказал волк, – ты проявила любовь ко мне и хотела моей дружбы, и боялась моей мощи и силы. Не держи на меня злобы за то, что я с тобой сделал: ведь кто властен и прощает, награда тому у Аллаха. И поэт сказал:

Твори добро, иного нету долга.
Расти и пестуй, не жалея сил.
Добро растет медленно и долго,
Но тот в прибыли, кто его растил».

Но лиса сказала: «О глупейшее из животных, о дурак среди зверей пустыни, забыл ты, как ты притеснял меня, и был горд, и превозносился? Ты не соблюдал обязанностей дружбы и не внял словам поэта:

Не обижай! Разумный не подымлет
Руки для нанесения обид!
Ты будешь спать, обиженный не дремлет,
И Бог тебе сторицей отомстит».

«О Абу аль-Хосейн, – сказал волк, – не взыщи с меня за прежние грехи: прощения ищут у благородных, и содеяние добра – лучшее из сокровищ. Как прекрасны слова поэта:

Скорей твори добро – не надо ждать,
Поторопись, ведь можно опоздать».

И волк продолжал унижаться перед лисицей и говорил ей: «Может быть, ты можешь чем-нибудь спасти меня от гибели?» Но лисица отвечала ему: «О глупый волк, обольщенный, коварный обманщик, не желай спасения – это воздаяние и месть за твои скверные поступки». И она смеялась, оскалив зубы, и произнесла такие стихи:

Брось обманы, хитрость, ложь,

Ими всюду не возьмешь,
Не исполнишь то, что хочешь:
Что посеешь, то пожнешь.

И волк сказал: «О разумная среди животных, я надеюсь на тебя, ты не оставишь меня в этой яме». И он стал плакать, и жаловаться, и пролил из глаз слезы, и произнес такие два стиха:

О ты, кто столько раз в беде мне помогал,
Среди превратностей мне руку подавал!

«О глупый враг, – сказала лисица, – как ты дошел до мольбы, смирения, унижения и покорности после гордости, заносчивости, несправедливости и притеснения? Я дружила с тобой, страшась твоей вражды, и льстила тебе, только желая от тебя милости, а теперь тебя поразило наказание и постигла тебя месть». И она произнесла такое двустиише:

О, стремившийся к обману, стал ты жертвой тех же оков,
Так вкуси же испытанья и живи среди волков.

«О разумная, – взмолился волк, – не говори языком враждебных и не взирай их глазами. Будь верна обету дружбы со мною, пока не минует время встречи. Пойди и раздобудь мне веревку и один край ее привяжи к дереву, а другой край спусти ко мне, и я уцеплюсь за веревку и, может быть, спасусь от того, что меня постигло. Я отдам тебе все сокровища, какими обладают мои руки». Но лисица сказала: «Ты уж много раз говорил о том, что не даст тебе спасения. Ты не получишь от меня ничего. Вспомни, какое зло ты совершал прежде и какие затаил обманы и козни. А теперь ты близок к тому, чтобы быть побитым камнями. Знай, что душа твоя покидает этот мир, и оставляет его, и уходит из него, а потом ты отправишься туда, где гибель и обитель зла, и плохое то будет жилище!»

«О Абу аль-Хосейн, – сказал волк, – пусть возвратится наша дружба, и не упорствуй в ненависти и злобе. Знай: кто спас душу от гибели, тот оживил ее, а кто оживил душу, тот как бы оживил всех людей. Не стремись к притеснению – мудрые запрещают это. И нет притеснения более явного, чем то, что я нахожусь в этой яме, глотаю горечь смерти и вижу гибель. Ты можешь освободить меня из сетей затруднения: будь же щедра, освободи меня и сделай мне добро».

«О жестокий и грубый, – сказала ему лисица, – я сравниваю твои хорошие слова и заявления с твоими дурными намерениями и поступками и уподобляю тебя соколу с куропаткой». – «А как это было?» – спросил волк. И лисица сказала: «Однажды я вошла в виноградник, чтобы поесть винограду, и, будучи там, увидела сокола, который ринулся на куропатку, и когда он вцепился в куропатку и поймал ее, куропатка вырвалась от него и, уйдя в свое гнездо, спряталась там. И сокол последовал за ней и крикнул ей: «О глупая, я увидел тебя, голодную, и пожалел тебя, и подобрал тебе зерен в пустыне, и я для того схватил тебя, чтобы ты поела. А ты убежала от меня, и я вижу, что твое бегство принесет тебе только лишения. Покажись же, возьми зерна, которые я тебе принес, и поешь их на здоровье и на пользу».

И, услышав речи сокола, куропатка поверила ему и вылетела, сокол вонзил в нее когти и крепко захватил ее ими. И куропатка спросила: «Это и есть то, что ты, как говорил, принес мне из пустыни? И ты еще сказал: «Ешь на здоровье и на пользу!» Ты солгал мне. Да сделает Аллах мое мясо, которое ты съешь, убийственным ядом в твоём животе». И когда сокол съел куропатку, у него попадали перья, и силы его ослабели, и он тотчас же умер.

Знай же, – продолжала лисица, – кто роет своему брату яму, скоро сам упадет в нее. Ты обманул меня первый».

И волк отвечал лисе: «Брось говорить такие слова и приводить поговорки и не напоминай мне о скверных делах, которые я делал прежде. Довольно с меня и того дурного, что со мною случилось: я попал в такое место, что меня пожалеет и враг, а не только друг. Придумай же для меня хитрость, чтобы я выбрался отсюда, и окажи мне в этом помощь, а если это тебе трудно, то ведь друг выносит ради друга самый тяжелый труд и подвергает опасности свою душу, чтобы спасти его от гибели. Говорится же: заботливый друг лучше единоутробного брата. И если ты найдешь средство спасти меня и я спасусь, право, я соберу для тебя припасы, которые будут тебе защитой, а потом я научу тебя диковинным хитростям, которыми ты откроешь себе изобильные виноградники и сорвешь плоды плодоносных деревьев. Успокой же душу и прохлади глаза!»

Но лисица сказала ему, смеясь: «Как хорошо, что мудрецы предупредили о таких глупых, подобных тебе!» И волк спросил: «А что же сказали мудрецы?»

И лисица ответила: «Мудрецы говорят, что у кого грубое тело и грубая натура, тот далек от разума и близок к невежеству. А что до твоих слов, о самообольщенный, коварный и грубый, что друг переносит затруднения, чтобы выручить друга, то они правильны, как ты и сказал. Но они показали мне, что ты невежествен и малоумен: как я могу быть тебе другом, когда ты меня обманывал? Как ты считал меня другом, когда я была твоим злорадным врагом? Эти слова страшнее удара стрелой, если ты поразмыслишь. А что касается твоих слов о том, что ты дашь мне припасы, которые будут мне защитой, и научишь меня хитростям, которые приведут меня в плодородные виноградники и помогут мне оборвать плодоносные деревья, то почему, о вероломный обманщик, ты не придумаешь для себя хитрость, чтобы избавиться от гибели?»

Как ты далек от того, чтобы быть самому себе полезным, и так я далека от того, чтобы принять твои дружественные слова. Если ты знаешь хитрость, то ухитрись избавиться себя от этого дела, от которого я прошу Аллаха тебя подольше не спасать.

Ну подумай же, о глупец: ведь если у тебя есть хитрость, то избавь себя от смерти, а не поучай других. Но ты подобен человеку, которого поразила болезнь и к которому пришел человек, больной такой же болезнью, чтобы лечить его. И пришедший спросил: «Не хочешь ли, я тебя вылечу от твоей болезни?» – а первый сказал ему: «А не начать ли тебе лечение с себя самого», – и пришедший оставил его и ушел. И ты, о глупый волк, такой же. Будь на своем месте и терпи то, что тебя постигло».

Услышав слова лисицы, волк понял, что ему не будет от нее добра, и заплакал о себе, и сказал: «Я не думал о том, что делал, но если Аллах избавит меня от этой горести, я расскажусь, что притеснял тех, кто слабее меня, и оденусь в шерстяное рубище, и поднимусь на гору, поминая Аллаха великого и боясь его наказания, и отстранюсь от всех зверей, и стану кормить бойцов за веру и бедняков».

И он принялся рыдать и плакать, и сердце лисицы смягчилось, и когда она услышала его мольбы и слова, указывающие, что он раскаялся в своих преступлениях и гордости, ее взяла жалость. И лисица быстро поднялась и встала на краю ямы, а потом она села на задние лапы и опустила хвост в яму, и тогда волк поднялся и, протянув лапу к хвосту лисицы, потянул ее к себе, и она оказалась вместе с ним в яме.

«О безжалостная лисица, – сказал тут волк, – как ты могла злорадствовать, раз ты была со мной в дружбе и под моей властью? А теперь ты попала со мной в яму, и наказание спешит к тебе. Сказали мудрецы: «Если кто из вас поносит своего брата за то, что тот вскормлен собачьим молоком, наверное сам отведает его». А как прекрасны слова поэта:

Когда судьба, не ведая пощады,
Шлет на людей летучие отряды,
Скажи злорадствующим: «И на вас
Придет беда, и вы напрасно рады!»

А смерть на людях – лучшее дело, и я ускорю твою смерть раньше, чем ты увидишь мою смерть».

И лисица сказала себе: «Ах, ах, я попалась вместе с этим притеснителем, и в таком положении необходимо коварство и обман! Говорят ведь: «Женщина готовит свой убор для дня праздника», – и пословица гласит: «Я приберег тебя, о слезинка, на случай беды!» Если я не изловчусь с этим жестоким зверем, я погибну, несомненно. А как хороши слова поэта:

Живи обманом – люди ныне
Подобны страшным львам пустыни.
Всегда пускай коварство в ход,
И жизнь без горя потечет,
Достичь успеха попытайся
Или сухой травой питайся».

И лисица сказала волку: «Не торопись убивать меня – и таково воздаяние мне, и ты раскаешься, о могучий зверь, обладатель мощи и сильной ярости. А если ты подождешь и внимательно рассмотришь то, что я тебе расскажу, ты узнаешь, к какой я стремилась цели. Если же ты поторопишься меня убить, тебе ничего не достанется, и мы оба умрем здесь». – «О коварная обманщица, а чем ты надеешься спасти меня и себя, что просишь отсрочить твою смерть? Осведоми меня и расскажи мне, к какой цели ты стремишься!» – воскликнул волк.

И лисица сказала: «Что касается цели, к которой я стремлюсь, то разве тебе не должно воздать мне за нее хорошим: когда я слышала, что ты обещаешь и признаешь свою былую вину и печалишься о том, что прежде не раскаялся и не делал добра, и узнала, что ты дал обет, если спасешься, не обижать больше друзей и прочих, перестать есть виноград и другие плоды, постоянно быть смиренным, обрезать себе когти и обломать клыки, одеться в шерсть и приносить жертву Аллаху великому, – тогда меня взяла жалость к тебе, так как лучшее слово – самое правдивое.

Я желала твоей гибели, но когда слышала, что ты раскаялся и дал такие обеты, если Аллах спасет тебя, я сочла долгом избавить тебя от твоей беды и спустила к тебе хвост, чтобы ты за него уцепился и спасся бы. Но ты не оставил своей обычной грубости и жестокости и не искал спасения и мягкости. Ты так потянул меня, что я подумала, что дух из меня вышел и мы с тобою оказались в обители гибели и смерти. Нас спасет только одна вещь, и если ты согласишься на это, мы с тобою избавимся – и я и ты. А после этого тебе следует выполнить то, что ты обещал, и я буду тебе товарищем».

«А на что я должен согласиться?» – спросил волк, и лисица ответила: «Встань прямо, а я взберусь тебе на голову, так что буду почти вровень с поверхностью земли, и я прыгну и окажусь наверху. И я пойду и принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься, и тогда ты спасешься». – «Я не доверяю твоим советам, – сказал волк, – так как мудрецы говорили: «Кто ставит доверие на место злобы, делает ошибку, а кто доверяет существу неверному – тот обманут». Кто испытывает уже испытанного, того постигнет раскаяние и пропадут его дни напрасно, а кто не различает разных положений, поступая в каждом из них, как должно, но действует во всех делах одним способом, у того будет мало удачи и многими будут его бедствия. А как хороши слова поэта:

Подозревай всегда и всех с утра и до утра
И никому не верь: добро не принесет добра.

А вот слова другого:

Подозревай, кого возможно,
Ходи по свету осторожно,
Всегда готовь удар врагу,
Но улыбайся непреложно.

А вот слова третьего:

Твой близкий друг – быть может, злейший враг!
Не доверяйся – попадешь впросак!
Не жди добра, ведь эта жизнь жестока,
И жди из-за угла ударов рока».

И лисица сказала волку: «Подозревать не похвально ни в каком случае, а доверие – черта совершенных, и следствием этого будет спасенье от ужасов. Тебе надлежит, о волк, сделать хитрость, чтобы спастись от того, что тебя постигло, и нам вместе спастись лучше, чем умереть. Оставь дурные мысли и злобу, ибо если ты станешь доверчив, то может быть два исхода: либо я принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься и спасешься, либо я обману тебя и спасусь, а тебя оставлю. А это невозможно, так как я боюсь подвергнуться тому, чему ты подвергся, и это будет наказание за обман. Говорится ведь в поговорках: «Верность прекрасна, измена дурна». Тебе следует мне довериться, так как мне известно о превратностях судьбы. Не откладывай же и действуй, чтобы освободить нас, – дело слишком затянулось, чтобы вести о нем долгие разговоры».

И волк сказал: «Хоть я и мало доверяю твоей верности, но я понял, что ты задумала и пожелала меня спасти, когда услышала, как я раскаиваюсь. И тогда я сказал себе: «Если она правдива в своих утверждениях, то она исправила то, что сделала скверного, а если она лжет – то воздаяние ей у ее Господа». Я соглашусь на то, что ты советуешь, и если ты меня обманешь, то обман будет причиной твоей гибели».

Потом волк встал в яме прямо и, взяв лисицу на плечи, поднял ее вровень с поверхностью земли, и лисица прыгнула с плеч волка и выскочила на землю, а оказавшись вне ямы, она упала без чувств.

«О мой друг, – сказал волк, – не будь небрежна в моем деле и не откладывай моего избавления».

Но лисица стала смеяться и хохотать и воскликнула: «О ты, оболыщенный, я попала тебе в руки только в наказание за шутки и насмешки над тобою: когда я услышала, как ты раскаиваешься, восторг и радость сделали меня мягкосердой, и я стала прыгать и плясать, и мой хвост опустился в яму, и ты потянул меня к себе, и я к тебе упала. А потом Аллах великий спас меня от тебя, и почему мне не помочь твоей гибели – ты ведь из племени сатаны. Я вчера видела во сне, что пляшу на твоей свадьбе, и рассказала это толкователю снов, а он сказал мне: «Ты попадешь в западню и спасешься из нее». И я поняла, что когда я попала в твои руки и спаслась – это было в соответствии с моим сном. И ты знаешь, оболыщенный глупец, что я твой враг, так как же ты хочешь, по твоему малоумию и глупости, чтобы я тебя спасла, хотя ты слышал мои грубые речи? И как я буду стараться спасти тебя, когда мудрые сказали: «Смерть нечестивого – отдых людям и очищение земли». Но если бы я не боялась перенести от верности большие страдания, чем страдания от обмана, я бы, наверное, придумала, как спасти тебя».

Услышав слова лисицы, волк укусил себе лапу от раскаяния...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала ночь, дополняющая до ста пятидесяти, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда волк услышал слова лисицы, он укусил себе лапу от раскаяния, а затем смягчил свои речи, видя, что это неизбежно, но никакой пользы от этого не было.

И тогда волк сказал лисице тихим голосом: «Вы, племя лисиц, говорите слаще всех и приятнее всех шутите, и это все твои шутки, но не во всякое время хорошо шутить», а лисица ответила: «О глупец, для шуток есть предел, которого не переходит тот, кто шутит. Не думай, что Аллах отдаст меня тебе, после того как он уже спас меня из твоих рук».

«Тебе следует желать моего спасения из-за нашей прежней братской дружбы, и если ты меня спасешь, я обязательно воздам тебе добром», – сказал волк, и лисица ответила: «Мудрецы говорили: «Не братайся с нечестивым глупцом – он тебя обезобразит, а не украсит, и не братайся с лжецом: если ты проявишь хорошее, он это скроет, а если проявить злое – разгласит». И сказали мудрецы: «Для всего есть хитрость, кроме смерти, – все можно исправить, кроме испорченной сущности, и все можно отразить, кроме судьбы».

А относительно воздаяния, которое я, ты говоришь, заслужила от тебя, то я сравню тебя по воздаянию со змеей, убежавшей от змеелова. Один человек увидел ее испуганною и спросил: «Что с тобою, о змея?» – и она ответила: «Я убежала от змеелова, и он ищет меня; если ты спасешь меня от него и скроешь меня у себя, я воздам тебе хорошим и сделаю с тобою все доброе».

И человек взял ее, желая награды, жадный до воздаяния, и положил ее за пазуху. А когда змеелов прошел и удалился своей дорогой и то, чего змея боялась, миновало, этот человек сказал ей: «Где награда? Я спас тебя от того, чего ты боялась и остерегалась». И змея отвечала: «Скажи мне, в какой член и в какое место мне тебя ужалить – ты знаешь, что наше воздаяние не идет дальше этого». И потом она ужалила его один раз, и он умер. И тебя, о глупец, я сравнила с той змеей и человеком. Разве не слышал ты слов поэта:

Не верь тому, кем ты прощен
И кто тобою был разгневан.
Змея мягка, но яд силен:
Сидит внутри, а не вовне он».

И волк сказал ей: «О красноречивая, о прекрасная лицом, не забывай, кто я и как люди меня боятся. Ты знаешь, что я налетаю на крепости и обрываю виноградники, – сделай же то, что я тебе велел, и стой передо мной, как раб перед господином». Но лисица воскликнула: «О глупый и невежественный, стремящийся к тщетному, я дивлюсь, как ты глуп и тупоголов, раз ты велишь мне тебе служить и стоять перед тобой, точно я твой раб и ты купил меня за деньги! Ты скоро увидишь, что тебя постигнет – тебе проломают голову камнями и сломают твои предательские зубы».

А потом лисица взошла на холм, возвышавшийся над виноградником, и стала кричать людям в винограднике, и кричала до тех пор, пока не разбудила их. И они заметили лисицу и поспешно, толпой, пришли к ней, и лисица стояла на месте, пока они не приблизились к ней и к яме, где был волк. А потом лисица бросилась бежать, и хозяева виноградника посмотрели в яму и, увидав там волка, принялись бросать в него тяжелые камни и до тех пор били его камнями и палками и кололи зубцами копий, пока не убили.

И когда они ушли, лисица вернулась к яме и остановилась у места убиения волка, и, увидав, что волк мертв, она стала качать головой от сильной радости и произнесла такие стихи:

Погублен волк по воле рока,
Его душа уже далеко.

Абу-Сирхан, меня убить
Хотел ты, но тому не быть,
Ты в этой яме, а не я,
Где веет вихрь небытия.

И лисица осталась в винограднике одна, спокойная, не боясь бедствия, пока не пришла к ней смерть, и вот какова была повесть о волке с лисицей».

Рассказ о Хатиме ат-Таи

«А что касается рассказов о великодушных, то они очень многочисленны, и к ним принадлежит то, что рассказывают о великодушии Хатима ат-Таи.

Когда он умер, его похоронили на вершине горы, и у его могилы вырыли два каменных водоема и поставили каменные изображения девушек с распущенными волосами. А под этой горой была текучая река, и когда путники останавливались там, они всю ночь слышали крики, но наутро не находили никого, кроме каменных девушек. И когда остановился в этой долине, уйдя от своего племени, Зу ль-Кура, царь химьяритов, он провел там ночь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала двести семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зу ль-Кура остановился в этой долине, он провел там ночь. И, приблизившись к тому месту, он услышал крики и спросил: «Что за вопли на вершине этой горы?» И ему сказали: «Тут могила Хатима ат-Таи, и над ней два каменных водоема и изображения девушек из камня, распустивших волосы. Каждую ночь те, кто останавливается в этом месте, слышат эти вопли и крики».

И сказал Зу ль-Кура, царь химьяритов, насмехаясь над Хатимом ат-Таи: «О Хатим, мы сегодня вечером твои гости, и животы у нас опали».

И сон одолел его, а затем он проснулся, испуганный, и крикнул: «О арабы, ко мне! Подойдите к моей верблюдице!» И, подойдя к нему, люди увидели, что его верблюдица бьется, и зарезали ее, зажарили и поели. А потом спросили царя, почему она пала, и он сказал: «Мои глаза смежились, и я увидел во сне Хатима ат-Таи, который подошел ко мне с мечом и сказал: «Ты пришел к нам, а у нас ничего не было!» И он ударил мою верблюдицу мечом, и если бы вы не подоспели и не зарезали ее, она бы, наверное, околела».

А когда настало утро, Зу ль-Кура сел на верблюдицу одного из своих людей, а его посадил позади себя. В полдень они увидели всадника, ехавшего на верблюдице и ведшего на руке другую. «Кто ты?» – спросили его. И он ответил: «Я Ади, сын Хатима ат-Таи. Где Зу ль-Кура, эмир химьяритов?» – спросил он потом. И ему ответили: «Вот он».

И Ади сказал ему: «Садись на эту верблюдицу, твою верблюдицу зарезал для тебя мой отец». – «А откуда тебе известно это?» – спросил Зу ль-Кура. «Мой отец явился ко мне сегодня ночью, когда я спал, – ответил Ади, – и сказал мне: «О Ади, Зу ль-Кура, царь химьяритов, попросил у меня угощения, и я зарезал для него его верблюдицу; догони же его с верблюдицей, на которую он сядет, – у меня ничего не было».

И Зу ль-Кура взял ее и удивился, сколь великодушен был Хатим ат-Таи, живой и мертвый».

Рассказ о халифе Хишаме и юноше

«Рассказывают также, что Хишам, сын Абд аль-Мелика ибн Мервана, как-то был на охоте и вдруг увидел газеленка. И он погнался за ним с собаками и, преследуя газеленка, увидел

юношу из арабов-кочевников, который пас овец. «О юноша, перед тобой этот газеленок, он убежал от меня», – сказал Хишам, и юноша повернул к нему голову и молвил: «О значения лучших не знающий, ты посмотрел на меня глазом умалющим и заговорил со мною речью унижающей! Речью притесняющего твоя речь была, а поступки твои – поступки осла». – «Горе тебе, разве ты меня не знаешь?» – воскликнул Хишам. И юноша ответил: «Тебя я узнал, ибо невежей ты себя показал, сказав мне все это прежде привет!» – «Горе тебе – я Хишам ибн Абд аль-Мелик!» – воскликнул Хишам. И кочевник ответил: «Аллах не приблизь твой родной край и твоей могиле жизни не дай! Как много ты сказал и как мало уважения показал!»

И не закончил халиф своих слов, как воины окружили его со всех сторон и все вместе сказали: «Мир тебе, о повелитель правоверных!» – «Сократите свои речи и стерегите этого юношу!» – сказал Хишам. И юношу схватили. Увидев так много царедворцев, везирей и вельмож царства, он не обратил на них внимания и не спросил про них, но опустил подбородок на грудь и смотрел туда, куда ступала его нога, пока не подошел к Хишаму. И он остановился перед ним, и опустил голову к земле, и молчал, не приветствуя и воздерживаясь от слов. И один из слуг сказал ему: «О собака среди арабов, что мешает тебе пожелать мира повелителю правоверных?»

И юноша обернулся к слуге, гневный, и воскликнул: «О седло для осла, этому препятствует длина пути, и я вспотел, когда пришлось по ступенькам вверх идти!» И Хишам вскричал (а гнев его увеличился): «О юноша, ты явился в день, когда пришла твоя пора, и одежда от тебя ушла, и жизнь твоя истекла!» – «Клянусь Аллахом, о Хишам, – воскликнул юноша, – если время мое суждено сократить, то срок уже нельзя продлить, и ни малым, но многим не могут твои речи мне повредить!» – «Или ты достиг такой степени, о сквернейший из арабов, что ты отвечаешь повелителю правоверных на каждое слово словом?» – воскликнул царедворец, и юноша поспешно ответил: «Да поразит тебя наваждение и да не оставят мученье и заблуждение! Или не слышал ты, что сказал Аллах великий: «В тот день, когда придет всякая душа, оспаривая, чтобы защитить себя!» И тут Хишам поднялся, сильно разгневанный, и воскликнул: «Эй, палач, ко мне, с головой этого юноши! Он много говорит о том, чего никто не вообразит!»

И палач взял юношу, и привел его на ковер крови, и обнажил меч над его головой, и сказал: «О повелитель правоверных, это твой раб, сам собою кичащийся и к могиле своей стремящийся. Отрублю ли я ему голову, не ответственный за его кровь?» – «Да», – сказал Хишам. И палач спросил у него позволения второй раз, и Хишам ему позволил. И палач спросил позволения в третий раз, и юноша понял, что если Хишам на этот раз позволит ему, палач его убьет. И он засмеялся, так что стали видны его клыки, и Хишам разгневался еще больше и воскликнул: «О юноша, я думаю, ты помешанный! Не видишь ты разве, что расстаешься с земной жизнью? Как же ты смеешься, издеваясь над собою?»

«О повелитель правоверных, – ответил юноша, – если жизни моей суждено продлиться, то ни малое, ни многое не может мне повредить! Но мне пришли на память стихи – выслушай их, – убить меня ты успеешь». – «Подавай и будь краток!» – воскликнул Хишам.

И юноша произнес такие стихи:

Рассказывают: сокол над долиной
Схватил пичугу хваткой соколиной.
И птичка, зная, что идет к концу,
Так обратилась к грозному ловцу:
«Пусти меня, ловец, я так ничтожна,
Что мной тебя насытить невозможно!»
И сокол, возгордясь, захохотал
И пищу бедную терзать не стал.

И Хишам улыбнулся и воскликнул: «Клянусь моим родством с посланником Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – если бы он произнес эти слова в первую же минуту и потребовал чего-нибудь, что меньше халифата, я бы, право, дал это ему! Эй, слуга, набей ему рот драгоценностями и дай ему хорошую награду!»

И слуга дал кочевнику великолепный подарок, и кочевник ушел своей дорогой».

Рассказ о Харуне ар-Рашиде и Ситт-Зубейде

«Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид любил Ситт-Зубейду великой любовью. Он устроил ей место для прогулок, и сделал там прудик с водой, и поставил изгородь из деревьев, и пустил в пруд воду со всех сторон, и деревья сплелись над ним так, что, если кто-нибудь подходил к этому пруду, чтобы помыться, его никто не видел из-за обилия листьев на деревьях. И случилось, что Ситт-Зубейда пришла однажды к пруду...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала триста восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт-Зубейда однажды пришла к пруду и стала смотреть на его красоту, и ей понравилось его сверканье и то, как сплелись над ним деревья. А было это в очень жаркий день, и Ситт-Зубейда сняла одежду, и вошла в пруд, и встала там (а вода не покрывала того, кто стоял в ней), и стала наполнять серебряный кувшин и поливать на себя. И Халиф узнал об этом, и вышел из своего дворца, чтобы подсмотреть за ней из-за листвы деревьев, и увидел ее голую, и было видно у нее то, что бывает закрыто. И когда Ситт-Зубейда услышала повелителя правоверных, который был за листьями деревьев, и поняла, что он видел ее голой, она повернулась и увидела его и, застыдившись, закрылась рукою, но не совсем, и ее тело виднелось из-под руки. И халиф тотчас же повернулся, удивленный этим, и произнес такой стих:

Погибель очи увидали,
В разлуке гибну от печали.

И он не знал, что после этого сказать, и послал за Абу-Новасом, призывая его. И когда поэт к нему явился, халиф сказал: «Скажи стихотворение, которое бы начиналось словами:

Погибель очи увидали.
В разлуке гибну от печали».

И Абу-Новас сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И в следующее мгновение симпровизировал и произнес такие стихи:

Погибель очи увидали,
В разлуке гибну от печали.
Тоскую по глазам газели,
Что под деревьями горели.
Вода из светлого сосуда
Лилась, и совершалось чудо.
Увидев нас, она смутилась,
Смутясь, ладонями прикрылась.
Сосуда светлого нежнее.
Как я желал остаться с нею!

И повелитель правоверных улыбнулся словам Абу-Новаса и оказал ему милость, и Абу-Новас ушел от него довольный».

Рассказ о халифе, невольнице и Абу-Новасе

«Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью почувствовал сильное беспокойство. И он пошел пройтись во все стороны по своему дворцу и увидел невольницу, которая покачивалась от опьянения (а халиф был влюблен в эту невольницу и любил ее великою любовью). И он стал с ней играть и привлек ее к себе, и с нее упал плащ, и изар ее развязался. И халиф стал просить ее о сближении, и невольница сказала: «Дай мне отсрочку до завтрашнего вечера, о повелитель правоверных, – я не приготовилась для тебя, так как не знала, что ты придешь». И халиф оставил ее и ушел.

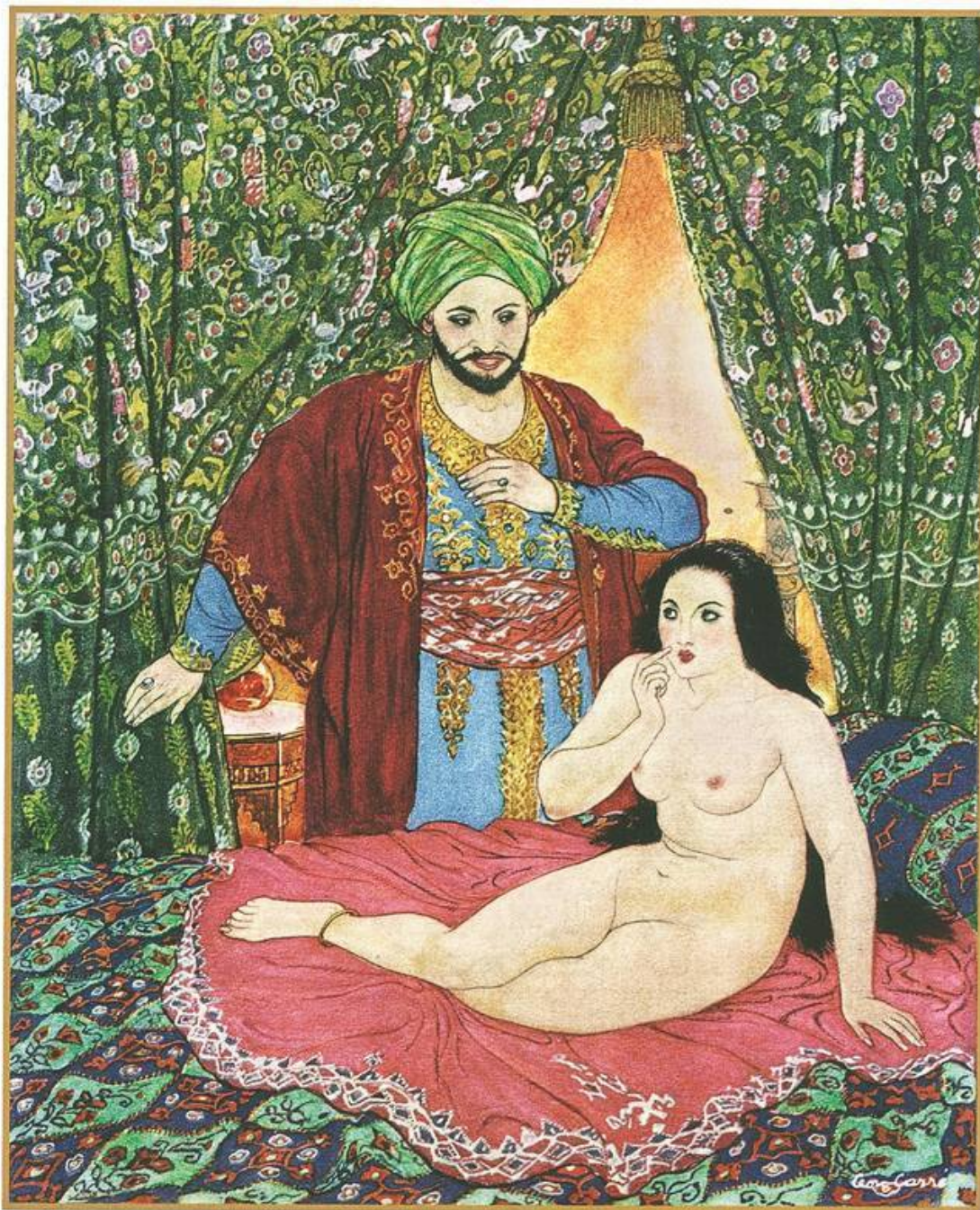
А когда пришел день и засияли огни солнца, он послал к ней слугу, чтобы тот уведомил ее, что халиф идет к ней в комнату, но невольница послала сказать ему: «Слова ночные день уничтожает».

И ар-Рашид сказал своим сотрапезникам: «Скажите мне стих, где бы стояло:

Ночное слово прогоняет день».

И они отвечали: «Слушаем и повинемся!» И затем выступил вперед ар-Раккаши и произнес такие стихи:

Клянусь Аллахом, если бы ты знала
Про страсть мою – покой бы потеряла.
Прийти не хочет, я брожу как тень,
Безумье на меня она наслала,
Сулит и молвит, не смутясь нимало:
«Ночное слово прогоняет день».

А после этого вышел Абу-Мусаб и произнес такие стихи:

Проснулся утром – сердце улетело,
Я беспокоен, я утратил сон.
Я весь в тоске – ты этого хотела?
Я весь в огне, я памятью спален.
И, улыбнувшись, повторил он снова:
«День прогоняет прочь ночное слово».

А потом выступил Абу-Новас и произнес такие стихи:

Конец свиданьям, хоть любовь бессрочна,

Без всякой пользы я открылся ей.
Я увидел ее, хмельную, ночью,
Но и в хмелю она других милей.
Легчайшее скользнуло покрывало,
И от прикосновенья плащ упал,
Уже ее одежда не скрывала —
Ветвь стана и бедра полуовал.
И я промолвил: «Дай мне обещанье!»
«Приду», — она сказала на прощанье.
А среди света молвила дневного:
«День прогоняет прочь ночное слово».

И халиф приказал дать каждому из поэтов по кошельку денег, кроме Абу-Новаса. Ему он велел отрубить голову и сказал: «Ты был с нами во дворце ночью!» — «Клянусь Аллахом, — ответил Абу-Новас, — я не спал нигде, кроме своего дома, но твои слова указали мне на содержание стихов, и сказал Аллах великий — а он самый правдивый из говорящих: «А стихотворцы — за ними следуют обманщики; разве не видишь ты, что они во всякой долине блуждают и что говорят они то, чего не делают?»

И халиф простил его и велел ему выдать два кошелька денег, и потом поэты ушли от него».

Рассказ о Хасибе и царице змей

«Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы мудрец из мудрецов греческих, и было этому мудрецу имя Данияль. И были у него ученики и последователи, и греческие мудрецы подчинялись его велению и полагались на его знания. Но при всем том не досталось Даниялю ребенка мужского пола.

И когда он, в одну ночь из ночей, размышлял про себя и плакал из-за отсутствия сына, который бы наследовал после него его науку, вдруг пришло ему на ум, что Аллах (слава ему и величие!) внимает зову тех, кто к нему обращается, и что нет у врат его милости привратника. Он наделяет, кого хочет, без счета и не отталкивает просящего, когда он его просит, а, напротив, дает ему в изобилии и благо и милость. И попросил Данияль Аллаха великодушного (велик он!), чтобы дал он ему ребенка, которого мог бы он оставить после себя, и оказал бы ему обильные милости, а затем он вернулся к себе домой и познал свою жену, и понесла она от него в ту же ночь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала четыреста восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что греческий мудрец вернулся к себе домой и познал свою жену, и понесла она от него в ту же ночь. А потом, через несколько дней, он поехал на корабле в какое-то место, и корабль разбился, и пропали его книги в море, а сам он выплыл на доске от этого корабля. И было с ним пять листков, оставшихся от тех книг, что упали в море; и, вернувшись домой, он положил эти листки в сундук и запер их.

А беременность его жены стала видна, и сказал ей Данияль: «Знай, что подошла ко мне кончина и близко переселение из мира преходящего в мир вечный. Ты носишь и, может быть, родишь после моей смерти дитя мужского пола. Когда ты его родишь, назови его Хасиб Карим ад-Дин и воспитай его наилучшим образом. А когда он вырастет и спросит тебя: «Какое оставил мне мой отец наследство?» — отдай ему эти пять листков. Когда он прочтет их и поймет их смысл, он станет ученым человеком своего времени».

Затем Данияль простился со своей женой, и издал вопль, и расстался со здешним миром и тем, что есть в нем (да будет над ним милость Аллаха великого!). И заплакали о нем его родные и друзья, и омыли его, и сделали ему великолепный вынос, и закопали его, и вернулись. А затем, через немного дней, его жена родила красивого ребенка и назвала его Хасиб Карим ад-Дин, как завещал ей ее муж. И когда она его родила, к ней привели звездочетов, и звездочеты высчитали его гороскоп и определили, какие звезды в восхождении, и сказали: «Знай, о женщина, этот новорожденный проживет много дней, но будет это после беды, которая с ним случится в начале жизни. Если он от нее спасется, ему будет дано после этого знание мудрости».

И затем звездочеты ушли своей дорогой, а мать кормила сына молоком два года и отлучила его, и когда он достиг пяти лет, она поместила его в школу, чтобы он чему-нибудь научился. Но мальчик не научился ничему, и она взяла его из школы и поместила учиться ремеслу; но он не научился никакому ремеслу, и ему не давалась никакая работа. И его мать плакала из-за этого, и люди сказали ей: «Жени его: быть может, он, заботясь о жене, примется за ремесло».

И мать Хасиба просватала ему одну девушку и женила его на ней, и он провел так некоторое время, но не брался ни за какое ремесло. А у них были соседи – дровосеки; и они пришли к его матери и сказали: «Купи твоему сыну осла, веревку и топор, и он пойдет с нами на гору, и мы с ним будем рубить дрова; плата за дрова будет ему и нам, и он потратит на вас часть того, что достанется ему на долю».

И, услышав это от дровосеков, мать Хасиба сильно обрадовалась. Она купила своему сыну осла, веревку и топор и, взяв Хасиба, отправилась с ним к дровосекам и отдала его им, поручив им о нем заботиться. «Не обременяй себя заботой об этом юноше, – сказали ей дровосеки, – Господь наш наделит его: это сын нашего шейха».

И затем они взяли его с собой, и отправились на гору, и стали рубить дрова, и нагрузили своих ослов, и вернулись в город. Они продали дрова и израсходовали деньги на свои семейства, и потом они возвращались рубить дрова на второй день и на третий день и делали это в течение некоторого времени.

И случилось так, что они отправились в какой-то день рубить дрова, и пошел сильный дождь, и они убежали в большую пещеру, чтобы укрыться там от дождя. И Хасиб Карим ад-Дин ушел от них и сидел один в той пещере, и стал он ударять по земле топором. И он услышал из-под топора, по звуку, что земля пустая, и, поняв, что под землей пусто, принялся копать и через некоторое время увидел круглую плиту, в которой было кольцо. И, увидав это, Хасиб обрадовался и позвал своих товарищей дровосеков...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала четыреста восемьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасиб Карим ад-Дин, увидев плиту, в которой было кольцо, обрадовался и позвал своих товарищей дровосеков. И они пришли, и увидели эту плиту, и, поспешив к ней, вырвали ее и нашли под ней дверь. И они открыли дверь, бывшую под плитой, и вдруг оказалось, что это колодец, наполненный медом пчел. И дровосеки сказали один другому: «Вот колодец, наполненный медом, и нам остается только пойти в город, принести бурдюки и наполнить их этим медом. Мы продадим его и разделим его стоимость, а один из нас посидит около меда, чтобы стеречь его от других людей». – «Я посижу и постерегу его, пока вы сходите и принесете бурдюки», – сказал Хасиб.

И они оставили Хасиба Карим ад-Дина стеречь колодец и ушли в город. И они принесли бурдюки, и наполнили их медом, и, нагрузив ослов, вернулись в город, и продали мед, а потом они снова пришли к колодцу, во второй раз, и делали так в течение некоторого времени. Они ночевали в городе, возвращались к колодцу и наполняли бурдюки медом, а Хасиб Карим ад-Дин сидел и стерег колодец. И дровосеки в один из дней сказали друг другу: «Нашел-то колодец

с медом Хасиб, и завтра он пойдет в город, пожалуется на нас и возьмет плату за мед и скажет: «Это я нашел мед». Мы избавимся от этого, только если спустим его в колодец, чтобы он наложил в бурдюки мед, который там еще есть, и оставим его там; он умрет в тоске, и никто о нем не узнает».

И все они сговорились об этом деле и пошли, и шли до тех пор, пока не пришли к колодцу, и тогда они сказали Хасибу: «О Хасиб, спустись в колодец и собери нам мед, который там остался». И Хасиб спустился в колодец и собрал оставшийся там мед и крикнул: «Таштите меня, здесь ничего не осталось!» Но никто из дровосеков не дал ему ответа; они нагрузили ослів и поехали в город, оставив Хасиба одного в колодце. И он стал звать на помощь и плакать, восклицая: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я умру в тоске!»

Вот что было с Хасибом Каримом. Что же касается дровосеков, то, достигнув города, они продали мед и пошли, плача, к матери Хасиба и сказали ей: «Твой сын Хасиб приказал долго жить!» – «Отчего же он умер?» – спросила она. И дровосеки сказали: «Мы сидели на горе, и вдруг пошел сильный дождь, и мы приютились в пещере, чтобы укрыться там от дождя. И не успели мы опомниться, как осел твоего сына убежал в долину, и Хасиб пошел за ним, чтобы вернуть его из долины, а там был большой волк, и он растерзал твоего сына и съел осла».

И, услышав слова дровосеков, мать Хасиба стала бить себя по лицу и сыпать землю себе на голову и принялась оплакивать своего сына, а дровосеки приносили ей каждый день еду и питье.

Вот что было с матерью Хасиба, а что касается дровосеков, то они пооткрывали лавки и стали купцами и не переставая ели, пили, смеялись и играли. Что же касается Хасиба Карим ад-Дина, то он начал плакать и рыдать, и когда он сидел в колодце, будучи в таком состоянии, вдруг упал на него большой скорпион. И Хасиб поднялся и убил скорпиона, и потом он подумал про себя и сказал: «Этот колодец был наполнен медом; откуда же пришел этот скорпион?» И он встал, чтобы осмотреть то место, откуда упал скорпион, и стал поворачиваться в колодце направо и налево и увидал, что из того места, откуда упал скорпион, блистает свет. И Хасиб вынул бывший у него нож и расширил это отверстие, так что оно стало размером с окно. И тогда он вышел через него и шел некоторое время внутри колодца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.